МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОШСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи
УДК 81-2 : 811. 161 (575.2) (043.3)

Мадаминова Диларам Болотбековна

КОНЦЕПТ *ТРАДИЦИЯ* В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Зулпукаров К.З.

Бишкек - 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….3

ГЛАВА I. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ-10

1.1. Традиция как предмет изучения социологии, философии, фольклористики, культурологии, правоведения и языкознания…….....10

1.2. Исследование кыргызских обычаев, традиций в науке…… …....16

1.3. Концепт как категория антропоцентрической лингвистики.....……27

Выводы.....40

ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Материалы исследования: основные репрезентанты концепта «Традиция» в сопоставляемых языках …….....…….....42

2.2. Методы исследования ……...53

Выводы 55

ГЛАВА III. РЕЗУЛЬТАТЫ СОБСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1. К вопросу о типологии разновидностей концепта «Традиция» с позиции кыргызско-русского двуязычия…….....57

3.2. О составе номинантов концепта «Традиция» и их взаимосвязи …….....73

3.3. Эпитеты к субстантивным номинантам концепта «Традиция»…….....98

3.4. О некоторых паремийных средствах передачи традиционных установлений этноса.....……120

3.5. Кыргызские лингвоэтнокультурные запреты и их место в структуре концепта «Традиция».....……..125

3.6. Экспоненты концепта «Традиция» в индивидуально-авторском сознании носителя и знатока русского языка…….....165

3.7. Результаты исследования и ассоциативного эксперимента.....173

Общие выводы…….....182

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….....185

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ…….....189

ВВЕДЕНИЕ

Как хорошо известно, традицией называют элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в обществе и общественных группах (в семьях, кланах, общинах, сословиях, кастах, нациях, религиях и т.д.) в течение длительного времени. Традиция охватывает и объединяет в себе объекты материальной и духовной ценностей, процесс социокультурного наследования, способы и пути передачи наследия от предшествующего поколения к последующему.

Традиция - многоплановое и сложно устроенное общественное явление. В качестве традиции выступают определенные социальные установления, нормы поведения, правила общежития, ценности, идеи, обычаи, обряды, символы и т.д., которые являются необходимым условием жизнедеятельности и мерилом единства и устойчивости различных социальных групп.

Каждое поколение с необходимостью воспринимает, усваивает и соблюдает традиции, вместе с тем в определенной мере осуществляет выбор тех или иных традиций, сохраняя одни элементы социального наследия и отвергая другие (вредоносные, антигуманные, “варварские”, примитивные, нерациональные и т.д.). Понятно, что слепое преклонение перед традицией порождает консерватизм, застой и противодействие в обществе, а пренебрежительное отношение к социальному наследию приводит к нарушению преемственности в развитии общества и культуры, к потере ценных достижений предшествующих поколений, к разрыву связей между членами и группами социума.

Следовательно, знание этнических традиций, понимание и сохранение прогрессивных ценностей прошлого, восприятие и закрепление в обществе новых правил и норм жизнедеятельности людей важны для функционирования и развития общества. Именно поэтому проблематика теории социально-культурных традиций в обществе была объектом специального изучения многих социологических, политологических, историко-этнографических,

искусствоведческих и других направлений в гуманитарных науках (С.Б.Адоноева, Б.М.Алимова, С.А.Арутюнова, М.К.Асанбеков, С.И.Абрамзон, К.Ф.Бабаев, А.И.Барсегян, Л.В.Бакуленко, Е.В.Грязнова, М.М.Конаков, Е.А.Лисина, А.К.Мырзахметов и др.).

Однако в социолингвистике, лингвокультурологии и других смежных отраслях языкознания встречаются только отдельные работы, исследующие пути и способы объективации понятий “традиция”, “обычай”, “обряд”, “норма” в собственно лингвистическом, когнитивном и лингвоэтнокультуроведческом аспекте (М.Д.Алексеевский, Е.Б.Бесолова, Н.П.Дронова, Т.В.Леонтьева, Н.Д.Федяева и др.). В Кыргызстане проблемы языковой материализации соответствующих концептов остаются вне поля зрения лингвистов, если не считать отдельных замечаний и интересных примеров, содержащихся в трудах Л.А.Шеймана, М.Х.Манликовой, З.К.Дербишевой, М.Дж.Тагаева, П.К.Кадырбековой, А.А.Абдулатова, А.Р.Бутешовой, Э.А.Абдувалиевой, К.Йылдырыма и других. Поэтому считаем, что уже назрела необходимость в изучении экспонентов концепта «Традиция» в сопоставительном лингвоэтнокультурологическом плане.

Актуальность темы настоящей работы состоит:

1) в важности социокультурного концепта «традиция» в осознании социальной идентичности и единства людей, в регулировании, упорядочивании и позитивном ориентировании их поведения и жизнедеятельности;

2) в неизученности данного концепта и его языковых репрезентантов в лингвоэтнокультурологическом, когнитивно-языковом и лингвоконцептологическом аспектах;

3) в необходимости сопоставительно-типологического исследования способов объективации концепта “Традиция ” в кыргызском и русском языках;

4) в практической значимости рассмотрения языковых средств выражения концепта по направлению “от кыргызского языка - к русскому”, особенно для целей преподавания кыргызского языка как неродного.

Связь темы с государственными программами и планами научно-исследовательских учреждений. Работа является инициативной.

Цель работы - раскрыть когнитивно-языковую сущность концепта «Традиция» через изучение объективирующих его номинантов в сопоставляемых языках.

Достижение этой цели предполагало решение следующих **конкретных исследовательских задач:**

1) изучить литературу по социологии, этнографии, политологии, культурологии, литературоведению и другим гуманитарным наукам, в которых изучается проблематика традиций и обычаев в обществе; на этой основе дать общее определение понятию «Традиция»;

2) выявить лингвоэтнокультуроведческие признаки концепта “Традиция”; определить состав, разновидности и соответствующие номинанты этого концепта;

3) установить иерархию когнитивно-языкового строения концепта “Традиция”, гиперо-гипонимические отношения его составляющих, центр и периферию по параметрам “общее - единичное”, “целое - часть”, “типичное - атипичное”, “регулярное - нерегулярное”, “денотативное - коннотативное”, “нейтральное - стилистически-окрашенное”, “частотное - менее частотное ”, “ключевое - второстепенное", “социально-значимое - социально-незначимое” и т.д.;

4) произвести тематико-функциональную классификацию видов и разновидностей кыргызских традиций и обычаев и описать некоторые из них с точки зрения русского языкового мышления;

5) описать привычные для кыргызского менталитета календарно-астрономические, религиозные, морально-этические, семейно-бытовые и прочие установки и нормы, отраженные в паремиях и других жанрах фольклора, в плане их перевода на русский язык;

6) сопоставить кыргызско-русские способы и сценарии осуществления традиционных церемоний, ритуалов и обрядов в аспекте их сохранения, усовершенствования и преобразования;

7) определить общее и специфичное в соблюдении и реализации различных обрядов в двух лингвокультурах.

Новизна полученных в работе результатов состоит в том, что в ней:

1) выдвинуто и обосновано положение о многосложном и многоаспектном характере концепта “Традиция”; продемонстрирована корреляция содержания смежных терминов и обозначений: *традиция, обычай, обряд, ритуал, церемония, норма, привычка, стереотип* и др. в рамках концепта “Традиция”;

2) дано общее, исчерпывающе полное определение понятия “Традиция” в лингвоэтнокультурном аспекте; выделены его существенные свойства; произведена наиболее обоснованная классификация видов и номинантов данного концепта;

3) выявлены общие и специфические свойства проведения межкультурных ритуалов, церемоний и обрядов;

4) охарактеризованы особенности национально-культурных обрядов кыргызского и русского народов; определены причины и пути нивелировки их различий;

5) установлен взаимодополнительный характер ментально-языкового и функционально-семантического содержания ядерных и периферийных репрезентантов концепта в парадигме и синтагме; продемонстрирована возможность различения ядерных и периферийных элементов концепта “Традиция” в структуре одного предложения;

6) выявлены концептообразующие функции эпитетов в структуре преложения.

Методологическая база и методы исследования. Работа базируется на достижениях как традиционной лингвистики, прежде всего семасиологии, сопоставительной лексикологии, монолингвальной и билингвальной

лексикографии, так и ставшего в настоящее время весьма актуальным лингвистического атропоцентризма, реализуемого в содержании исследований, выполняемых в пределах лингвоконцептологии, лингвокультурологии, когнитивного языкознания и других смежных наук.

Практическая часть работы выполнена с помощью эмпирических методов, а именно: наблюдения, сбора, каталогизации, систематизации и комментирования фактов; лингвистического и ассоциативного экспериментов, а теоретическая часть - при помощи описательного, сопоставительного, сравнительного, интерпретационного, системного методов, а также приемов и процедур анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, аналогии и других. Все эти методы подчинены всеобщему методу - диалектике, рассматривающей объекты во взаимосвязи, взаимодействии, развитии в рамках составляющего их целого.

Практическая ценность результатов работы заключается в возможном их использовании в теоретических курсах “Теория языка”, “Лексикология”, в спецкурсах по когнитивному языкознанию и лингвокультурологии, а также на практических занятиях по кыргызскому языку для некыргызов и по русскому языку для нерусской аудитории в вузах Кыргызской Республики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт “Традиция” - многослойное, многоаспектное и сложноустроенное ментально-языковое образование. Он по-разному коррелирует с такими понятиями, как *обычай, ритуал, церемония, норма* и т.д., образуя вместе с ними один когнитивно-смысловой блок в памяти человека.

2. В лингвоконцептологии отсутствует полное определение концепта “Традиция” и наиболее обоснованная классификация его видов и номинантов.

3. Концепт “Традиция” и его когнитивно-языковые составляющие имеют в сопоставляемых языках тождественное в целом строение. Однако они проявляются и реализуются в языках и культурах двух этносов совершенно по-разному. Есть ритуалы, встречающиеся в одной культуре и отсутствующие в другой.

4. Интенсивное развитие общества в условиях глобального взаимодействия и взаимовлияния этносов приводит к стиранию граней, сокращению различий и увеличению общих черт в традициях народов мира. В настоящее время отмечается тенденция к нивелировке отличий в обычаях кыргызского и русского этносов.

5. В структуре рассматриваемого концепта можно различать ядро и периферию, дифференцируемые по целому ряду параметров, а также по признакам “парадигма” и “синтагма”. Даже в одном предложении можно различать ядерные и периферийные номинанты концепта “Традиция”.

6. К периферийным экспонентам концепта относятся типичные эпитеты, которые классифицируются на разных основаниях.

Личный вклад соискателя. Тема для исследования предложена научным руководителем. Нами собраны и проанализированы факты кыргызского и русского языков, которые исследовались по принципу “от кыргызского языка - к русскому” в сочетании его с подходом “от русского языка – к кыргызскому”. Изучение литературы, сбор, систематизация, анализ, перевод, описание фактов, обобщение и формулировка выводов осуществлены автором лично. Часть статей опубликована в соавторстве (А.Т. Абдраева, Э.А. Абдувалиева).

Применение результатов работы. Основные идеи и фактический материал, проанализированный в работе, использовались на практических занятиях русского и кыргызского языков в ОшГУ при изучении лексической темы “Обычаи и традиции кыргызского народа”.

Апробация работы. Текст диссертации по частям обсуждался на секции языковых дисциплин Финансово-юридического колледжа ОшГУ, на кафедре практического курса русского языка и культуры речи факультета русской филологии того же университета, в полном объеме - на объединенном заседании кафедры русского и сопоставительного языкознания, кафедры практического курса и культуры речи, кафедры кыргызского языкознания ОшГУ. По теме опубликовано 8 статей и прочитано 7 докладов на университетских и республиканских научно-практических конференциях.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Объем – 187 страницы стандартного компьютерного текста. Список литературы насчитывает 204 наименования. Приложение отсутствует.

ГЛАВА I. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ КОНЦЕПТА “ТРАДИЦИЯ”

1.1. Традиция как предмет изучения философии, социологии, фольклористики, культурологии, правоведения и языкознания

Как известно, традицией принято называть систему элементов социального и культурного наследия, передающуюся от поколения к поколению и сохраняющуюся в определенных обществах, нациях, классах и других социальных группах в течение длительного времени.

В качестве традиции выступают определенные общественные установления, нормы и правила поведения, ценности, идеи, верования, обычаи, обряды, поверья и т.д. Следовательно, традиция имеет множество аспектов, компонентов и слоев.

Отметим, что **многие вопросы теории традиций и обычаев были предметом изучения специалистов различных отраслей науки.**

Охарактеризуем содержание некоторых известных нам исследований, выполненных философами, социологами и историками.

В статье С.А. Арутюнова «Обычай, ритуал, традиция» рассматривается соотношение трех основных понятий изучаемого нами концепта, подчеркивается научная значимость термина традиция [16, с. 97-98]. Те же вопросы на более широком материале, а именно: на фактах динамики образа жизни сельского населения Кыргызстана, освещаются в кандидатской диссертации М.К. Асанбекова [17, с. 3-22]. Много интересных соображений и наблюдений содержится в исследовании А.К. Байбурина «Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов» [22, 240 с.]. В нем ритуал и обряд мыслятся как важнейшие элементы традиции родственных этносов, имеющие как общие, так и специфические черты.

А.И. Барсегян в своей статье «О классификации форм культурной традиции» касается основных положений идеи о культурных традициях

народов и осуществляет разбиение традиции на виды и подвиды [24, с. 102-103].

Общетеоретические вопросы, связанные с традицией, рассматриваются в монографии С.К.Бондырева «Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества» [34, с. 280]. В ней обосновано положение о том, что установленные в обществе элементы социокультурного наследия играют большую роль в стабилизации социальной жизни, в сохранении, умножении и развитии культурных и нравственных ценностей. В.В.Глебкин, исследуя специфику ритуала, определяет его сущность, место и роль в преемственных связях между поколениями [42,с.68-69]. Весьма содержательная статья И.В.Демичева «Обычай, ритуал и проблемы устойчивости социальной жизни» перекликается с предыдущими двумя работами [48, с.963-965].

К.Ю.Добрин в статье «Феномен социальной нормы» углубленно изучает особенности общественных норм и стандартов и их значение в устойчивом и преемственном развитии этноса [55, с. 248-254].

Связь ритуалов и различных поверий с космогонией, с учением о происхождении и развитии космических тел (звезд, планет, звездных скоплений, галактик и т.д.), исследуется в солидной книге М.Евзлина «Космогония и ритуал» [60, 337 с.]

В книге Ф.С.Капицы «Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы» изучаются элементы общеславянского социокультурного наследия, обеспечивающие идентичность происхождения и жизнедеятельности его носителей, рассматриваются причины исчезновения одних и возникновения других славянских ценностей, влияние соседних (неславянских) народов на этнокультурные нормы и правила славян [91, 215 с.].

В труде И.Киреевского «Духовные основы русской жизни» определяются исходные принципы и общеславянские черты русской духовной культуры, новшества, возникшие на собственно русской почве, и роль таких глубоко русских идей, как Русь, православие, церковь, царь, Москва, родина и т.д., в единении русского народа [99, 448 с.].

Работа Э.Маркаряна была посвящена анализу актуальных проблем теории культурной традиции [127, с.78-93]. По теме с этим исследованием связана кандидатская диссертация «Роль традиций в современной культуре», защищенная О.В.Ледовской, представляющая современный уровень научных знаний о значимости традиций для развития культуры [118, с. 3-20].

Социально-философские аспекты традиций рассматриваются в кандидатской диссертации Е.А.Лисиной, защищенной в 2008 году по философии [120, с. 3-19].

Традиция - многоплановое и разветвленное социальное явление. Ее изучение сопряжено со многими трудностями и предполагает обращение к самым различным источникам, методам и принципам исследования. С этой точки зрения интересна статья Т.В.Лобановой «Основные подходы к изучению проблемы традиции» [123, с. 70-76]. В ней анализируются различные модели рассмотрения феномена традиции.

В исследовании В.Н.Нечипуренко «Ритуал (опыт социально-философского анализа)» поднимаются спорные вопросы теории и истории ритуала как социального явления, которые решаются в русле проблематики традиций и этнокультурного единства этносов и социальных групп [135, 279 с.].

Работа И.А.Панкеева отличается основательностью методологической базы и глубиной анализа обычаев и традиций русского народа [140, 542 с.]. В ней развиваются некоторые идеи В.Д.Плахова, изложенные в его монографии «Традиции и общество» [142, 220 с.].

В некоторых исследованиях авторы обращаются к источникам появления обрядов, ритуалов, обычаев и традиций этноса. Много этногенетических идей содержится в книге М.В.Рейли «Истоки жизни: русские обряды и традиции» [150, 253 с.]. В труде А.В.Сергеевой наряду с истоками традиций и обычаев рассматриваются их этические, морально-нравственные, этноментальные аспекты [167, 323 с.]. Трансформирование и эволюция ритуала изучаются Е.В.Яговдиком [210, 20 с.].

Регулятивные и социокультурные функции традиций изучаются в исследовании А.И.Соколова [172, с. 3-22], выполненном в качестве кандидатской диссертации по философии. Сходные вопросы изучались в книге И.В.Суханова «Обычаи, традиции и преемственность поколений» [178, 216 с.]. Из современных исследований обращает внимание кандидатская диссертация Ю.Н.Триля по социологии на тему: «Социокультурные традиции обряда (на материалах народов Северного Кавказа)» [192, с. 3-19; 191, с. 263-268].

Интересны те исследования, в которых изучаются особенности традиций и обычаев малых народов и народностей России и других стран: брачные и свадебные обычаи народов Дагестана [124, с. 131-145], идеи добрососедства и гостеприимства в Дагестане [148, с. 71-79], похоронно-поминальные обряды осетин [151, с. 3-34], семейно-праздничная обрядность мордовского края [14, с. 202-217], принудительные «гостевания» в Дагестане [39, с.17-20], чувашские обычаи, обряды и традиции крещения детей [61, с. 39-44], традиционные обычаи и обряды мордвы [106, 150 с.], традиционные обряды удмуртов [129, 258 с.; 161, с.69-75], свадебные обычаи и обряды таджиков [177, 16 с.], традиционные обычаи и обряды башкир, связанные с рождением и смертью [195, 21 с.], обычаи алтайцев [212, 20 с.] и др.

Народно-хозяйственное и правовое значение традиций и обычаев рассматривалось в целом ряде исследований экономистов, социологов и юристов. Назовем некоторые из них: статья А.А.Белкина «Обычаи и обыкновения в государственном праве» [25, с. 35-36], статьи Н.А.Бутаковой «Обычаи и обыкновения в коммерческой деятельности» [35, с. 140-149] и Д.Ж.Валеева «Обычное право и начальные этапы его генезиса» [37, с. 10-18], диссертация Д.Г.Грязнова «Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке» [43, 21с.], статья В.Н.Козлова «Обычай делового оборота и деловое обыкновение: проблемы соотношения» [102, с. 96-98], монография С.Я.Лебедева «Традиции, обычаи и преступность: теория, методология и опыт криминологического анализа» [117, 166 с.],

диссертация Н.В.Лисицына «Обычаи российского права» [121, 20 с.] и др., которые посвящены изучению **основ обычного права** у разных народов.

Традиции и обычаи русских и других народов России репрезентируются в языке, материализуются в словах и фразеологизмах и были **предметом изучения ряда языковедов.**

В диссертации Д.Антонякова «Фразеологические единицы русского языка, связанные с обычаями и обрядами» [14, 21 с.], приводится и анализируется целый перечень идиом и афоризмов, отражающих ритуалы, церемонии и традиции русского народа. Энциклопедический характер носит монументальный труд Е.Л.Березовича «Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования» [26, 600 с.]. К теме нашей работы имеет отношение статья А.Б.Болхоевой «Репрезентация концепта «гостеприимство» в русском и английском языках», выполненная по специальности 10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание [32, с. 55-62]. По этой специальности защищена диссертация Г.Р.Гариповой «Концепт «гостеприимство» в русском и английском языках (на материале фразеологизмов)» в Башкирском государственном университете [40, 23 с.].

А.А.Зализняк в статье «Гости как мероприятие в русском языке и картине мира» [68, с. 100-114] раскрывает особенности русского гостеприимства в монолингвальном плане.

Для нас особенно было полезным содержание статьи Н.П.Дроновой, «Фреймовый подход к моделированию обычая» [58, с. 315-321], использовананая нами **при лингвоэтнокультурологическом анализе сценариев и фреймов отдельных кыргызских обрядов.** Некоторые фреймы русского национального сознания описываются в диссертации Е.В.Калмыковой «Обряд колядования как текст - структура, семантика, лексика, классификация колядок и овсеней (на тамбовском материале)», защищенной по специальности «Русский язык» в 2003 году [86, 20 с.]. На более широком материале характеризуются типы и разновидности обрядовых концептов в диссертационной работе Н.А.Колковой [105, 19 с.].

Общетеоретические вопросы отражения традиций и обычаев в языке освещаются в исследованиях А.В.Кравченко [109, с. 51-66] и В.В.Красных [110, с. 68-149]. Особенно важны для лингвоконцептологии и лингвокультурологии **свойства культурной памяти,** выделенные и описанные В.В.Красных: 1) коллективность; 2) системность; 3) динамичность; 4) константность и изменчивость; 5) избирательность; 6) линейность и нелинейность; 7) аксиологичность; 8) панхронность (связь с предыдущим опытом, включение в память надвременных и всевременных феноменов); 9) комплексность / интегративность; 10) проективность; 11) действенность; 12) функциональность [110, с. 85-88]. **Любая культура есть коллективная память и часть общей памяти человечества.** С этой точки зрения традиции и обычаи этноса выступают как элементы культуры и памяти всего человечества.

В статье Т.А.Рычковой описывается текстовое употребление словосочетаний, обозначающих русские традиции и обычаи [157, с. 157-159]. Диссертационная работа В.С. Рязановой-Даури «Нравы и обычаи в повседневной культуре хантов и манси», выполненная по культурологии, содержит большое количество лингвистического материала [158, 21 с.]. Исследование О.А.Седаковой интересно тем, что в нем подвергнуты анализу обрядовая терминология и структура погребальных текстов на материале обрядов восточных и южных славян [166, с. 3-19]. Этимология и эволюция терминологии обрядов и верований древних славян исследуются С.М.Толстой в целом ряде ее сочинений [190, с. 215-229]. О.С.Финько выполнена диссертационная работа на тему «Лексика свадебного обряда Кубани» [196, 19с.]. Фольклорные номинанты концепта «обычай» получили обстоятельную характеристику в монографии Т.В.Леонтьевой [119, 200с.].

В целом ряде работ изучаются пути и способы объективации концепта «вера» в языке. Это труды О.В.Ивашенко [76, с. 186-187], Е.Б.Казниной [83, 21с.], Т.А.Талаповой [186, 22 с.], Т.А.Тимошевской [189, 21 с.], В.И.Убийко [194, с. 189-192] и др. В них всесторонне раскрыто денотативное, образное и коннотативное содержание концепта «вера» в монолингвальном и

сопоставительном планах, его связь с культурой, памятью, обычаями и традициями русского и других народов.

Для нашей работы важное значение имели исследования А.П. Бабушкина [21], А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [23], Н.Н. Болдырева [29, 30], В.З. Демьянкова [49], А.А. Залевской [66, 67], Л.Б. Зубковой [69], Т.А. Кильдибекова [98], А.В. Кравченко [109], В.В. Красных [110], Е.С. Кубряковой [111, 112], Д.С. Лихачева [122], В.А. Масловой [128], М.В. Пименовой [141], З.Д. Поповой, И.А. Стернина [143, 144, 145, 176], Ю.А. Прохорова [146], Е.В. Рахилиной [149], А.В. Рудаковой [152], Т.А. Рычковой [156, 157], З.К. Сабитовой [160], Г.Г. Слышкина [170], Ю.С. Степанова [173, 174] и др., в которых рассматриваются общетеоретические проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурологии

Беглый обзор литературы, известной в России, свидетельствует о том, что репрезентанты и виды концепта «Традиция» были объектом исследования многих философов, культурологов, экономистов, юристов, фольклористов и языковедов.

1.2. Исследование кыргызских обычаев, традиций в науке

Традиции и обычаи кыргызского народа изучались многими учеными-историками, философами, социологами, этнографами, фольклористами, культурологами, языковедами и т.д. С точки зрения российского и европейского менталитета они рассматривались в трудах Н.Я.Бичурина, В.Шота, В.В.Радлова, Ч.О.Валиханова, Н.А.Аристова, В.В.Бартольда и др., с точки зрения советской науки - в исследованиях А.Н.Бернштама, Д.Г.Савинова, И.А.Батманова, С.М.Абрамзона, В.М.Плоских, В.П.Мокрынина, А.М.Мокеева и других.

Среди исследований традиций и обычаев кыргызского народа особое место занимает научно-популярный труд А.С.Акматалиева, опубликованный в 2000 г. под названием «Кыргыздын көөнөрбөс дөөлөттөрү / Нестареющие

ценности кыргызов» [7, 348 с.]. В нем собраны и изданы работы этнографа, написанные в разные годы и посвященные описанию обычаев, обрядов и поверий народа. Большую ценность имеет предисловие к нему, автором которого является педагог-ученый Сабыр Иптаров [с. 4-11]. Имея филологическое образование, А.С.Акматалиев нередко делает экскурсы на происхождение и употребление номинантов концепта «Традиция». В книге охвачены все сферы жизни кыргызов, где сохранены, корректируются и совершенствуются традиционные нормы и правила их жизнедеятельности: 1) сфера родственных связей; 2) обыкновения, связанные с рождением, воспитанием детей и подготовкой их к жизни; 3) сфера семейных отношений; 4) прием гостей; 5) обряды кочевой жизни; 6) свадебные обряды; 7) ритуалы сватовства; 8) повседневные нормы и правила; 9) ценимые кыргызами качества людей; 10) обычаи, связанные с одеждой; 11) погребальные обряды и др.

Монография писателя-историка А.М.Оморова тоже посвящается описанию традиций, обычаев, мудрых мыслей, поверий кыргызского народа, которые уже начинают видоизменяться, трансформироваться или даже забываться. В лингвокультуроведческом разделе его книги «Баба салты, тарых изи жана жөрөлгө / Традиции предков, следы истории и обычаи» [137, 206 с.] автор обстоятельно излагает традиционные представления и действия кыргызов, связанные с символикой национального орнамента [с. 78-84], сватовством [с. 84-91], поминками [с. 91-102], календарем [с. 102-104], подготовкой хищных птиц к охоте и лошадей к скачкам [с. 114-136], с народным представлением о покровителях животных [с. 136-137], о сорока коленях кыргыза как по восходящей, так и по нисходящей линиям [с. 141-142], о традиционных методах ведения войны [с. 144-155], о состязаниях акынов [с.101-186], о юрте и конских снаряжениях [с. 186-198], о поверьях, приметах и о предрассудках народа [с.198-224], о символике сна [с. 224-248]. Конечно, **не все подразделы книги обладают одинаковой убедительностью, ценностью.** Стиль изложения оставляет желать лучшего. Например, знать 40 предков и 40 потомков по восходящей и нисходящей линиям, называть каждый из них отдельным словом

(всего 80 наименований и 80 собственных имен) - это бесполезное, никому не нужное занятие, не заботящихся о рациональной трате времени и думающих только об оригинальности «кыргызскости», значимости принадлежности к этому этносу. Многие из соответствующих названий к тому же являются несуразными, нелогичными и несерьезными.

В кыргызоведение заметный вклад внес поэт-этнолог А.Жакшылык-Нур. Читателям хорошо известны его научно-публицистические труды «Эстутум / Память», «Кыргыз жолу / Путь кыргызов» и «Кыргызчылык / Кыргызоведение» (букв. «Кыргызскость»).

Для изучения концепта «Традиция» большую ценность представляет последняя книга автора. В ней подробно на большом теоретическом и фактическом материале раскрываются исход и происхождение кыргызского этноса, связи предков кыргызов с другими народами, их менталитет, ментальность и мировоззрение. Для установления корней народа и их идентификации автор выделяет следующие задачи:

1) определение этнической морфологии нации путем изучения антропогенетических свойств ее представителей (ДНК);

2) уточнение этнического единства нации (знание территории обитания предков, их взаимодействия с другими народами, установление истоков языка-предка и способов общения древних народов, особенностей кочевой цивилизации и самоидентификации кыргызского этноса);

3) обоснование деления нации на три крыла - правое, левое и среднее, исходя из потребности защиты-атаки в военное время;

4) изучение путей интеграции и дифференциации (конвергенции и дивергенции) родственных и неродственных народов, в том числе кыргызов;

5) исследование обычаев и традиций народа;

6) анализ этического сознания и мировоззрения, развитие чувства чести, патриотизма и «кыргызскости», сохранение достоинства и авторитета наименования «кыргыз (ский человек)», культуры и игр-зрелищ кыргызов;

7) соблюдение правил и норм этнического поведения (создание национальной школы воспитания, институты аксакалства, преемственность связи между поколениями, пример родителей, родственников и всего народа, этика уважения и почитания, развитие гуманизма, великодушия и т.д.);

8) учет внутренних родо-племенных делений по данным родословных с целью достижения единства этноса;

9) сохранение единства менталитета, характера и поведенческих стереотипов; развитие идентичности образа мышления и норм поведения у представителей этноса;

10) познание кыргызского темперамента и поведенческой темпоральности (исследование кыргызского спокойствия, уравновешенности, кротости, ленивости, безответственности, храбрости, стойкости, решительности, безалаберности, великодушия, красноречивости, импровизаторства, открытости и др. черт их психики в рамках дисциплины «Кыргызоведение»);

11) изучение характера кыргызов, сформированного единством интеллектуальных, эмоционально-чувственных, поведенческих, бытовых, исторических и других устойчивых свойств человека.

Эти задачи автор считает актуальными для современной теории кыргызоведения. Некоторые идеи А.Жакшылык-Нура мотивированы недостаточно убедительно, а часть интересна в плане изучения интегративных процессов в развитии этноса, сохранения и развития позитивных обычаев и традиций народа, исследования нравов и привычек людей и т.д.

А. Жакшылык-Нур в качестве культурных традиций этноса называет:

1) тенгрианство;

2) почитание духа предков (знание семи предков, передача опыта предшествующего поколения к следующему; благопожелание и усиление национального сознания);

3) освоение мира (летоисчисление, знание специфики месяцев, познание эзотерики и мистических начал, лекарское искусство и т.д.);

4) уважительное отношение к природе;

5) сохранение согласия и мира;

6) бережное отношение к обычаям и традициям народа;

7) культура гостеприимства;

8) культура великодушия и доброжелательства;

9) политическая культура (патриотизм, защита интересов народа, знание международного права и т.д.);

10) культура воспитания;

11) культура здравоохранения;

12) культура народного хозяйства и т.д.

Всего называется и расшифровывается 20 видов культурной традиции кыргызов.

Этот автор широко понимает культурные традиции кыргызов, относя к ним все, что входит в состав их жизнедеятельности.

Этнические традиции кыргызов изучаются и многими другими специалистами по этнологии, филологии, педагогике и другим отраслям знания.

Н.Сакиева исследует семейные традиции кыргызов, взаимоотношения супругов в семье, проблемы семейного воспитания детей [164, с. 24-28; 163, с. 82-113; 162, с. 498-512]. Ж.Асанова обращает внимание на роль поверий и обычаев в воспитании детей младшего возраста [18, с. 49-63]. Н.Сакиева широко охватывает период воспитания детей. По ее мнению, воспитание ребенка начинается еще в тот период, когда он находится в утробе матери. Она мотивированно излагает и поясняет правила и приемы воспитания детей в младшем, подростковом и старшем возрасте [163, с. 82-114].

В статье А.Аттокуровой описываются порядки сватовства, посещения женихом невесты и другие обряды кыргызов по данным Талып Молдо [19, с. 137-144]. Обряд проводов невесты у алтайцев был предметом изучения М.Жеңишбек кызы [65, с.145-147]. В статье Г.Шакировой рассматриваются советы матери дочери на выданье [200, с. 242-245]. Д.Молдокулова анализирует запреты, связанные с животными [131, с. 354-358], А.Кадыркулов и С.Рысбаев

приводят перечень употребительных табу-запретов без описания [81, с. 384-398; 82, 669-720; 155, с. 251-254]. А в ряде статей анализируются особенности обычаев зарубежных кыргызов. С этой точки зрения заслуживают внимание исследования Г.Абдалиевой «Кытайдагы кыргыздардын каада-салты / Обычаи кыргызов в Китае» [1, с. 154-193], А.Нурдинов «Ооган кыргыздарынын каада-салты / Обычаи афганских кыргызов» [136, с. 346-354] и М.Кудайбердиева «Памирдик кыргыздардын каада-салты / Обыкновения памирских кыргызов» [113, с. 338-345]. В работе Г.Абдалиевой подробно охарактеризованы обряды и ритуалы китайских кыргызов, связанные с рождением и ростом детей, сватовством, свадьбой, похоронами, погребением, религиозными праздниками с поклонением огню и горе (у тарбагатайских кыргызов), с конно-спортивными мероприятиями и т.д.

Среди публикаций, отражающих национальные особенности и традиции кыргызов, заметное место составляет сборник статей, вышедший под названием «Кыргыз элинин чечендик өнөрү / Мастерство красноречия у кыргызского народа», составленный О.Э.Капалбаевым [115, 352 с.]. В предисловии приводится кыргызское изречение*: Атанын сөзүн атка алмашпа, эненин сөзүн эсиңден чыгарба, карынын сөзүн капка сал* [115, с. 3]. «Слова отца не меняй на коня, слова матери запомни, слова пожилых не забывай (букв.: вложи в мешок)». Конечно, при переводе теряется созвучие выражения и семантическое единство частей фразы. Это - императивный афоризм, требующий от молодежи всегда актуально держать в уме советы старших, мудрые мысли предшествующих поколений и использовать их как проверенные жизнью и испытанные временем правила поведения.

Кыргызы говорят: *Чечен таап сүйлөйт, чоркок каап сүйлөйт* “Мудрец находчиво говорит, неуклюжий, кусаясь, говорит”. Опять перевод не может передать рифму (*таап-каап*), анафору (*ч-ч* в словах *чечен* и *чоркок*), сохраняя только повтор конечных слов в парном изречении. Известно, что слово *чечен* является общим для алтайских и сино-тибетских языков и реализуется в различных вариациях и фонетических трасформах (*чечен/чежен/цецен/жежен*

и т.д.). В современном китайском языке есть слово *zhezhen* [жэжэн] «мудрец, мыслитель», состоящее из двух корней: *zhe* «мудрый, прозорливый, глубокий; мудро, глубоко; прекрасно разбираться, хорошо понимать; мудрец» и *чен* [жэн] «человек, уроженец, житель, гражданин, персона, особа» (Ср. кырг. *эрен* «человек»). Известно, что слово *zhezhen [жэжэн]* в древнекитайском произносилось в виде *жэрэн* (в период до трансформации звука *р* в *ж*). Поэтому мы вслед за К.З.Зулпукаровым считаем, что словосочетание *Жээренче чечен* состоит из повторяющихся сложных слов - древнего *жэрэн* и современного *жэжэн.* А интерпозитивный аффикс -*че «*как, словно, как будто*»* сравнивается с китайским *cha* [ча] «сравнительно, в некоторой мере, примерно, как будто, почти» [74, с. 794]. Таким образом, обращаясь к этимологии имени кыргызского фольклорного мудреца, мы обнаруживаем, что **корни кыргызов связаны не только с тюркскими, алтайскими этносами, но и сино-тибетскими народами.**

Опыт красноречия и мудрости высоко ценится народом и является социокультурным и ментально-речевым обыкновением этноса. Этот опыт имеет своих обладателей, творцов-производителей, слушателей и распространителей. В памяти народа хорошо сохранились имена своих мудрецов (Калыгул, Моют аке, Садыр аке, Кыдыр аке и др.) и их слова, которые служат образцом для подражания, руководством для действия, основой для мышления, базой для беседы [115, с. 58]. **Ораторское искусство есть один из важнейших компонентов кыргызской устно-речевой культурной традиции.**

Кыргызские жизненные стереотипы, привычные правила поведения, обычаи и традиции получили обстоятельное освещение в книге С.Рысбаева, К.Ибрагимовой и Б.Асранкуловой, вышедшей под названием «Улуулардан таберик: кыргыздын этнографиялык түшүнүктөрүнөн / Святое от предков: из этнографических представлений кыргызов» [155]. Книга состоит из нескольких разделов: 1) слова-запреты, императивы и поверья кыргызов [с. 5-40]; 2) кыргызские традиционные ремесла [с. 41-90]; 3) национально-спортивные игры

[с. 91-112]; 4) национально-культурное и художественное искусство [с. 133-190]; 5) кыргызская кулинария [с. 121-134]; 6) обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей, с гостеприимством, свадьбой, взаимоотношением людей и трудом [с. 135-202]; 7) типы благопожеланий кыргызов [с. 203-222]; 8) поверья и суеверья, связанные с цифрами [с. 222-242]. Каждый раздел так или иначе связан с национально-культурной традицией народа, отражает ту или иную сторону его обычаев, стереотипов и поверий.

Обычаи и традиции народов, входящих в состав алтайской семьи языков, отражены в некоторых научных докладах участников международного форума «Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи». Особый интерес вызывают доклады, посвященные национальным и межнациональным видам спорта [165, с. 492-497], параллелям в традиционных свадебных обрядах народов Алтая и кыргызов [139, с. 539-547], сравнительному анализу кыргызских и алтайских императивов-запретов [133, с. 516-524] и т.д.

Последняя статья написана А.К.Мырзахметовым и называется «Кыргыз жана алтай тыюулары». В ней приводятся и комментируются различные табу, запреты двух народов. Многие запреты типа: *Дома не свистят, не плюют в воду, на соль не наступают (ногой), не бьют скотину по голове* и др. встречаются в самых разных языках, в том числе в кыргызском и алтайском [133, с.517].

Теперь посмотрим, как изучаются **традиции этноса в лингвоэтнокультурологическом аспектах.**

Мы хотим особо выделить труды Л.А.Шеймана по лингвоэтнокультуроведению и его учеников - Т.В.Романевич, Ж.М.Варич, М.Х.Манликовой, О.Г.Симоновой, Г.У.Соронкулова и др. Термины “картина мира”, “национальная картина мира”, “языковая картина мира” использовались ученым еще в 60-ые годы XX века. Он писал и о константах мировидения этносов, о традиционных образах-символах в сознании народов [204, I, с. 91-99]. Даже цветообозначения вызывают разные ассоциации в сознании

представителей разных народов. Л.А.Шейман приводит отрывок из романа Джеймса Джойса “Портрет художника в юности”: то, что мы символизируем в голубом цвете, китаец может символизировать в желтом, у каждого – своя собственная традиция. Красавица–гречанка смеется над красавицей-египтянкой, а американский индеец высмеивает их обеих. Почти невозможно примирить все традиции [204, I, с. 103]. Интересно и другое наблюдение ученого: “Лексикографическая параллель к слову *голубой* – киргизское слово *көк,* может означать, как и в ряде других тюркских языков, и *синий,* и *небесный,* и *серый,* и *зеленый.* А *сероглазый* переводится сочетанием *көк көз*, которое в традиционном национальном речевом обиходе окрашено отрицательной экспрессией: *көк көз* (светлые глаза).... считаются у киргизов некрасивыми [I, с. 133]. Заслугой Л.А.Шеймана является то, что он глубоко и разносторонне продемонстрировал **различия кыргызского и русского менталитетов в восприятии и оценке предметов и явлений действительности**, мотивируя эти различия объективными этноментальными и природными причинами.

К теории лингвоэтнокультуроведения примыкают труды по лингвокультурологии и когнитивному языкознанию З.К.Дербишевой. Особой значимостью обладают ее монографии “Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры”, “Кыргызский этнос в зеркале языка”, “Язык и этнос”[50, 176 с.; 51, 404 с.; 52, 256 с.]. Одним из разделов книги “Кыргызский этнос в зеркале языка” является параграф под названием “Национальные традиции”. Автор представляет понятие “Традиция” широко, включает в его структуру ряд когнитивных признаков. К традициям отнесены преемственность действий отцов и детей, обычай попечения старых родителей младшим сыном, забота родителей о детях, обыкновение раннего приучения детей к труду, похоронные обряды, этикет общения, формулы просьбы о прощении, обычай благословения, правила приглашения, приема, угощения и проводов гостей, кулинарные особенности гостеприимства и др. Специфика национальных традиций раскрывается на материале провербиальных средств языка – идиом, пословиц, поговорок. Многие обряды, ритуалы и обычаи традиционного быта

кыргызов описываются и в книге «Ключевые концепты лингвокультуры» [50]: традиционные представления этноса о жизни, добре и зле (с.33-52), обряд похорон (с. 52-59), традиции в терминах *салт*, *каада, адат, каада-салт* (с.64-70), поминальные обряды (с. 70-75), традиционная национально-культурная символика: *ак калпак, боз үй, комуз* (с. 76-90), обычаи, связанные с ребенком, женщиной и родней (с.91-108), традиционные духовно-нравственные концепты (с. 109-121), привычные общенациональные духовно-психологические концепты (с. 122-138), духовно-культурные концепты: благопожелание, слово и дух предков (с. 139-169), понятийно-символическое содержание концептов “Горы” и “Лошадь” в кыргызском сознании (с. 160-169). Эти идеи, деления, проанализированные пословично-поговорочные изречения и соответствующие выводы были существенны для нашего исследования.

М.Дж.Тагаев подчеркивает, что “в лингвокультурологии исследуются национально маркированные единицы, в которых отображены стереотипы, образы, мифологемы, обычаи, традиции – все то, что составляет ментальность народа” [184, с. 70; см.также: 183, с. 165-168; 185, с. 335-339].

Отражение этнических традиций в языке и языковых знаках было объектом сопоставительных исследований П.Кадырбековой. Она в ряде своих монографий и научных статей [79, с. 105-115; 80, с. 77-84; 77, с. 110-116; 78, 419 с.] исследует устоявшиеся и общепринятые нормы речевого этикета на материале кыргызского и немецкого языков. Конечно, концепты “Толерантность”, “Табу”, “Вежливость” важны как для монолингвального, так и для диалингвального общения и, являясь ключевыми компонентами сознания, объединяют многообразные средства языка (слова, словосочетания, предложения, идиомы, пословицы и т.д.), традиционно употребляемые в соответствующих сферах коммуникации.

Типовые речевые формулы, выработанные и принятые в обществе, передаваемые от поколения к поколению, используемые в актах приветствия, прощания, поздравления, пожелания, благословения, благодарности, соболезнования и извинения, составляют основу межличностой и

межкультурной коммуникации и служат базой для целесообразного общения между людьми. В них отражаются опыт и знания этноса по общению, его коммуникативная традиция и культура.

К теории лингвокультурологии имеет отношение и этнолингвистика. Традиционные представления и воззрения кыргызов о времени, происхождении этнонимов, антропонимов, теонимов и т.д. рассматриваются в монографии А.Н.Сыдыкова “Этнолингвистика: опыт ретроспективы” [180, с. 79-82; 179, с. 116-121; 181, 236 с.]. Лингвистические вопросы этимологии и употребления этих наименований изучаются в тесной связи с историей и культурой народов, с их традицией, с историческим и социокультурным опытом.

В трудах З. Караевой рассматриваются семиотические основы и способы выражения некоторых национально-культурных концептов у кыргызов [94, с. 115-119; 92, с.42-45; 93, с. 18-27].

Философская, физическая, астрономическая, обыденная, лингвоэтнокультурная значимость понятия времени общеизвестна. Однако концепт “Время” и система его номинантов не были предметом лингвокультурологического, лингвокогнитологического и лингвоконцептологического изучения. Сопоставляя представления русских и кыргызов о времени с этих позиций, У.Дж.Камбаралиева на большом фактическом материале показала специфичность традиционного понимания времени носителями двух лингвокультур: “Если оседлый русский ценит настоящее, то для кыргыза-кочевника и горца прошлое имеет большое значение, оно как огромная панорама – “накопитель” информаций, из которой в настоящее извлекается образ, эталон для применения к жизни. А образ настоящего воспринимается кыргызом как временная остановка, отрезок для обработки информации прошлого для передачи в будущее, которое имеет неизменно позитивные качества” [90, с. 36; см.также: 88, с. 131-134; 89, с. 26-31]. Г.А. Абыканова [5] и У.Н. Камардинова [72, 87] исследовали репрезентативы концепта «Вода» в языке.

Для нас было ценным исследование Э.Т.Төлөковой специфики фреймовых и сценарных слотов концепта “Обычай” в кыргызской лингвокультткре [191, с. 145-154]. Кроме того, были изучены репрезентанты концептов «Собака» [13], «Жизнь» [36], «Удивление» [31], «Юмор» [159], «Кровь» [188], «Бог» [84, 85], «Родство» [132], «Страх» [138], «Обычай» [125], «Беспокойство», «Злость» [116] и т.д.

Виды, типы и прагматика кыргызских благопожеланий, благословлений, клятв, проклятий и других провербиальных образований основательно изучены А.А. Абдулатовым [3, с. 98-131]. Некоторые вопросы лингвокультурологии обсуждаются в работах С. Ибрагимова [75], Б. Е. Дарбанова [47], Г.Ж.Жамшитовой и Э.А. Абдувалиевой [64].

Все изложенное свидетельствует о том, что связь языка с историей, с традиционными и стереотипными представлениями народа о жизни, жизненных циклах и событиях изучена в целом хорошо, раскрыты многие особенности народных ритуалов и обычаев в сопоставительном плане.

1.3. Концепт как категория антропоцентрической лингвистики

Слово *концепт* в современных толковых и семантических словарях отсутствует [146, с. 13-14]. Его употребление в научном, художественном и разговорно-бытовом стилях речи рассматривается В.З.Демьянковым [49, с.35-46], который на основе большого корпуса текстов разных жанров проанализировал, как употреблялся этот термин в латинском, французском, итальянском и испанском (на родной территории), а также в немецком, английском и русском (на чужой территории) узусах и пришел к нескольким важным выводам.

1. Языки варьируются по времени укоренения термина *концепт* в гуманитарных науках, в художественной литературе и в обыденной речи. Это варьирование наблюдается даже в рамках романоязычного ареала - источника данного термина. В научной латыни слово *conceptus* употребляется редко и,

чаще всего, в значении типа «зачатый», а не «понятие». В итальянском и испанском языках *концепт* (*cocetto* и *concepto* соответственно) издавна встречается в текстах художественной литературы и входит в сравнительно большое количество идиоматических сочетаний, а во французском - нет.

2. В немецком языке *концепт* (*Konzept, Koncept* и т.п.) фигурирует (не в идиомах) в значении «набросок», т.е. близко к русскому *конспект.* В английском языке *concept* как философский термин со значением «понятие a priori» широко употребляется, начиная со второй половины X1X в. В русском же языке, если отвлечься от «цитирующего» упоминания как термина средневековой философии, *концепт* начинает часто использоваться с 1920-х гг., причем вплоть до середины 1970-х гг. чаще всего как полный синоним термина *понятие.*

3. Пика употребительности в русском языке *концепт* достигает, когда этот термин начинают употреблять в значении ином, чем просто «понятие», особенно в гуманитарных науках. Разграничение проходит по следующей линии: *понятия* – то, о чем люди договариваются. Их люди **конструируют** для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе. Их люди **реконструируют** с той или иной степенью уверенности. Иногда референты у терминов *концепт* и *понятие* совпадают. Так, в данной работе мы попытаемся **реконструировать** значение термина *концепт,* т.е. реконструировать «концепт концепта» на основе наблюдений над его употреблением в разных интеллектуальных культурах. На основе этой реконструкции и предлагается говорить о **понятии** *концепт*, т.е. о дальнейшем употреблении этого термина в заранее оговоренном значении, лежащем в рамках интернационального (а не только русского) узуса.

4. В таких истолкованиях значение термина *концепт* содержит идею «зачаточной истины», заложенной в латинском conceptus «зачатый». Концепт - то, что, видимо, «зачато», но в действительности чего мы можем убедиться только в результате реконструирующей процедуры.

5. Своеобразная мода на термин *концепт* в научной и художественной литературе конца XX - начала XXI в. указывает на интерес к реконструкции тех сущностей в жизни человека, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, не задумываясь над их «истинным» (априорным) смыслом. Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о понятиях: иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, и на основе сложившихся представлений - старых **концептов,** не разрушая их, попытаться сконструировать новые **понятия.** Новое, особенно в этике, является реконструкцией старого. Со справедливостью этого положения мы сталкиваемся и в общественной, и в научной жизни [49, с. 45; 146, с.14-15].

Наиболее принципиальным в этом выводе, на наш взгляд, является констатация сохранения (в большей или меньшей степени) семы «зачаточность», идеи некоего «исходного начала», на основе которого конкретизируют все дополнительные, «приобретенные» в рамках того или иного научного направления смыслы. С другой стороны, при всей специфике использования этого слова, сохраняется его внутренняя связь с «понятием» - вместе это представляет собой нечто вроде «зародыша понятия / понятий». Соотношение концепта как «прото-знания» с другими элементами «сознания» можно сравнить с известным парадоксом. «Что первично - яйцо или курица?» - так как, очевидно, существует и обратная взаимосвязь: совокупность обретаемых в процессе познания мира действительности понятий, образов, стереотипов и т.п., связанных с практическим осуществлением бытия в этой действительности. Приобретения транслируемого опыта предыдущих поколений и т.п. способствуют становлению того «концепта» данной сферы человеческого существования, который это существование и регламентирует.

В силу неопределенности и нечеткости границ концепта существуют различные его интерпретации и толкования.

Обилие точек зрения на «концепт» не могло не вызвать у специалистов желания обобщить их, построить некоторую систему этих точек зрения.

В современных публикациях такие обобщающие анализы ведутся, прежде всего, по двум направлениям: во-первых, по гносеологии концепта, во-вторых по типологии концептов [2, с. 12-15]. В первом случае объединение может проводиться на основе единого понимания происхождения концепта и его «местоположения», его соотношения с действительностью и форм его проявления. Во втором - с точки зрения определенной науки с учетом ее понятийного аппарата и ее потребностей в данном термине.

Типология концептов как ментальных образований может проводиться по признаку их стандартизованности (индивидуальные, групповые и общенациональные). По содержанию они могут делиться на представления, образы, схемы, понятия, сценарии, фреймы и т.п. По языковому выражению концепты могут репрезентироваться лексемами, фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями и даже текстами и совокупностями текстов (см., напр.: [146, с. 30-35; 2, с. 12-15]). «Концепт рассматривается как связующее звено между мышлением и языком; как единица сознания и отражающая человеческий опыт информационная структура» (Е.С.Кубрякова); как «интенсиональная функция от возможного мира к его объектам» (Р.И.Павиленис); как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» (А.А.Залевская); «комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя свои признаки и слои» (И.А.Стернин); «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (С.А. Аскольдов); «единица языка мысли» (Т.А.Фесенко); «любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного, вербально обозначенного субстрата» (А.П.Бабушкин); «знание об объекте из мира «Действительность», переведенное в знание

объекта в мир «Идеальное» (А.Вежбицкая); как сложные, организованные семантические сущности - констелляции значений, динамичные по своей природе (К.Харди) и др.

Концепт есть ментальная единица, элемент сознания. Человеческое сознание - посредник между реальным миром и языком. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется: «Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» (Арутюнова, 1993); концепт - это «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, посредством чего человек сам входит в культуру…»; концепты существуют в сознании (ментальном мире) человека в виде «пучков» понятий, знаний, ассоциаций, переживаний; концепты «не только мыслятся, но и переживаются» (Степанов, 1997); концепт - это орудие научного исследования, «единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке», при этом «сам концепт не относится непосредственно ни к языковой, ни к культурной сферам» (Слышкин, 2000); концепт - это «все то, что мы знаем об объекте, во всей экстенсии этого значения» (Телия, 1996); концепт - это «алгебраическое» выражение значения, которым носители языка оперируют в устной и письменной речи (Лихачев, 1997) [146, с. 18-19; 2, с. 16].

Нельзя не признать, однако, что все подобные классификации строятся по разным принципам, так как сопоставляемые точки зрения находятся в «разных плоскостях»: например, в первом случае речь идет об отношении и к понятию, и к функции; во втором - классифицируются не характерологические признаки собственно термина, а некоторые его стороны, причем на разных основаниях; в третьем перечисляются разные точки зрения вообще на отсутствующем «основании». Любая классификация, как нам представляется, может проводиться по нескольким параметрам, однако все эти параметры должны быть отнесены одинаково ко всем классифицируемым элементам. Например, в нашем случае необходимо установить как минимум несколько параметров

описываемого явления - следовательно, необходимо классифицировать взгляды исследователей на эти параметры. После такой классификации можно, во-первых, выявить магистральные и периферийные точки зрения; во-вторых, выявить наиболее характерные черты объекта, и, в-третьих, на этой базе попытаться сформулировать понимание самого объекта.

Здесь и далее обзор подходов и концепций осуществляется по трудам Ю.Е.Прохорова (2009), З.Д. Поповой и И.А. Стернина (2010), Л.И.Дрофы (2010), З.К.Сабитовой (2013), С.М.Амиралиева (2015), Э.А. Абдувалиевой, Д.Б. Мадаминовой, А.К. Зулпукарова (2017) и других когнитологов-языковедов.

К таким параметрам будем относить следующие признаки:

1. Что это есть? Концепт:

а) лингвокогнитивное явление (Е.С. Кубрякова);

б) психолингвистическое явление (А.А. Залевская);

в) абстрактное научное понятие (А.А. Соломоник);

г) базовая единица культуры (Ю.С. Степанов);

д) лингвокультурное явление (Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик и др.).

2. Единицей чего является? Концепт:

а) единица ментальности (В.В.Колесов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик);

б) единица сознания / ментальная структура (Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, И.А. Стернин, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин);

в) единица языка мысли (С.А.Аскольдов, И.А. Стернин, О.С. Фесенко);

г) единица языкового видения мира (языковой [наивной] картины мира) и продукт национально-культурной ментальности (Н.Д. Арутюнова, Л.О. Чернейко, В.С. Ли, В.В. Красных);

д) единица ментально-лингвального комплекса (В.В. Морковкин и др.);

е) единица информации о мире (С.В. Борисова, Т.В. Матвеева).

3. Чем это выражается? Концепт выражается или формируется:

а) гештальтом, фрейм-структурами (Л.О. Чернейко, З.Д. Попова, В.В. Красных);

б) комплексом значений соответствующего слова и его ассоциацией и коннотаций (З.Д. Лихачев);

в) всем, что мы знаем об объекте (В.Н. Телия);

г) категориями и формами родного языка (В.В. Колесов);

д) готовыми лексемами и фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями, текстами и совокупностями текстов (А.П. Булатова, Н.Н. Панченко, З.К. Дербишева, К.З. Зулпукаров, Т.В. Матвеева);

е) словом (С.А. Аскольдов, Н.В. Черемисина);

ж) корнем слова (Е.И. Зиновьева);

з) всей совокупностью языковых и неязыковых средств (В.И. Карасик).

4. Какова его структура? Концепт имеет:

а) этимологический слой и актуальный слой (Ю.С. Степанов);

б) ядро и периферию (З.Д. Попова, И.А. Стернин, З.К. Сабитова, А.А. Калмурзаева);

в) моделировать структуру концепта в принципе невозможно (З.Д. Попова и др.)

г) понятийный, образный, эмоционально-оценочный, мифологический, логический, деривационный, этимологический, лексикографический, национально-культурный и другие слои (К.З. Зулпукаров, С.Ж. Тургунбаева).

5. Каковы его организационно-структурные типы? Концепт / ы:

а) мыслительная картинка, концепт-схема, концепт-фрейм, концепт-инсайт, концепт-сценарий, калейдоскопический (А.П. Бабушкин, З.Д. Попова и др.);

б) концепт-минимум и концепт-максимум (А. Вежбицкая);

в) микро- и макроконцепт (Г.В. Токарев, Л.И. Дрофа, А.А. Калмурзаева);

г) суперконцепт (Г.В. Гафарова, Т.А. Кильдибекова);

д) индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие (Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, З.К. Дербишева);

е) групповые (профессиональные, возрастные, гендерные) и индивидуальные (З.Д. Попова и др., Г.Г. Слышкин, С.М. Амиралиев);

ж) этнокультурные и социокультурные (Л.А. Шейман, М.Х. Манликова, Г.Г. Слышкин);

з) имена, уникалии и универсалии; архетипные и инвариантные типы (С.Г. Воркачев, Л.И. Дрофа).

6. Каковы его содержательные типы?

а) культурный концепт (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Т.В. Матвеева);

б) лингвокультурный концепт (В.И. Карасик, З.К. Сабитова, Р.К. Ормокеева);

в) когнитивный концепт (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, С.Г. Воркачев);

г) эмоциональный концепт (А. Вежбицкая, В.И. Шаховский, Н.А. Красавский, Т.В. Матвеева).

Из представленной классификации содержательно-структурных элементов легко сделать вывод о том, что **понимание «концепта» различными авторами только последнего двадцатилетия практически не сводимо к какому-либо единству.** Более того, и предложенное выше распределение взглядов исследователей на концепт может показаться небесспорным, так как далеко не всегда из определений или описаний этого феномена можно точно установить, к чему его относят авторы, каковы его структура, чем выражается и т.п. Поэтому ряд авторов в нашем списке фигурирует в нескольких позициях.

Вторая классификация, которая реально присутствует в современных работах, - классификация термина «концепт» с точки зрения его отнесенности к той или иной науке (дисциплине). Такая классификация представлена в целом ряде исследований - наиболее полно, на наш взгляд, это сделано в работах В.И.Карасика, Л.И.Дрофы, З.Д.Поповой и И.А.Стернина.

Обратимся теперь к конкретным определениям концепта, представленным в ряде работ последнего времени, в которых, по нашему мнению, наиболее глубоко и всесторонне рассматривается этот феномен.

1. Концепт как лингвокогнитивное явление (Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Панкрац, Л.Лузина; З.Д.Попова, И.А.Стернин и др.) Концепт - это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица **памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга**, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» **знания** [цит. по: 59, с. 36]. «Концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой *квант структурированного знания. Концепты* - это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека: 1) из его *непосредственного чувственного опыта* - восприятия действительности органами чувств; 2) из *непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности;* 3) *из мыслительных операций* человека с другими, уже существующими в его сознании концептами - такие операции могут привести к возникновению новых концептов; 4) *из языкового общения* (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе); 5) *из самостоятельного познания значений языковых единиц (*ребенок спрашивает, что такое демократия, взрослый человек смотрит значение неизвестного слова в словаре и через него знакомится с соответствующим концептом*»* [143, с. 64]. «Национальный концепт - самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [110, с. 268].

2. Концепт как психолингвистическое явление (А.А. Залевская, В.Я. Мыркин и др.). Концепт - «спонтанно *функционирующее в познавательной и*

коммуникативной деятельности индивида перцептивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории [66, с.39; 67, с.236]. Как отмечает В.Я. Мыркин, «Концепт - блок знаний, представляющий собой совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых, тактильных, обонятельных), понятийных (в том числе ценностных), прототипических, гештальтных, фреймовых, сценарных и пр. элементов в психике человека» [цит. по: 146, с.25].

3. Концепт как лингвокультурное явление. (С.Г.Воркачев, Г.Г.Слышкин, З.К. Дербишева, З.К. Сабитова и др**.)** «Концепт - единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т.к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке»; его формирование - «процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесения их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами…» [170, с. 9-10]. По мнению С.Г. Воркачева, лингвокультурные концепты являются «некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса». «Лингвокультурный концепт как «сгусток» этнокультурно отмеченного смысла обязательно имеет свое имя, которое, как правило, совпадает с доминантой определенного синонимического ряда либо с ядром определенного лексико-семантического поля…» [см. 146, с. 26]

4. Концепт как культурное явление. (Ю.С.Степанов, С.Х.Ляпин, В.И.Карасик и др.). «Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру. А в некоторых случаях и влияет на нее». «Концепт - основная ячейка культуры

в ментальном мире человека» [173]. «Мы же предлагаем считать концепты первичными культурными образованиями, *выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и поэтому транслируемыми в различные сферы* бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельного (обыденная жизнь) освоения мира» [95, с.137].

5. Концепт как лингвистическое явление. (Т.В.Матвеева, М.В.Пименова, Л.О.Чернейко и др.). «Концепт - это *конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени*, но не равный ему. Концепт - это парадигматическая модель имени, включающая и логическую структуру его содержания, и сублогическую. Эти структуры выводятся соотвественно и из свободной сочетаемости имени, и из несвободной, то есть из синтагматических отношений имени, зафиксированных в тексте». Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости [199, с.314, 287-288]. По мнению Т.В.Матвеевой, «*Концепт - факт образа жизни, общественного сознания, теории, выраженной в языковой форме.* Концепт рождается на базе слова в полном объеме его содержания, включая коннотацию и конкретно-чувственные ассоциации Концепт содержит в себе не только понятие о классе явлений, но и объемное ассоциативное социокультурное представление об этих явлениях в обобщенном виде… *Концепт выражается языком и закреплен за отдельными словами или словосочетаниями, но не равен языковой единице».* Содержание концепта складывается из содержания множества слов, контекстов и текстов, в которых откладывается общее понимание некоторого факта сознания…» [цит. по 167, с.28]. Концепт мыслится единица эмического уровня (сопоставимая с фонемой, лексемой, морфемой и др.), которая на этическом уровне репрезентируется при помощи сигнификата (содержания и объема понятия), лексического значения и внутренней формы слова (способа представления внеязыкового содержания).

6. Концепт как гносеолого-педагогический феномен (К.Зулпукаров, А.Абдулатов, Э.Малабаев и др.) [70, с. 48-56; 3, с. 18-120]. Такое понимание характерно для ученых-педагогов, непосредственно работающих со студентами. Считается, что осознание семантико-когнитивного единства слов, словосочетаний и предложений способствует комплексному осмыслению, запоминанию и употреблению языковых единиц в их парадигматико-тематическом единстве и служит основанием ускоренного обучения языку как неродному.

Дальнейшее приведение определений не имеет, на наш взгляд, смысла, так как они являются только трансформами уже цитированных. В них отражены все те основные признаки и составляющие, которые в своей некой совокупности, очевидно, и будут определять понимание термина «концепт».

К этим существенным свойствам концепта относятся:

1) принадлежность к сфере сознания в качестве элемента памяти и мышления;

2) дискретность, относительная автономность образования, существования и функционирования; независимость от языка и его типа;

3) соотносительность с отображенными предметами и явлениями окружающего мира;

4) сложность, объемность, многомерность и многослойность строения;

5) способность служить базой мыслительного кода человека и общества, обеспечивающей своей идентичностью общение и взаимопонимание людей;

6) способность материализоваться в языковых знаках; комплексность вербальных и невербальных признаков;

7) совмещенность проявления в языковых знаках его лексикографических, семантических, деривационных, этимологических, социокультурных (религиозных, мифологических, цивилизационных и др.), символических и прочих слоев и аспектов;

8) изменчивость, трансформируемость, гибкость к меняющимся обстановкам и условиям жизни;

9) пассивность в памяти человека вне пределов актуализирующих его ситуаций и событий;

10) условность, размытость границ, наличие ядра и периферии, промежуточных, пограничных и других «квантов».

Таково, в самых общих чертах, современное понимание феномена «концепт» в основных лингвокогнитивных исследованиях.

Концепт является ключевой категорией лингвистического антропоцентризма. Он употребляется как исходная основа исследований по лингвокогнитологии, лингвокультурологии, лингвоконцептологии, менталингвистике и другим отраслям современной лингвистики.

В результате сравнительного анализа взглядов ученых на сущность концепта мы можем предложить наиболее общее его определение, отражающее все его существенные свойства. *Концептом мы называем дискретную, объемную и многослойную единицу памяти и мышления, которая возникает в процессе познавательной деятельности человека, группы людей и всего общества, составляет базу мыслительно-речевого кода людей, обеспечивая их взаимопонимание, несет комплексно-энциклопедическую информацию об отражаемом предмете и явлении, выступает в качестве элемента когнитивно-языковой картины мира этноса и реализуется разнообразными языковыми и внеязыковыми средствами.* Он материализируется, главным образом, в языке, объективируясь в словах, словосочетаниях, фразеологизмах, пословично-поговорочных изречениях и т.д.

Предлагаемое нами определение общее, отражает все основные признаки концепта, поэтому может быть пригодным при описании различных его типов и разновидностей.

Выводы по I главе

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы:

1. Концепт «Традиция» является многоплановым, сложно устроенным ментальным образованием. Он имеет целый ряд слоев, каждый из которых заслуживает быть предметом научного осмысления. В работе выявлены все основные признаки концепта и дано его общее определение.

2. В России разные аспекты и слои данного концепта были объектом изучения философов, социологов, политологов, этнографов-историков, юристов, экономистов, фольклористов и представителей других отраслей знания.

3. Особого внимания заслуживают труды лингвокультурологов и языковедов-когнитивистов, которые исследуют концептуально-ментальные основы языковых средств, именующих типы, виды и разновидности концепта “Традиция”.

4. В ряде исследований рассматривается фреймово-сценарное строение отдельных разновидностей изучаемого концепта («Вера», «Гостеприимство», «Свадьба», «Погребение» и т.д.).

5. В кыргызоведении мы различаем два подхода к изучению национальных традиций народа. Один подход свойствен исследователям с европейским (российским) менталитетом, другой - исследователям кыргызского происхождения. Труды второй группы отличается широтой охвата национальных обычаев, защитным пафосом, публицистическим стилем изложения и стремлением к внедрению в современную жизнь общества устаревших стереотипов и обрядов (противодействием глобализации поведения и мышления людей).

6. В целом ряде исследований обосновано положение о необходимости воспитания подрастающего поколения в духе заветов предков, единения нации, патриотизма и заботы о потомстве.

7. Номинанты интернационального и межкультурного концепта «Традиция» специально не изучены. Однако имеются отдельные лингвоэтнокультуроведческие исследования, в которых авторы в той или иной степени касаются проблематики объективации концепта «Традиция» и

указывают на специфику менталитета кыргызов и их стереотипных представлений об окружающем мире.

Концепт - ключевая категория антропоцентрического языкознания. Он имеет сложное строение и не поддается непосредственному наблюдению, поскольку функционирует в сознании как его единица.

ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Материалы исследования: основные репрезентанты концепта «Традиция» в сопоставляемых языках

Лексема *традиция* является основным экспонентом концепта «Традиция». Она является интернациональным обозначением и представлена во многих языках мира, пользующихся терминами латинского происхождения. В качестве **материала исследования** нами выбраны языковые средства, обьективирующие соответствующий концепт с различных позиций и ракурсов.

Объект исследования - концепт «Традиция» и его номинанты в кыргызском и русском языках.

Предмет исследования - лингвоэтнокультурологические основы и аспекты изучаемого концепта в полипарадигмальном рассмотрении.

Концепт «Традиция» имеет множество аспектов. В нем разграничиваются этимологический, дериватологический, семасиологический, лексикографический, мифологический, религиозно-теологический, культурологический, этнологический (этнографический), фольклорный, правовой и другие слои [125, с.94-97].

Этот концепт проявляется в виде представления, образа, «картинки», символа, понятия, схемы, пропозиции, когнитемы, сценария (скрипта), фрейма, гештальта и т.д., в форме гипонима и гиперонима, мини- и макроконцепта, определяемого и определяющего и т.п.

Описание всех видов и проявлений концепта «Традиция» вполне возможно, когнитивно-лингвистический анализ всех его экспонентов нужен и для теории, и для практики. Однако все это могло бы стать предметом многопрофильного и объемного труда, выходящего за пределы диссертации по лингвоэтнокультурологии и лингвоконцептологии. Например, только сравнительно-типологическая характеристика обряда свадьбы у народов Евразии или обряда погребения, важная для целого ряда научных отраслей, могла бы занять содержание целого тома сочинения, базирующегося на достижениях этнологии, этнографии, фольклористики, культурологии, правоведения и языкознания. Поэтому мы ограничимся рассмотрением только отдельных сторон и компонентов концепта «Традиция» и опишем их по принципу «от кыргызского языка - к русскому».

Задача параграфа - охарактеризовать самые продуктивные экспоненты концепта «Традиция» по данным лингвоэтнокультурологических и лингвокогнитивных исследований, обращая внимание прежде всего на их семантику и концептообразующие свойства.

Термин *традиция* достаточно хорошо освоен кыргызским языком. Его содержание известно интеллигенции, образованной части республики. К.К.Юдахин дает его без толкования, считая понятным кыргызу с образованием [209, с. 262]. Он приводит в качестве иллюстрации только словосочетание: *улуттук традиция - национальная традиция.* В КТС имеется пояснение: традиция - “муундан муунга өтүп турган жана узак убакытка сакталып турган социалдык жана маданий мурас” [114, 2, с.588]. Здесь традиция определяется как *наследие / мурас*, обладающее свойствами постоянства, устойчивости, длительности сохранения, распространенности в социальных и культурных сферах жизни общества. Она постоянно переходит от одного поколения к другому (муундан муунга өтүп турган), хранится длительное время (узак убакытка сакталып турган) в обществе и является социальным и культурным наследием (социалдык жана маданий мурас) общества. В словаре приводится три примера: *жакшы традиция - хорошая традиция, элдик традиция - народная традиция, традиция болуп кетүү - превратиться в традицию.* В двух случаях термин используется в качестве определяемого - позитивного определителя (жакшы +) и этнического (нейтрального) определителя, в третьем случае подчеркивается возможность перехода отдельных действий и событий в традиционные правила. Мнение К.К.Юдахина послужило основанием для вынесения термина традиция на название работы.

К термину традиция ближе всех стоит слово *салт,* которое содержит в себе два основных значения:

1. Коомдук, традициялык көрүнүштөгү, жалпы элдик мүнөзгө ээ каада; традиция; иначе говоря, обычай общественной, традиционной значимости, имеющий общенародный характер. Следовательно, признается понятийная тождественность двух номинантов - *традиция и салт*

Например: *улуттук салт - национальная традиция; Байыркы* **салтын** *ташташып, маданий жолго кириштi (*Осмонкул). В стихах речь идет об изменениях, происшедших в жизни кыргызского народа под влиянием культурной революции 30-х годов XX в.; *байыркы салтын ташташып* *“*отказавшись от древней традиции (от старых обычаев)*”; маданий жолго кириштi /* “вступили на путь культуры”. И под понятие “древняя традиция” подводятся не все обычаи, а такие, которые вступают в противоречие с просвещением, образованием, подготовкой кадров, открытием театров и т.д.

2. Белгилүү бир нерсенин жөнү, эрежеси, шарты, т.е. основание, правило, условие чего-либо определенного. Например: *Адашпай түшөр бекемин / Акындыктын* **салтына** (Токтогул). - Попаду ли, не заблудившись, на акынские традиции; *Оюн* **салты** *андай болбойт* (Сыдыкбеков*).*- Так не бывает **правила** игры; *Адашсаң мыйзам* **салтынан,** *Адамдар тартат азапты* (Байгазиев).- Если не соблюдаешь **правила** закона, люди будут страдать; *Жоготуунун үстүндө шапар тепсең,* **салтыңбы,** *о прогресс? Угуп турчу* (Байгазиев) .- Если торжествуешь над потерей, слушай (это ли) **правило** твое, о прогресс? Как видим, в первом случае *салт* мы перевели словом *традиция* (речь идет о законах импровизаторского искусства), в остальных его можно перевести словом *правило.*

Кыргызский менталитет имеет и другие средства для передачи традиций этноса. В языке продуктивно встречается слово *адат,* имеющее арабское происхождение. К.К. Юдахин представляет его значение по-русски с помощью слов: 1) обычай, привычка; 2) обычное право, совокупность норм обычного права [209, с. 22], различая общенародное и юридическое употребление слова. В КТС такое разграничение не приводится [114, с. 33].

Мы считаем возможным отметить три его значения:

1. Көпчүлүк эл үчүн өнөкөт болуп калган каада салт, традиция, жүрүм-турум тартиби, т.е. норма, обычай, традиция, ставшие привычными для большинства народа, правила поведения; **Адат - адат** *эмес, жөн* - **адат** (посл.). - Не **обычай - обычай**, а разумное - **обычай.**

Өмөр байыртан берки элдик **адаттарды** *таштай элек* (Сыдыкбеков).- Омор еще не отказался от старых народных **обычаев.** В когнитивной структуре предложения центральное место занимает номинант изучаемого концепта. А определители *элдик* “народный”, *байыртадан берки “*издревле (используемые) древние, старые” дополнительно раскрывают его смысл с точки зрения общенародности и исконности. А аналитический предикат *таштай элек* “еще не отказался, еше не оставил” тоже имеет отношение к главному концептоносителю и занимает периферийную позицию.

Кыз көрүү **адаты** *боюнча, айыл-айылга барып жүргөндөрдүн бири да сен эмессиңби?* - Не ты ли тот из тех, кто разъезжает по деревням по **обычаю** смотрин невесток. В этом предложении речь идет только об одном обычае, который характерен семьям с созревшими на женитьбу или замужество детьми и который имеет отличительные особенности в сопоставляемых лингвокультурах (по сценарию, по участию родителей или других родственников и т.д.).

2. Көңүлгө жат болуп, үйрөнүп калган өнөкөт, көндүм, көнүшүм, т.е. привычка, обыкновение, повадка, ставшие стереотипными и привычными для людей.

Үйрөнгөн **адат** *калабы, уйга жүгөн салабы?* (посл.) - Разве отстанет усвоенная привычка, разве наденут на корову уздечку?. В переводе, естественно, отсутствует образная система и созвучие слов пословицы. Особое благозвучие пословицы заключено в неполной анафоре (*үй-уй*) и анафоре (*с-алабы* и *к-алабы*). Утверждение об устойчивости обыкновений в первой части фразы (*усвоенная привычка не отстанет*) усиливается алогизмом содержания второй части (*на корову уздечку не надевают*), категоричность такого контраста сглаживается вопросительно-сомнительным характером общего интонационного рисунка пословицы, материально выраженным в повторяющемся аффиксе -*бы.*

Дайым сүйлөрүнүн алдында көзүн ачып-жумуп алма ***адаты*** *бар (*Жантошев).- Он имел привычку открывать и закрывать глаза прежде чем говорить.

Мергендин **адаты** - *ууга чыгыш, менин* **адатым** - *шыралга алыш* (Байтемиров). - **Привычка** *охотника – выходить на охоту, моя* ***привычка*** - *брать шыралгу (шыралга - подарок охотника из добычи).*

3. Обычное право. Ср. пример - правило: *Эгер агасы өлсө, иниси* **адат** *боюнча анын жубайына үйлөнөт.- ...Если умрет старший брат, то его младший брат по* **праву** *женится на его вдове.* Это было обязательно при наличии детей. Таких правил было очень много. Теперь все гражданские и уголовные процессы разрешаются по законам.

Слово *адат* имеет и фонетический вариант в виде *адет* [209, 1, с.22], выражающий те же значения, что и основной вариант. Концептуальное содержание обоих вариантов сохраняется в производных словах: *адатта / адетте* «обычно, как правило»*, адатындай / адетиндей // адатынча /адетинче* «(он) по своей привычке», *адатымдай /адетимдей // адатымча /адетимче /* «(я) по своему обыкновению», «(я) по своей привычке»; *адатыбыздай / адетибиздей // адатыбызча / адетибизче /*» (мы) по своему обыкновению»; «(мы) по своей привычке» и т.д. / *адаттан тышкары* «вне обычая, необычно» и др.

От этого корня образуются глаголы различных (личных, залоговых и прочих) малых парадигм, сохраняя концептуальный смысл: *адаттан / адаттануу* «приобрести привычку, привыкнуть, *адаттандыр* - *адаттандыруу* «привить привычку, научить приобретению привычки» и др. Все производные от корня *адат / адет* сохраняют исходные значения, приобретая дополнительные семы и смыслы в соответствии с новым статусом слова. Ср.: ***Адатта*** *жарыш жөнүндө аттын ээсинен да саяпкер көп ойлонот* (Каимов). - О скачках **обычно** больше заботится берейтор, чем хозяин коня. В данном примере эквиваленты *адатта - обычно* имеют тождественное значение и непосредственно входят в сферу семантики концепта “Традиция”. Они

участвуют в отражении обыкновенных переживаний и забот людей, тренирующих коней, передают распространенность у них чувства волнения, сомнения и неуверенности перед скачками и мотивы такого настроения.

К сфере семантики концепта “Традиция” относятся и значения слова *каада* “обычай; правило, церемония” [209, т.1, с.308]. Ср.: *конок каадасы / конок тосуу каадасы* - правила гостеприимства / правила приема гостей; *Аш көп болсо* **каада** *көп* (посл.). - Когда много пищи, тогда много и **церемоний**; **Каадасы** менен *сүйлөйт* - говорит *учтиво /* с соблюдением **правил** этикета / учтивости: **каадасы** *менен кыз берүү* - выдать (замуж) дочь по *обычаю (*соблюдая все правила и церемонии традиционного бракосочетания).

Слово *каада* имеет три основных значения:

1. Салт, үрп-адат - традиция, ритуал. Например: **Каада** *билген карысы, Ак сакалдуу баарысы* (Манас). - Старики, знающие **традиции**, Почитаемые (букв. с*едобородые*) все (в вокативном выражении); *Ошол тойду көрүүгө, Журт* ***каадасын*** *көрүүгө (*Эр Төштүк*)* - Чтобы посмотреть на тот пир, чтобы посмотреть на народные **традиции**; *Кары билет* **кааданы,** *карчыга билет сонону* (посл.). - Старик знает **обычаи,** ястреб знает утку (Старик разбирается в обычаях, ястреб - в утках).

2. Адат, көнүмүш, өнөкөт, т.е. обыкновение, повадка, привычка: *Кара ниет адамдын* **каадасы** *калбайт өлгөнчө, Өткөн өөнү билинбейт Өлөр күнгө барганча* (Токтогул). - У злого человека **привычки** сохраняются до смерти, упущения прошлого не замечаются до дня смерти.

3. Урмат, ардак, шаан-шөкөт, кадыр-барк, т.е. уважение, почет, великолепие, авторитет: **Каада** *менен жөнөтүү Урматтап калкы Жамбылды* (Осмонкул). - Проводил народ Джамбула с **почестями** и уважением. Это значение сохраняется и в производных формах корня: *Үч канга катар салам айт,* **Каадалап** *катуу кабар айт* (Манас) - Привет передавай всем трем ханам, крепко извещай их со всеми **почестями.**

Слово *каада* приобретает дополнительные смыслы в пределах рассматриваемого концепта, меняя свой контекст или получая идиоматическое

значение. В эпосе “Сейтек” мы встречаем фразу: *Кыз кезинде бул Чүрөк,* **каада** *чайкап эл бузган.* - В девичестве эта Чүрөк, нарушив **обычай,** внесла в народ разлад, где *каада чайкоо* имеет значение “нарушить обычай / нарушение обычая”.

Слово *каада* с аффиксом *-луу* и *-сыз* приобретает функцию определения, сохраняя при этом субстантивность своей общей семантики. Определяемые существительные обозначают таких лиц, которые обладают или не обладают качествами, обозначаемыми корневой морфемой *каада: Каадалуу жигитке* **каадасыз** *кыз туш келет, каадалуу кызга* **каадасыз** *жигит туш келет* (посл.). - За парня, знающего все **обычаи,** выйдет замуж невеста, не знающая их, на невесте, знающей все **обычаи,** женится парень, не знающий их. Ср. также: *Калыңсыз кыз болсо да,* **каадасыз** *кыз болбойт* (посл.). - Невеста бывает без калыма, но без соблюдения обычаев не бывает (т.е. замуж выходит, как положено по обычаям) [209, т.1, с. 308]. В кыргызской лингвокультуре чаще встречается субстантивная форма с аффиксом *-луу* в значениях:

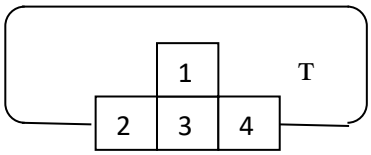
1. Кишилер менен мамиле кылуу эрежелерин, эски салт-санааны, тартипти өздөштүргөн, пайдаланган, т.е. знающий и применяющий правила обхождения с людьми, старые обычаи и порядки: *каадалуу коноктор* - гости, знающие и соблюдающие порядки гостеприимства; *каадалуу байбичелер* - (уважаемые*)* пожилые женщины, знающие и соблюдающие старые правила и порядки. У Арстанбека есть строки: **Каадалуу** *өткөн заманды Карылар айтып беришкен* - Старики рассказывали о прошедшей эпохи **в обычаях.**

2. Кадырлуу, барктуу, сыйлуу, нарктуу, ардактуу, т.е. уважаемый, высокооцениваемый, ценимый, почитаемый, степенный, почетный: *каадалуу катын* - степенная, уважаемая женщина, *каадалуунун өзүсүн* (Сейтек) - ты самый из почитаемых (людей).

3. Олуттуу, зарыл, т.е. значительный, важный: **Каадалуу** *акыл таппайсын.* - Ты ничего **значительного** не придумаешь; **Каадалы / луу** *адам болуп калган бейим.* - Он, де, стал важным человеком.

4. Кадыресе, кадимкидей, токтоо, т.е. подходящий, соответствующий, обычный, спокойный: *Киши* **каадалуу** *болгонунан, айланайын!* (Абдымомунов*).* - Любимый мой, он выглядит как **(взрослый) человек;** *Сүйлөгөн сөзүн кара* **каадалы** *адамга окшоп.* - Посмотри на его слова, походит на (солидного) человека.

В трех последних значениях сема «Традиция» ослаблена и почти не замечается. Поэтому их отношение к концепту можем представить схематично в следующем виде:



В сферу Т входит только первое значение слова *каадалы / каадалуу,* а остальные его значения только соприкасаются с нею и находятся почти за ее пределами.

А вот адвербиальное образование *каадасынча* выступает в качестве номинанта концепта “Традиция”, обозначая обычные, привычные, хорошо усвоенные свойства того или иного действия: *Күлжан ордунан туруп*, **каадасынча** *күлүңдөп басып барды* (Байтемиров). - Кулджан встала с места, **привычно** улыбаясь, подошла (к нему); *Алия* **каадасынча** *шакылдап сөзмөр болгусу келет* (Сыдыкбеков). - Алия , **как всегда** громко говоря, хочет быть говоруньей. Слово *каадасынча* выражает привычки, типичные черты характера и поведения человека и занимает место на периферии концепта “Традиция”.

В системе репрезентантов концепта “Традиция” важное место занимает слово *жөрөлгө,* имеющее значение “обычай, обыкновение, установление; признак, примета, предзнаменование” [209, т.1, с.266].

В КТС это слово называется в числе синонимов *каада, адат, салт, шаан-шөкөт, ырым-жырым,* в качестве переносного значения называется *эң биринчи демилге* “самая первая инициатива”, *иштин башталышы* “начало работы”, *үлгү* *“*образец*”, саамалык* “почин, первинка, новинка” [114, т. 1, с. 587].

Следовательно, слово *жөрөлгө* имеет широкий круг значений, которые можно свести к нескольким общим пунктам.

1. Обычай, традиция. Например*: ата-энеңдин* **жөрөлгөсү - обычай** твоих предков (так говорят, когда невесте впервые повязывают на голову платок, заменяя девичью шапку); *жөрөлгө* - совокупность обычаев и установлений старины, старые традиции: *Журттун салтын, элдин жакшы* **жөрөлгөсүн** *байлардан көп билбейбиз* (Сыдыкбеков). - Традиции народа, лучшие **обычаи** этноса мы знаем не больше, чем богачи.

2. Правило, норма. Например: *Койдон жүн алуунун азыркы* **жөрөлгөсү** *дагы жаман эмес*. - Да и теперешние *правила* получения шерсти от овец неплохие; *Абдырахман келгенде, кадимки барктуу күйөөгө иштелүүчү* **жөрөлгөнүн** *бири да иштелген жок* (Сыдыкбеков). - Когда пришел Абдырахман, ни одно из **правил,** применяемых к авторитетному зятю, не было использовано.

3. Инициатива, почин. Например: *Бул* **жөрөлгөнү** *колдоого болот*. - Эту твою **инициативу** можно поддержать; *Великий* **почин** (В.И.Ленин) - Улуу **жөрөлгө /** Улуу **демилге.**

4. Признак, примета, предзнаменование. Например: *Сенин бүгүн ооруп калышың - жаман* **жөрөлгө. -** То, что ты сегодня заболел, - плохая примета; *Менин турганым* **жөрөлгө** *эмеспи*? - Одно мое присутствие - разве это не **предзнаменование**?

5. Образец, направление, начало чего-либо, путь следования. Например: *Ата-эненин* **жөрөлгөсү** *менен жүрүү* - Действовать **по пути** родителей / Действовать **по образцу** родителей; *Иштин* **жөрөлгөсү** *дурус*. - Начало работы неплохое / **Направление** работы неплохое.

Первые два значения слова **жөрөлгө** непосредственно относятся к семантической сфере концепта “Традиция”, тогда как остальные - к его дальней периферии, имея слабые семы традиционности.

Среди кыргызских номинантов концепта “Традиция” особо выделяется лексема *шаан-шөкөт.* Она сложная, состоит из двух компонентов. Первую

часть составляет слово *шаани* “красота, украшение; красивое поведение, выразительная походка” и слово *шөкөт / шөкөөт* *“*форма, оформление, украшение*”.* Слово имеет арабское происхождение [209, т. 2, с.413] или китайско-тюркскую этимологию [73, с.191, 670], выражает значение “пышность, великолепие, помпа”, которое сохраняется в его производных формах: *шаан-шөкөттөн / шөкөттөн* *“*украшая, придавая пышность, помпезность”, *шаан-шөкөттөнүп / шөкөттөнүп* “важничая, стремясь казаться красивым, пышным”, *шаан-шөкөттүү* “пышный, помпезный” и т.д.

В КТС [114, т. 2, с.771] отмечается значение этого сложного слова в виде *шаң, салтанат*, т.е. великолепие, торжество. Эти значения, конечно, не отделимы от концепта “Традиция”. Ср. у А.Токомбаева: *Купуяны төркүндөрү күйөөгө бергенде чоң* **шаан-шөкөттөр** *менен узатты.* - Когда Купую выдавали замуж, ее родственники провожали с большими **торжествами.** Эти торжества связаны с традицией и осуществлялись в рамках обычая, брачного обряда. В примере *Ордонун* **шаан-шөкөтүн,** *зыяпатынын көрүп, көп журт кайтты* (Касымбеков). - Увидев **торжества** и угощения столицы, много народа возвратилось.

Связь корня *шаан / шаани* с концептом “Традиция” бросается в глаза в его форме с обладательным аффиксом *-луу: Өлүктү кылып* **шаанилүү,** *өсөк сөз айтып маанилүү.* - Покойника выставляя **важным,** ложное слово делая значимым. В данном случае речь идет о приписывании образу покойника, заслуг не свойственных ему, но допускаемых обычаем. Кыргызы не говорят плохое о покойнике.

В кыргызском языке есть слово *ырым* *“*вера в приметы, в предзнаменования; поверье; примета; на счастье, (в торговле) для почина; заклинание*”* [209, т. 2, с. 439], которое составляет первый компонент сложного слова *ырым-жырым* с собирательным значением “всякого рода поверья и приметы; обряды; предрассудки; суеверие”. Оно в сочетании со словом *дарым* в качестве первого компонента образует сложное слово *ырым-дарым* *“*поверье (в исцеление), суеверие” [114, т. 2, с. 829]. Ср.примеры: *ырым үчүн* - на счастье;

Ырысы жоктун **ырымы** *күч* (посл.) - У незадачливого сильна вера в **приметы;** *диндик* ***ырым-жырымдар*** - религиозные **предрассудки / обряды;** *Суунун ийрими жаман, карынын* **ырымы** *жаман* (посл.). - Опасен водоворот реки, опасно **заклинание** старика; **ырым-дарым** *ырлары* - (лит.) **суеверно-обрядовые стихи** и др.

Значение слова *ырым-жырым* является частью значения слов *салт, традиция.* Ср. у Убукеева: **Салтыңар** *боюнча ырым-жырымын өткөрө берип, бүт чарбачылыгынан ажыраттыңар*. - Вы лишили его всего хозяйства, проводя различные обряды по Вашему **обычаю.** Как видим, проводимые мероприятия по случаю похорон являются частным случаем по отношению к обычаю этноса.

В лексиконе концепта “Традиция” есть еще одно слово, часть встречающееся в этнографических трудах. Это атрибутивно-предметное слово *таберик / табарик* “священный, почитаемый, приносящий счастье, благодатный”. Оно, по-видимому, имеет арабское происхождение и чаще употребляется в определительном значении: *Таалайлуу таксыр Кедейкан*, **табарик** *сиздин кебиңиз* - Счастливый господин Кедейкан, **священны** ваши слова; *Кантсе да, аш менен тойдун тамагы эзелтен бери* **табарик** *катарында болуп калган эмеспи.* - Как бы то ни было, но ведь свадебная и поминальная пища искони считается **благодатной** (ее следует отведать) [209, т. 2, с. 187].

Слово это выполняет и субстантивную функцию, приобретая значение “священные ценности”. Сборник статей “Ата-бабалар табериги”[Б., 2011. – 724 с.] имеет подзаголовок “Кыргыздын адеп-ахлак, салт-санаа, үрп-адат, ырым-жырым жана жөрөлгөлөр жыйнагы”. Иначе говоря, книга имеет название “Священные ценности отцов и дедов” и подзаголовок “Сборник кыргызских нравственных правил, обычаев, обрядов, поверий и установлений”.

В сборник вошли труды А.С.Акматалиева, Н.Сакиевой, Ж.Дуйшеева, Г.Шакировой, А.Оморова и других этнографов, поэтов, историков, педагогов, журналистов и других. В контексте сборника слово *таберик,* возможно, имеет и значение *баалуу белек* “ценный подарок”. Известно также, что *табарик*

является начальным словом 67-й суры священной книги мусульман [114, т. 2, с. 486]. Имеется и другая книга, в названии которой встречаем слово *таберик: Улуулардан таберик: кыргыздын этнографиялык түшүнүктөрүнөн.*

В парадигме семантически родственных слов в подзаголовке данного издания встречается еще одна лексема с семой традиционности: это - существительное *үрп-адат,* имеющее семитское происхождение [209, т.2, с.325] и значение “совокупность народных обычаев и установлений”.

В КТС его значение определяется немножко по-другому: укумдан тукумга өтүп келе жаткан *адат, салт,* т.е. обычай, традиция, передаваемые от одного поколения к другому [114, 2, с.671]. Часто слово *үрп-адат* используется в качестве абсолютного синонима слов *салт-санаа, каада-салт* [9, с.46; 155, с.135-198].

В лексикографической литературе их различия не указываются.

Как видим, кыргызские номинанты концепта “Традиция” образуют целостную семантическую парадигму, члены которой с разных позиций и в разной степени объективируют и материализуют его ментальное содержание.

2.2. Методы исследования

В работе применяются три группы методов – эмпирические, теоретические и когнитивно-языковые. Первые две группы традиционны и используются во всех лингвистических и нелингвистических исследованиях. А когнитивно-языковая методика составляет содержание приемов и способов изучения лингвистических фактов в лингвокогнитологии и лингвоконцептологии.

Эмпирические методы применялись нами на первой стадии исследования. С их помощью мы изучали лингвистическую литературу, статьи толковых и переводных словарей, собирали лингвистические факты в пределах темы, составляли картотеку, систематизировали факты, осуществляли их классификацию, разбивали фактический материал на типы и подтипы, проводили опрос среди людей с целью выяснения их понимания сущности и

роли традиции в жизни общества. Мы находили и фиксировали факты из художественной литературы и разговорной речи, интерпретировали их с точки зрения когнитивного языкознания, лингвокультурологии и других смежных отраслей антрополингвистики. Перевод фактов с одного языка на другой тоже послужил нам в качестве методики исследования.

В процессе углубления и расширения сферы исследования мы обращались к процедурам и приемам **теоретических методов.** Основные результаты мы получили при помощи таких методов, как анализ (разбор), синтез, системный метод, обобщение, сравнение, сопоставление, моделирование, аналогия, формализация. При анализе фактический материал подвергался разбору: разбивка целостных образований на части и компоненты и отдельное рассмотрение этих элементов позволили нам более детально определить сущность концепта «Традиция». Анализ, конечно, не способствует обнаружению и описанию тех начал, которые объединяют элементы крупных языковых структур, в данном случае – концепта «Традиция». Поэтому мы обращались к приемам синтеза лингвистического материала, к выявлению и описанию специфики объективации изучаемого концепта, через посредство укрупненных языковых знаков, к определению системных свойств его репрезентативов. Синтез фактов важен для получения обобщающих выводов.

В работе важное место занимают результаты, полученные с помощью сравнительного и сопоставительного методов. При сравнении во внимание принимаются сходные, аналогичные явления в русском и киргизском языках. При сопоставлении на первый план выдвигаются различающиеся факты двух языков. С помощью моделирования и формализации нами разработаны упрощенные схемы элементов и форм этнических традиций, детали которых представлены в виде цифровых и буквенных знаков.

А **когнитивно-языковые методы** не противопоставляются традиционным общенаучным методам – эмпирическим и теоретическим, а только дополняют их с точки зрения лингвокогнитологии. Содержание данной методики включает в себя 1) построение номинативного поля концепта «Традиция»; 2) анализ,

синтез и описание семантики языковыцх средств, образующих номинативное поле концепта «Традиция»; компонентный анализ семантики слов, объективирующих данный концепт; 3) интерпретация и обсуждение когнитивных и лингвокультурных признаков номинантов рассматриваемого концепта; 4) верификация полученного семантико-когнитивного описания у носителей языка (ассоциативный эксперимент); 5) описание смыслового содержания концепта путем перечисления его когнитивных признаков; 6) описание полевой организации признаков концепта «Традиция» по схеме: «ядро – периферия: а) ближняя; б) дальняя; в) крайняя»; 7) описание признаков концепта а) по субстантивным, атрибутивным и процессуальным номинантам; б) по словесным, образно-аксиологическим, фразеологическим и другим составляющим; 8) описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков; 9) конструирование когнитивной модели «Традиция».

Как видим, методики когнитивно-семантического анализа необходимо формулируются с использованием ряда терминов теоретических методов: «анализ», «интерпретация», «эксперимент» и т.д.

Выводы по II главе

Вышеизложенное позволяет заключить некоторые общие выводы.

1. Концепт “Традиция” является крупным семантико-когнитивным блоком концептосферы языка и имеет интернациональное ментально-языковое содержание.

2. Концепт “Традиция” выступает как многослойное, полиаспектное и многокомпонентное ментально-языковое образование, предполагающее изучение с разных позиций и точек зрения.

3. Концепт устроен не только парадигматически, состоит из совокупности когнитивно-семантически связанных ментальных единиц, обладающих как общими, так и специфическими чертами. Он оформляется и синтагматически –

в структуре одного предложения, имея иерархически связанные значения и номинанты.

4. В одной концептуально насыщенной фразе можно выделять центральную, второстепенную и третьестепенную семы с соответствующими репрезентативами. Типичные эпитеты относятся к ближней периферии концепта в составе фразы.

ГЛАВА III. РЕЗУЛЬТАТЫ СОБСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1. К вопросу о типологии разновидностей концепта «Традиция» с позиции кыргызско-русского двуязычия

Глава посвящена раскрытию сущности концепта «Традиция» и его основных репрезентантов в кыргызском и русском языках.

Еще раз отметим многоаспектность и многослойность строения этого концепта. В нем четко разграничиваются этимологический, словообразовательный, лексико-семантический, вербально-образный, этноментальный, социокультурный, парадигматический, синтагматический, повседневно-бытовой, исконно-национальный, приобретенный и другие слои и компоненты [2, с. 12-15]. Такое расслоение семантики концепта возможно только при лингвокогнитивном анализе и необходимо для определения его сущности. А концепт сам по себе существует в уме человека как ментальное образование, получая конкретный смысл в том или ином контексте, в своих вербальных и невербальных репрезентациях и реализациях.

Концепт «Традиция» имеет место в сознании каждого образованного человека, который в той или иной мере сталкивается с ним - в школьных учебниках, телепередачах, газетах или сети интернета, в научном или бытовом общении. Только человек, имеющий в своей памяти след, образ или понятие этого концепта, может воспринять информацию в сообщении, содержащем его номинанты. Иначе информация остается непонятной рецепиентом в полном объеме или смутно представляемой и нечетко осознанной им.

Для пользователя языком неважно, как расслаивается этот концепт, из каких компонентов или номинантов он состоит. Для него важно наличие представления о нем, соответствующего «следа» в его уме. Употребление говорящим слова *традиция* в речи или понимание слушающим его значения в полной степени зависит от наличия этого следа, а частично - от контекста и ситуации общения, от других экстралингвистических факторов.

Естественно, этот след имеет различный объем, различную степень прочности, различную структуру в сознании у разных людей. Нельзя

сравнивать познания специалиста по этическим традициям и садовода, сказителя эпоса и школьника-первоклассника, поляка и грека, всего человечества и одной нации. Поэтому мы можем говорить о различиях понимания одного человека, группы людей и целого народа, понимания представителей различных групп людей по возрасту, профессии, социальной и национальной принадлежности, уровню образованности и т.д.

Для лингвоконцептологии важно установить общее когнитивно-языковое содержание данного концепта и состав его репрецентативов, выявить его существенные и необходимые свойства и составляющие и на этой основе дать ему общее ментально-языковое определение.

Концепт - ключевая категория лингвистического антропоцентризма, представленная в менталингвистике, лингвоконцептологии, когнитивном языкознании и лингвокультурологии. Он имеет различные определения и понимается учеными совершенно по-разному (см. 1.3.). Исследователи единодушны только в признании его мыслительного характера и в наличии целого ряда разновидностей и типов концепта. Мы ниже охарактеризуем его типы и виды на материале структуры концепта «Традиция».

Неоднородность и разноплановость структуры концепта «Традиция» служат основанием для разграничения нескольких его разновидностей или базовых компонентов.

В кыргызской лингвоэтнокультуре имеется обычай отмечать 8 Марта как праздник. На вопрос «Что вам известно о 8 Марта?» наши респонденты отвечали по-разному. 1. Это (же) праздник (23). 2. Женский праздник. Праздник для женщин (11). 3. В этот день празднуют женщины (6) и мужчины (4). 4. Всеобщий праздник. Праздник женщин всего мира (5). 5. Люди отмечают этот праздник более века (1). 6. Это Клара Цеткин предложила; коммунист (1). Данный обычай известен всем. Но его детали люди представляют неодинаково. Многие называют родовое название, отнеся его к категории «праздник», другие выделяют женскую направленность, третьи - распространенность и всеобщность праздника и т.д. Праздник 8 Марта - элемент нашей культурной

традиции, возникший в Европе в начале XX века, а у нас в советское время в русле идей социализма.

На основе данных специалистов по лингвоконцептологии, когнитивному языкознанию, менталингвистике и лингвокультурологии охарактеризуем основные разновидности и типы концепта. В качестве фактического материала используем примеры из кыргызской лингвокультуры.

Самым элементарным видом концепта является **представление.** Представлением в когнитологии называют воспроизведение в сознании ранее пережитых ощущений и восприятий и возникшее на его основе знание человека. Представление есть обобщенный чувственно-наглядный образ предмета или явления. Разные жители республики, например, неодинаково представляют внешний облик, физические данные и интеллект Манаса, эпического персонажа, его роль в консолидации и единении кыргызского этноса. Слово *Манас* объективирует целую сеть ассоциаций в сознании людей - разнообъемных, разнохарактерных и разной степени устойчивости и позитивности.

Метафоризация образа является разновидностью представления. Слово *мекен* «родина» вторично для кыргызской лингвокультуры. Оно заимствовано из арабского языка и занимает небольшой отрезок в традиционной этнокультуре этноса. В значении этого слова в кыргызском языке употребляется метафора *Ала-Тоо* с предметным значением «пестрые (белоснежные) горы», имеющая и другие смыслы - возвышенно-риторические (*Ала-Тоолук кыргыз эли тайманбай… «* кыргызский народ с Ала-Тау, не страшась…» в прежнем гимне республики), эмоционально-оценочные, информационно-коммуникативные, символические и прочие.

Другим распространенным типом концепта является **понятие.** Понятие - это такой концепт, который отражает наиболее общие, существенные и необходимые признаки обозначаемого предмета или явления. В понятии отражаются такие свойства, которые формулируются в результате познания и осмысления предметного мира.

В сознании каждого образованного человека имеет место понятие традиции. Что же понимается под традицией? Традиция имеет понятийное содержание как «то, что унаследовано от предшествующих поколений (например, идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи и т.п.) и переходящих от одного поколения к другому». В понятии отражены все основные свойства определяемого: 1) унаследованность некоторых свойств и качеств от родителей, от предшествующих поколений; 2) способность переходить от одного поколения к другому; 3) наличие структурных элементов в виде идей, взглядов, вкусов, образов, обычаев и т.д., которые являются обязательными для определения сущности понятия «Традиция». Здесь понятие «Обычай» входит в его состав, выступая в качестве гипонима. Составляющие понятия «Обычай» можно представить скобочной записью: (традиционно (установившиеся ((правила) общественного поведения)))). В центре содержания понятия стоит гипероним (во мн.ч.), который относит лексему *обычай* к классу лексем со значением «предписание, устанавливающее порядок чего-либо». Значение лексемы *правила* ограничивает от данного класса несогласованное определение *общественного поведения,* т.е. *правила общественного поведения.* На эти правила накладывает ограничение причастное согласованное определение *установившиеся* «введенные в действие, утвержденные». А словосочетание *установившиеся правила общественного поведения* не в полной мере отражает суть понятия «Обычай». Эту неполноту восполняет адвербиальный определитель *традиционно.* Ввод этой лексемы в состав словосочетания способствует адекватному раскрытию содержания понятия «Обычай» и его отнесению к сфере концепта «Традиция». Таким же образом можно раскрыть понятийное содержание составляющих всех концептов, в том числе концепта «Традиция».

Надо отметить, что все составные элементы концепта «Традиция» определяются с помощью 1) адъективных определителей: *установленный, устанавливаемый; обычный, вечный, привычный, устоявшийся, общепринятый* и др.; 2) адвербиальных определителей: *традиционно, обычно, постоянно,*

систематически, всегда, часто и подобные; 3) глаголов: *передаваться, переходить, хранить, сохранять, совершенствовать, корректировать* и т.п.

Концепты-понятия формируются и функционируют в мышлении преимущественно как обобщенно-абстрагированное отражение свойств предметов и явлений окружающего мира. Понятия вербализуются прежде всего в научной сфере жизнедеятельности человека и лексикографии - в толковых (монолингвальных и диалингвальных) и энциклопедических словарях. Компонентный анализ - наиболее распространенный способ раскрытия понятийного содержания термина.

Признаки «установленный», «общепринятый» и другие применимы к традиционным **символам** предметов и явлений социальной жизни: письмо (графика), цифры, дорожные знаки, таблица умножения, периодическая система химических элементов, математические формулы, жесты, позы и др. Имеют непосредственное отношение к сфере концепта «Традиция». Они носят межнациональный и международный характер, отражают опыт всего человечества и передают его от поколения к поколению.

Символы - материальные носители концепта и важная для общения и взаимопонимания людей его разновидность.

С символикой коррелирует и такой тип концепта, как **схема.** Под схемой понимается концепт, передающий в упрощенно-обобщенной, пространственно-графической или контурной форме облик и содержание предмета. В кыргызской лингвокультуре под влиянием русской появились символы **Э** и **А**, т.е. *эркек «*мужской*»* и *аял «*женский*»* на туалетных вывесках, соответствующие русским **М** и **Ж**. В этом же значении употребляются и схематичные изображения туловища человека в виде треугольника, головы - в виде кружка: - схема мужчины, - схема женщины. Подобные символы встречаются и в финикийском письме, использовавшемся во 2-1 тысячелетии до нашей эры [33, т. 27, с. 443]. Эти схемы мы можем назвать еще символами. Глобус - трехмерная модель-схема земли, карта - двумерная ее модель-схема.

Схемы структурируют и материализуют знания человека. Их можно нарисовать и исправить, ввести в него изменения и уточнения.

Глобус - это не только модель-схема. Он продукт многовековой творческой работы географов, астрономов и других ученых. Он содержит общие, обобщенные сведения о строении земли, о материках и континентах, океанах и морях, о странах и городах, о климате и рельефе. Он как бы представляет собой модель фрейма.

Фрейм - такой тип концепта, который имеет сложное строение и мыслится как многомерное, объемное целое, состоящее из целого ряда слотов - частей и компонентов. Его можно представлять в виде совокупности стандартных знаний о структуре предмета или явления. Когда говорят о России, подразумевается все, что связано с нею и из чего она состоит. В одном случае выделяется одна ее сторона, в другом - другая, в третьем - разные ее стороны: Россия - многокомпонентное и полиаспектное понятие- фрейм. Фрейм - не устойчивое, не окостенелое мыслительное образование. Он меняется, видоизменяется в зависимости от развития общества и мышления людей. Иногда названия его слотов приобретают способность заменять сам гипероним. Россия в середине X1X века и нынешняя Россия - это разные фреймы с идентичным названием. Известно, что слова *Москва* как номинант столицы России иногда приобретает значение слова *Россия.* Это часто происходит в публицистическом и канцелярском стилях речи. Все это говорит о том, что объем, содержание и структура фрейма динамичны, подвергаются трансформациям и видоизменениям. Его номинанты тоже сужаются, расширяются, корректируются в зависимости от изменений в языке-мышлении. Ср. понятие родины в сознании кыргызов или украинцев в советское и постсоветское время.

Основываясь на лингвоэтнокультуроведческих трудах А.С.Акматалиева, рассмотрим некоторые стандартные знания этноса, в совокупности составляющие концепты-фреймы.

А.С.Акматалиев, конечно, не зная, что такое фрейм и концепт, представляет концепт-фрейм «Родство» как систему знаний, значений и соответствующих терминов, составляющих отдельный блок национальной традиции. Раздел «Кыргыздын тууган-уругу, жерге-жээги» его известного труда полностью посвящен описанию родства, сродства, родственных отношений у кыргызов, характеристике значений терминов родства:

1) термины по восходящей линии: *ата* «отец»; *чоң ата* «дед»; *баба* «прадед»; *буба* «прапрадед»; *жете* «прапрапрадед»; *жото* «прапрапрапрадед» и т.д.

2) термины по нисходящей линии: *бала* «сын, дочь», *небере* «внук»; *чөбөрө (чүрпө)* *“*правнук*”; кибире “*праправнук*”; тыбыра “*прапраправнук*”; жыбыра “*прапрапраправнук*”* и др.[7, с. 12]. Каждое из этих наименований содержит в себе информацию, которая известна отдельным знатокам родословных и неизвестна многим. Это информация и есть элемент кыргызской лингвоэтнокультуры.

Вторую группу составляют лексемы, именующие людей пожилого возраста: *аксакал* «почитаемый, пожилой мужчина» (букв. «седобородый»), *карыя* «уважаемый пожилой мужчина»; *абышка / чал* (просторечн.) «старик»; *байбиче «*почитаемая пожилая женщина, старшая из жен (при многоженстве)»; *кемпир* «старуха». Здесь же А.С.Акматалиев перечисляет возрастные наименования людей мужского и женского пола: 1) *бала* «ребенок»; *тестиер, улан* «подросток»; *жигит, киши* «человек, взрослый»; *жашап калган* «в возрасте»; *кары* «пожилой»; 2) *секелек кыз* «девочка»; *тестиер кыз* «девочка-подросток»; *беш-көкүл «*созревшая для замужества девушка*», жубан* «замужняя женщина»; *колукту* «молодуха»; *келин* «невестка»; *зайып (аял)/катын* (разг.) *«*женщина» и др.

Далее раскрывается лингвоэтноментальное содержание терминов *ата* «отец», *эне* (апа) «мать»; *ага* «старший брат», *абысын* «жены братьев по отношению друг к другу»; *жезде* «муж старшей сестры»; *тайжезде* «муж сестры матери (если она старше говорящего)», *куда* «сват», *бел куда* (уст.)

«родители (обычно - отцы), просватывающие своих еще неродившихся детей», *бешик куда* (уст.) «родители (обычно - отцы), просватывающие своих детей с колыбели», *кайчы куда* «перекрестный сват (когда две семьи обмениваются дочерьми, выдавая их замуж за сыновей другой стороны)», *кудагый* «сватья (мать невесты, жениха или их пожилая родственница)», *кудача* «сватья (молодая родственница жениха или невесты)» и т.д. В целом приводится, поясняется еще 20 подобных терминов. Их содержание, специфика употребления в речи, различные коннотации, приобретаемые ими в живой речи, получили подробное описание. Интересны соображения автора относительно кыргызской семьи и представлений кыргызов о семье. Все это, на наш взгляд, составляет лингвоэтноментальное содержание фрейма «Родство».

Специфично строение концепта «Наименование новорожденного». Его фреймовую структуру составляет система общепринятых имен (имена по месту рождения, ситуативно-событийные имена, имена-пожелания, имена знаменитых предков, темпоральные имена, арабо-мусульманские имена и т.д.), а его сценарную структуру - порядок наречения имени: рождение ребенка - обращение семьи к аксакалу (к главе семьи) дать ребенку имя - ритуальное омовение аксакала - возглашение трехкратного обращения к Богу в сторону Мекки, священного города ислама, словами «Аллоо акбар (Бог победит)» с поднятыми до уха ладонями обеих рук - наречение имени - добропожелания ребенку [7, с. 26-27]. Это только один из этапов национального ритуала по случаю наименования малыша. Есть и другие скрипты более развернутые и общепринятые: рождение ребенка (төрөлүш) - (уст.) вложение в рот новорожденного топленого масла в сопровождении добропожеланий в его адрес (оозантыш) - явка к родственникам с сообщением вести о рождении ребенка с желанием получить подарок (сүйүнчү) - угощение или подарки, приносимые теми, кто приходит посмотреть новорожденного (көрүмдүк); в качестве подарков дают скот или деньги - угощение, устраиваемое на пятый-шестой день после рождения ребенка (в предвидении рождения ребенка в юрте будущей матери готовили в кутырях топленое масло для угощения;

поздравляющие и приглашенные обычно приносят подарки) (жентек / бешик той). Последний пункт (бешик той) имеет свой фрейм, свой сценарий. Это колыбельный пир. Его составляющие: 1) новорожденный, его родители, родня; 2) приглашенные; 3) люлька со всеми принадлежностями, приносимая для пира за счет родителей отца ребенка и др., (включая скот на закалывание). Даже слово *бешик / люлька* обозначает целый комплекс предметов: деревянную люльку с покрывалами, с трубочкой для стекания мочи, вставляемый между ног ребенка, лежащего в колыбели; приспособление под детской колыбелью (жестяная банка, горшок или кусок войлока) для стока мочи и испражнений; две подушечки; два матрасика (в люльке ребенка), набитых овечьей шерстью или хлопком; четыре подушки, платок-обмотка и др. Обряд укладки ребенка в колыбель имеет свой порядок: 1) подготовка колыбели к укладке ребенка; 2) угощение приглашенных (обильная пища, благопожелания в адрес ребенка); 3) смазывание колыбели и трубки для мочи; 4) окуривание дымом можжевельника колыбели со всеми принадлежностями с целью очищения, обезвреживания; 5) бросание альчиков в головную часть колыбели и качание колыбели до попадания альчиков в горшок для мочи и испражнений, говоря слова *бар бол* «существуй, будь здоров», *оң бол* «будь правым / правильным / честным»; 6) укладка ребенка самой уважаемой женщиной (с участием еще двух женщин) в люльку с пожеланиями ему здоровья, счастья, радости, долгих лет жизни; 7) завязывание рук и ног специальными широкими и мягкими приспособлениями сверху одеяла; 8) развешивание на колыбели семи вещей (одеяла, переметной сумки, мешочка и др.); 9) передача люльки в таком виде матери ребенка; 10) трехкратное поклонение матери перед присутствующими сначала со стороны двери юрты, затем - в сторону двери юрты (с руками на груди); 11) благословения присутствующих пожилых женщин; 12) качание люльки в сопровождении колыбельной песни.

Этот обряд приводится по исполнении сорока дней с рождения ребенка. В тот же день осуществляется обряд стрижки: уважаемого мужчину просят, чтобы тот постриг ребенку волосы. Постригающий обычно подносит подарок.

Тут же делают омовение соленой водой в объеме сорока ложек. Считается, что такая вода укрепляет кожу и здоровье ребенка.

В трудах А.С.Акматалиева приводятся сценарии и других обрядов: *тушоо той / тушоо кесүү / тушоо кыркма* «перерезание ниточки, который предварительно связывают ноги начинающего ходить ребенка», *чач алдыруу* «стрижка ребенка», *сөйкө салуу* «обряд надевания матерью жениха на невесту сережек», *кулак көзөө* «обряд надевания девочке сережек», *сүннөт той* «обряд обрезания, угощения по случаю обрезания», *мүчөл той / мүчө тою* «обряд исполнения ребенку 13 лет, угощение по этому случаю» [7, с.36-42].

Кроме того, А.С.Акматалиев подробно описывает и другие обряды кыргызов: правила почитания родителей, правила и порядки гостеприимства [7, с. 43-86], порядки кочевой жизни [7, с. 82-86], свадебные обычаи [7, с. 98-118], правила сватовства [7, с. 118-120], обычаи женитьбы [7, с.129-146], правила дружбы [7, с. 146-154], в качестве традиционных ценностей считаются также «Обычай старшинства», «Почитание пожилых людей». «Достоинство пожилой уважаемой женщины», «Мастерство красноречия», «Обычаи родства», «Символика дней недели», «Символика пяти пальцев», «Формулы приветствия», «Правила быта и повседневной жизни», «Национальные виды состязаний (спортивных, интеллектуальных, певческих и др.)», «Проводы», «Народные наказания», «Народные шутки», «Похороны», «Обычаи человеколюбия» и др. [7, с.155-240]. В работе представлен огромный материал, необходимый для изучения этнических представлений кыргызов об одежде. Их можно было бы рассмотреть под заголовком «Концепт *кийим-кечек / одежда».* В книге перечислены почти все национальные виды одежды, их описание и символика [7, с.241-256].

Лингвоэтнокультурную ценность имеют и кыргызские поверья, запреты, приметы, предрассудки [с.256-275], нравы людей и женщин [с.279-300].

Все перечисленные типы и виды кыргызских обычаев имеют непосредственное отношение к концепту «Традиция». Они получили обстоятельное освещение в книге А.С.Акматалиева «Кыргыздын көөнөрбөс

дөөлөттөрү» [7, 348 с.], а также в его статьях в книге «Ата-бабалар табериги: Кыргыздын адеп-ахлак, салт-санаа, үрп-адат, ырым-жырым жана жөрөлгөлөр жыйнагы» [Б., 2011. – 724 с.; см. с. 7-24, 29-49, 63-82, 114-137, 193-242, 254-274, 319-338, 358-384, 398-498]. Материалы книги и статей в сборнике идентичны.

Как видно из изложенного, лингвоэтнокультуроведческие материалы, собранные филологом-этнографом А.С.Акматалиевым, развернуто представляют традиции, обычаи, обряды, ритуалы и поверья кыргызского народа. Переведя эти факты на почву лингвоконцептологии, мы обнаруживаем в них все типы и разновидности концепта - представления, понятия, схемы (схема родословной по нисходящей и восходящей линиям), фреймы, сценарии, микроконцепты и макроконцепты. Некоторые из этих концептов можно было бы назвать **гештальтами.**

Что такое гештальт? Гештальт - одна из разновидностей концепта. Он носит комплексный характер. В его составе можно выделять разноуровневые и разнохарактерные элементы, поскольку он имеет сложную структуру. Сложную структуру имеет и фрейм, но только - статичную, в состоянии «покоя». В отличие от фрейма, **гештальт характеризуется свойствами статичности и динамичности одновременно.** А динамика, «пошаговое» и поэтапное движение и развитие характерны сценарию. Следовательно, мы можем сказать, что гештальт совмещает в себе признаки фрейма и скрипта (сценария), отражая объекты в состоянии и движении, в функционировании и развитии, в статике и динамике.

Гештальт есть комплексно устроенный компонент знания. Это такая структура памяти, которая целостно отражает объемные объекты, упорядочивает их конструктивные элементы и связи в систему и входит в сознание человека как целостное упорядоченное единство.

В гештальте совмещаются разные начала - чувственное и рациональное, предметное и эмоционально-оценочное, конкретное и абстрактное, единичное и общее, динамичное и статичное, первичное и производное, одностороннее и многостороннее. С этой точки зрения раздел книги А.С.Акматалиева

«Маркумдун зыйнаты / Похороны», который в буквальном переводе обозначает «Почет покойнику» и представляет, на наш взгляд, гештальт в индивидуально-авторском сознании этнографа-филолога. Однако категорично назвать концепт «Похороны» индивидуально-авторским нельзя, поскольку он суммарно передает многовековой опыт этноса через призму одного человека.

Кратко опишем похоронный обряд кыргызов с точки зрения понимания одного автора, внеся некоторые коррективы в его план:

1. *Кабар айтуу* / извещение 1) близких родственников о смерти; 2) одного из видных людей аила, который сообщает о поминках другим аиьчанам; 3) всех уважаемых людей аила.

2. *Угузуу* / сообщение о смерти в сопровождении устройства поминок (это может быть сделано и через несколько лет после смерти, если в свое время о смерти не было известно или если в свое время поминок по какой-либо причине устроить было нельзя).

Мы бы эти два пункта объединили, в отличие от А.С.Акматалиева

3. *Жоктоо* / Оплакивание умершего, поминальная песня.

4. *Кайрат айтуу* / Утешение родных покойного.

5. *Аза күтүү* / траур, оплакивание умершего. Жены, дочери и сестры умершего надевают черное платье и платок (на севере) или синее платье и платок (на юге). Мужчины чаще не бреются в знак траура.

6. *Маркумду жайга коюу* / Похороны:

1) громкий плач и причитание ближайших родственников мужского пола (детей, братьев, отца и др.); 2) плач и причитание женщин в доме, где есть или недавно был покойник; 3) посещение семьи умершего умывшимися, невыпившими, с добрыми словами и намерениями.

7. *Маркумдун түбөлүктүү жайы* / (букв.) вечное место (обитания) покойника: 3) рытье могилы; 4) проверка размеров могилы со стороны старших родственников усопшего; 5) омовение покойника; 6) надевание савана на покойника; 7) угощение тех, кто рыл яму под могилу; 8) чтение жаназы у дома умершего (жаназой называют молитву по покойнику, совершаемую перед

погребением; заупокойная молитва, где определяется член семьи, отвечающий за долги покойника); в молитве участвуют только мужчины; многие из них сопровождают тело покойника до могилы; 9) погребение тела умершего (участвуют два человека, один из них - ближайший родственник);

8. *Үн чыгаруу* / Причитание, оплакивание умершего.

9. *Маркумга топурак салуу* / Бросание земли в могилу (в качестве прощания с умершим и отдачи последнего долга); участвуют все, которые явились на обряд погребения; берут горсть земли из одного ведра и, выразив пожелание “Сообу тийсин / Пусть наградит за благодеяние”, бросают ее в другое ведро, земля в котором используется для засыпки могилы.

10. *Казанак оозун бекитүү* / Закрытие бокового углубления в могиле, куда кладут покойника.

11. *Көрдү көмүү* / Закапывание ямы. Этот пункт отсутствует у А.С.Акматалиева, но он указывает, что в могилу высыпаются горстки земли от каждого присутствующего и от имени тех, которые по той или иной причине не смогли принять участие в похоронах.

12. *Далил таш чачуу* / Засыпка могильного холмика камешками (которые насчитывает несколько сотен, «проходят» через 80 тысяч келме - повторяющихся символических выражений мусульманской веры и служат как бы оберегом души усопшего). Этот пункт тоже особо не выделяется, но имеет место в авторском скрипте «Похороны».

13. *Аза (бата)* / Посещение семьи покойного с выражением соболезнования и с подношением на поминальные расходы (в виде скота, одежды, материи и т.д.).

14. *Маркумга мал союу* / Закалывание скота в честь умершего // *Кара аш* / небольшие поминки в день похорон.

15. *Жыртыш айыруу* / Подарки на помин души (отрезки материи от 0,5 до 3 метров).

16. *Үчүлүк* / Третины т.е. поминки на третий день после смерти.

17. *Жетилик* / Поминки на седьмой день после смерти.

18. *Кырк* / Сорочины, сороковины, т.е. поминки на сороковой день после смерти. В некоторых местах сорочины справляются на двадцатый и другие дни после смерти.

19. *Жылдык* / Годовщина, т.е. поминки на годовщину после смерти // *Аш* / Поминки, устраиваемые в годовщину смерти. У богатых устраивались скачки и разные состязания.

20. *Коргон салуу* / Строительство высокой глинобитной ограды у могилы / Установка железного или деревянного ограждения вокруг могилы // *Күмбөз салуу* // Строительство надгробия, мавзолея.

21. *Бейит башына баруу* / Посещение могилы умершего. Это делается после строительства надгробного сооружения, установки ограждения или сооружения. В этот день поминают усопшего.

В нашем изложении составляющие и порядок похорон охарактеризованы более широко. В их сценарий мы включили и такие элементы, которые собственно выходят за рамки погребального обряда, но тесно связаны с ним.

Как известно, термин гештальт введен в науку в конце XIX века австрийским искусствоведом Х.Эренфельсом [144, с.119]. Гештальт «Похороны», действительно, существует в сознании всех современных людей. Его след, состав, порядок и другие стороны различны в памяти разных людей. Этот гештальт нечетко, тускло и бедно представлен в уме детей. Он богат, многообразен и связан с многочисленными другими ассоциациями в сознании пожилых людей.

Видим, что в кыргызском сценарии похорон очень много такого, которое отсутствует в аналогичных обрядах других народов. Многие термины не имеют эквивалента в других языках. Явка мужчин на место похорон с платком в руках и плачем: «*Боорум ой, боорум ой! / Жигарим ой, жигарим ой* (в говорах)!» (букв.). «Печень моя, печень моя!» является элементом только кыргызской лингвоэтнокультуры. Он не имеет аналога в сознании и поведении других этносов, их представителям все это кажется странным или даже абсурдным. Подобные проблемы, «белые пятна» отмечаются и в других компонентах

обряда. Например, элемент *жаназа* имеет место только в обрядах мусульман. Все мероприятия, связанные с годовщиной смерти покойного, характерны только некоторым тюркским народам (например, казахам) и представляются непонятными, непривычными и чуждыми для носителей иных лингвокультур.

Данный гештальт можно назвать **суперконцептом,** имеющим объемное содержание, сложную структуру, многоступенчатую и многоэтапную динамику, полиаспектное строение. От него отличаются **миниконцепты.** Концепты «Траур», «Причитание», «Поминки», «Погребание» и другие имеют меньшую сферу отражения, относятся к этапам или частям похоронного обряда и, следовательно, могут именоваться частичными концептами или миниконцептами. Совокупность частичных концептов образует суперконцепты в языке-мышлении.

Микроконцепты выступают в качестве компонентов макроконцептов, объективируются в гипонимах в отличие от макроконцептов, репрезентируемых в гиперонимах. Соотношение гиперонима и гипонима изучается в семантике, соотношение макроконцепта и микроконцепта - в лингвоконцептологии и когнитивном языкознании.

Одной из разновидностей микроконцепта выступает **пропозиция.** Пропозицией называется инвариантное значение предложения. Существует много различных определений пропозиции и разных моделей пропозиции [211, с.401]. Мы присоединяемся к такому пониманию **пропозиции**, когда она **мыслится как некая общая, абстрактная предикативно-семантическая структура, которая видоизменяется и трансформируется в речевом акте под влиянием экстралингвистических факторов - ситуации, темы, места и времени общения, целей, возрастных, профессиональных, национальных и прочих особенностей говорящего и слушающего** и т.д.

Понятие пропозиции важно для определения корреляции инварианта и вариантов фразы, ее типовой структуры и переводных трансформ. А.С.Акматалиев перечисляет множество негативных привычек людей, которые не согласуются со стандартными, «правильными» и этичными нормами

поведения человека в обществе. Например, на с. 328 приводится этническое табу на перешагивание лежачего человека. Его можно сформулировать по-разному. Например, *Кишини / адамды аттап өтпөйт / Кишини аттаба* (ед.ч. 2 л.) / *Кишини аттабагын* (ед.ч. 2 л.) / *Кишини аттабаңыз* (ед.ч. 2 л. уваж.) / *Кишини аттабаң (*ед.ч. 2 л., вежл., в говорах*) / Кишини аттабагыла (*мн.ч. 2 л.*) / Кишини аттабаңыздар (*мн.ч., 2 л., вежл.) / *Кишини аттабасын* (ед.ч., 3 л. "Пусть не перешагивает людей") / *Кишини атташпасын (*мн.ч., 3 л.*)* и др. Видим, что **запрет выражается многовариантно**. Суть разных трасформ одинакова: выражается табу на перешагивание любого лежащего человека (ребенка, старика, больного и т.д.), требуется соблюдение правил уважения к человеку, почитание его достоинств как человека. Незнание этого правила считается признаком невоспитанности, пренебрежительного отношения к традиционным нормам поведения, проявление тупости и "варварства". Прав А.С.Акматалиев, упоминая обычные в таких ситуациях этикетные выражения: *Башыңызды өйдө көтөрүңүзчү, өтүп кетейин / Приподнимите, пожалуйста, голову, пройду, Бутуңузду тартыңызчы, өтүп кетейин Уберите-ка, пожалуйста, ноги, чтобы мне пройти* и т.д. [7, с. 328].

В целом ряде когнитивно-лингвистических исследований пропозицию называют когнитемой (Е.В.Иванова, Л.И.Дрофа, К.З.Зулпукаров, А.А.Абдулатов, С.С.Сейитбекова, А.А.Калмурзаева, А.А.Жусупова, С.М.Амиралиев, Д.Т.Айылчиева и др.) [3, с.39-40; 71, с.7-12; 70, с.48-56; 6, с.447-564; 53, с.565-685; 59, с. 41-43; 13, с.17-18; 84, с.15-18 и др.]. Когнитема - это второе название пропозиции и относится к микроконцептам. Много в языке когнитем-запретов, связанных с похоронами: *Маркумду жамандабайт* / "О покойнике плохо не отзываются"; "*Бейитте күлбөйт* "На могиле не смеются"; *Мүрзөдө катуу сүйлөбөйт* "На кладбище громко не говорят" и др., которые допускают варьирование и трансформирование.

Таким образом, концепт имеет целый ряд разновидностей и конструктивных типов, которые в совокупности образуют ключевую категорию лингвистического антропоцентризма.

3.2. О составе номинантов концепта «Традиция» и их взаимосвязи

Как известно, концепт есть единица сознания. Он существует в уме человека как ментальное образование. Концепт занимает определенное место в сети памяти, связан с другими концептами. Эти связи полиаспектны и многообразны. Данный концепт непосредственно связан с ближайщими концептами, далее - с другими. Поэтому можно особо выделить ядерный номинант, разграничивая далее второстепенные, третьестепенные и прочие номинанты, которые вместе репрезентируют концепт в полном объеме.

Почему мы выбрали слово *традиция* как ключевой репрезентант одноименного концепта? А ведь существует немало других наименований, синонимичных с ним и не уступающих ему по употребительности.

Приведем основания этого выбора.

Хорошо известно, что слово *традиция* для кыргызского традиционного менталитета является новым. Кыргызы, жившие до XX века, не знали соответствующего названия-понятия. В их языковом сознании имели место слова-понятия *салт* «обычай, традиция, повадка», *адат* «традиция, обычай, обыкновение, привычка», *жөрөлгө* “обычай, традиция, обыкновение, установление, правило*”, ырым-жырым «*обряд, ритуал», *салт-санаа* «традиция, обычай, обыкновение» и другие, которые именуют различные проявления концепта «традиция», переведя их в языковые знаки, и именуют прямые соответствия в русском языке, образующие целую группу синонимов с общим и близкими значениями: *традиция, обычай, обыкновение* и т.д.

Из этого множества семантически почти тождественных экспонентов концепта «Традиция» мы выбрали слово *традиция* потому, что оно, во-первых, является интернациональным и распространенным, употребляемым почти во многих языках Европы, Америки и Средней Азии; во-вторых, имеет нейтральное лексическое значение, не подвергаемое влиянию различных коннотаций - эмоционально-экспрессивных, субъективно-оценочных, разговорно-бытовых, просторечно-вульгарных и прочих; в-четвертых,

оформлено в двух языках одинаково в виде одного знака и, в-пятых, закреплено в научном стиле речи, обладает общим, устойчивым научно-понятийным содержанием.

Номинанты концепта образуют когнитивно-языковую парадигму - совокупность ментально-лексических наименований, характеризующихся общим функционально-семантическим полем и отличительными частными свойствами. Общее ФСП объединяет их в пределах концепта «Традиция», имея тождественные семы типа «установленное», «общепринятое», «привычное», «всем (или многим) известное», «соблюдаемое», «обязательное», «стереотипное», «иногда (или местами) варьируемое» и др., а частые свойства характерны каждому из этих номинантов или их отдельным группам. Например, слово *традиция* имеет признаки «нерусское (по происхождению)», «латинское», «литературно-книжное», «употребляемое в научном стиле», «преемственное», «передаваемое», «денотативно-нейтральное», «без коннотации» и др., которые не свойственны номинанту *неписаный закон* (жазылбаган закон/мыйзам). Последнее выделяется среди других признаками «идиоматичное», «провербиальное», «коннотативное», «метафоричное», «двучленное», «синтагматичное», «калькированное» (для кыргызского) и пр., которые не отмечены в структуре семантики предыдущего репрезентатива. А в семантике слова *обычай* выделяются дифференциальные семы «неизменное», «постоянное», «повсеместно распространенное», «нейтральное» и др.

В лексикографических изданиях (СРЯ, ССРЛЯ, КРС и т.д.) определен следующий состав синонимов: 1) *традиция, обычай, ритуал, обыкновение, нрав, сбычай (*уст.) для русского языка и *2) адат, салт, салт-санаа, жөрөлгө, ырым-жырым* для кыргызского языка.

Теперь попробуем соотнести русско-кыргызские синонимичные номинанты концепта “Традиция” с точки зрения переводимости, смысловой тождественности и дифференцированности.

Значение главного номинанта изучаемого концепта определяется обычно с помощью его синонима - “установившийся в быту обычай” [169, т.15, с.793].

Сравним: *Все население Алешина холма вышло на вершину встречать стадо. Эта встреча была накрепко установившейся* ***традицией*** *Алешина холма (*Николаева жатва*).*- Алеша адырынын бүт жашоочулары малдарын тосуп алуу үчүн дөңсөөгө жыйналышты. Мындай тосуу Алеша адырынын туруктуу сакталган **салты** эле. Кыргызское *салты* точно передает значение русского *традиция.* Его можно без ущерба заменить другим словом *адат* или даже интернационализмом *традиция*. Что касается эквивалентности *накрепко установившаяся традиция - туруктуу сакталган салт,* то скажем: перевод носит скорее смысловой характер. Обратно переведя кыргызскую синтагму на русский, мы имеем словосочетание *устойчиво соблюдаемый обычай, постоянно сохраняемый обычай.* Сами семантически идентифицируемые выражения *накрепко установившаяся традиция - туруктуу сакталган салт* с точки зрения лингвоконцептологии имеют ядро, ближнюю и дальнюю периферии, поскольку определяемый субстантив является номинантом концепта, ближайшее причастное определение имеет непосредственное смысловое отношение к концепту и его номинанту, поскольку семантика слова *традиция,* согласно данным толковых словарей, включает в свою структуру сему “установившийся”. Иначе говоря, значения определяемого и определения соотносительны и взаимно предполагают друг друга, допуская еле заметный смысловой плеоназм. А адвербиальный компонент словосочетания, представленный словами *накрепко* и *туруктуу* в двух языках, свободно входя в позицию сочетательного потенциала словосочетания “причастие + существительное”, не противореча его когнитивно-семантическому и синтаксическому содержанию и даже усиливая его, составляет дальнюю периферию синтагмы. Все это позволяет заключить, что номинантом концепта “Традиция” в рассматриваемом приложении выступает не только одноименное существительное, но и его ближайшее окружение. Ключевое слово концепта притягивает к себе и другие наименования, содержащиеся в приведенном фрагменте текста: *встреча, встречать стадо, население Алешкина холма* и др.

и находящиеся на крайней периферии текста и легко переходимые в других контекстах в состав экспонентов других концептов (“Встреча”, “Стадо” и т.д.).

Примерно в аналогичном контексте употреблена форма множественного числа слова *традиция* в следующем примере: *Но “Скала”- театр рутинный, с прочно, раз и навсегда установившимися* ***традициями*** (Дорошевич, Мефистофель). - Бирок “Скала (Аска)” - бышык, дайыма сакталчу *салттары* бар эскичил театр. И здесь мы имеем дело с предложением с концептуальным центром: *традиции - салттары.* Непосредственно с этим центром связано определение *установившиеся- сакталчу*. Концептуальное значение поддерживается другими словами и их семантикой: *рутинный - эскичил, прочно - бышык, раз и навсегда – дайыма* (перевод в данном случае компенсирует смысл фразеологизма). Но последние три лексемы связаны с концептуальным центром высказывания опосредованно: прилагательное *рутинный* связано с экспонентом концепта через определяемое существительное-сказуемое и является определением предиката, однородным с развернутым определением в творительном падеже с предлогом *с*, а наречие *прочно* и *раз и навсегда* – через причастие *установившиеся.* В кыргызском тексте главным носителем изучаемого концепта выступает слово *салттары,* второстепенным - причастие *сакталчу* (где аффикс *-чу* передает значение длительности, повторяемости и привычности), третьестепенными - прилагательное *эскичил* “рутинный, консервативный”, *бышык* “прочно, крепко”, *дайыма,* “всегда, постоянно”. В словесных знаках двух языков мы находим когнитивно-семантическое сходство.

Однако сказанное не означает, что мы отождествляем концептуальный центр с синтаксическим центром. Мы совершенно далеки от подобного утверждения. Мы говорим о возможности двоякого подхода к изучению функционально-семантического и когнитивно-коммуникативного строения предложения. В синтаксическом плане центром предложения является модель “подлежащее+ сказуемое”. В качестве подлежащего употреблено собственное имя существительное - название театра (*“Скала”*), в качестве сказуемого -

название учреждения сценического искусства (*театр*), т.е. *“Скала” – театр*. Подлежащее - нераспространенное, простое. Его семантика основана на переносе. Сказуемое - распространенное, имеет развернутый состав. Оно распространено определениями - согласованным (*рутинный*) и несогласованным (*с традициями*). Несогласованное определение иерархично и имеет свой центр (с *традициями*) и подчиняющееся этому центру согласованное определение (*установившимися*) с зависимым обстоятельством меры и степени (*прочно*) и времени (*раз и навсегда*). То же самое можем сказать о строении кыргызской фразы в целом - о центральности значения слова *салттар,* второстепенности функций слова *сакталчу* и третьестепенности функции прилагательного *эскичил* и наречных лексем *бышык* и *дайыма.*

В связи с данным примером отметим еще два момента. В составе развернутого кыргызского предиката имеется микропредложение *салттары бар - традиции имеются, традиции есть,* которое в потенциале содержит способность быть отдельным предложением, спрягаться (*салттарыбыз бар,* “имеются у нас обычаи”, *салттарыңар бар* “есть у вас традиции”, *салттары бар эле “*были у них традиции” в прошедшем времени и др.) и склоняться (*салтыңар барда* “когда у вас есть традиции” в местном падеже, *салтыңар барынан “*из-за того, что у вас есть обычаи*”* в исходном падеже и под.).

О предложенческом характере падежных синтагм писали многие тюркологи (Е.И.Убрятова, А.П.Дульзон, С.Н.Абдуллаев, К.З.Зулпукаров, С.Ж.Мусаев и др.). Еще один момент. Слово *рутинный* неотделимо от парадигмы лексем, образующих номинанты концепта “Традиция”. Оно имеет значение “основанной на рутине, косный” и деривационно связано с лексемами *рутина* “консервативный порядок, рабское следование заведенному шаблону, боязнь перемен, нового”, *рутинист* (уст.) / *рутинер* “сторонник рутины, рутинерства”, “тот, который следует рутине, склонен к рутине”, *рутинистка* (уст.) / *рутинерка “*та (женщина), которая следует рутине, склонна к рутине, лишена чувств нового*”, рутинерский* “относящийся к рутине, рутинерству”, *рутинность* “свойство, относящееся к рутине; совокупность рутинных

порядков и норм” и др. Это видно из предложения: *Каждый урок словесности являлся светлым промежутком на тусклом фоне обязательной гимназической* **рутины** (Короленко. История моего современника). - Ар бир сүйлөө сабагы гимназиядагы милдеттүү **эскичилдиктин** күңүрт фонундагы жарык аралык болчу. Как видим, слово *рутина* в данном контексте выступает в качестве номинанта изучаемого концепта, не слишком удаляется от его центра и прямо участвует в выражении установленных в учебном заведении консервативных взглядов, порядков и норм поведения.

В следующей фразе слово *традиция* может быть легко заменено словами *правило, обычай, обыкновение: На самом деле Филька очень любит старую колонистскую* ***традицию,*** *по которой считается неприличным после того, как наложено наказание.., выпрашивать прощение (*Макаренко А.С. Флаги на башнях*).* - Жазалангандан кийин кечирим суроо адепсиздик деп эсептелчү колониядагы эски **салтты** чынында эле Филька өтө жактырат. А кыргызское слово *салт* тоже допускает замену словами *эреже, адат, жөрөлгө.* В данном случае, речь идет о взаимозаменяющихся лексических единицах языка, обладающих смысловой тождественностью и парадигматическим единством. Как члены одной парадигмы они имеют и общую черту - идентичность по значению и различия, проявляющиеся в дифференцированности означающих и стилистических оттенков, частотности употребления.

В следующем предложении, наоборот, слово *обыкновение* “разрешает” постановку вместо себя слов *традиция, обычай, правило:* [Вихорев] *Тятенька вас любит, он простит. Мы к нему сейчас приедем после свадьбы, знаете, по русскому* ***обыкновению****, ему в ноги* (А.Островский. Не в свои сани не садись). - Атакем сизди жактырат, ал кечирет. Биз азыр тойдон кийин ага келип, билесиз го, орус **салты** боюнча, анын бутуна чөгөлөйбүз. Русское предложение допускает варианты *по русскому обыкновению / обычаю /традиции/ правилу,* кыргызский его эквивалент - варианты *орус адаты /жөрөлгөсү/ эрежеси боюнча.* Ср. также. *Во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние* ***обыкновения*** (А.Пушкин. Арап Петра Великого) [169, т.8, с.576]. -

Алты жыл болбой мен буердин **салттарын** таптакыр унутуп калыпмын. Слово *обыкновение* употреблено во множественном числе и имеет в кыргызском языке соответствующий эквивалент. Оно открывает широкие возможности для замены другими синонимами.

Такая синонимия четырех лексем в двух языках позволяет сделать вывод о том, что к центру концепта «Традиция» тяготеет семантика еще нескольких слов и что все эти номинанты концепта содержат в себе значение «правила, порядки, принятые и укоренившиеся в быту какого-либо народа, в какой-либо социальной, этнической, профессиональной и т.п. среде».

Данный перечень синонимов может быть значительно увеличен за счет значений и употреблений других слов. Например, в этот круг можем вовлечь и слова *закон, устав, требование* и др., которые в отдельных случаях принимают значение «обычаи, правило общежития, общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным в том или ином обществе»: *Своя тут на побережье жизнь, свои* **обычаи, законы,** *свои* **уставы** (Серафимовия. На море) [169, т.4, с.544]. - Буерден жээк кыябанында өзүнчө тиричилик, өзүнчө **салттар,** өзүнчө **адаттар,** өзүнчө **талаптар** бар. Нам кажется, что три слова все связаны с общепринятыми, обязательно соблюдаемыми традициями, установлениями и правилами. Поэтому все они вместе пополняют вышеназванную группу синонимов в рамках номинантов концепта “Традиция”.

Существительное *правило* часто приобретает значение “норма поведения, принятый кем-либо образ мыслей, действий; обыкновение, привычка”. В этом случае одной своей стороной оно входит в семантическую среду концепта “Традиция”. *Анна Петровна, возьмите себе за* **правило:** *как только бьет шесть часов, вы должны идти в свои комнаты и не выходить до самого утра* (Чехов А. Иванов) - Анна Петровна, өзүңүзгө **адат** кылып алыңыз: саат алтыны какканда сиз өз бөлмөлөрүңүзгө кетип, так эрте мененге чейин чыкпастыгыңыз керек. Контекст допускает вставку вместо слова *адат* слово *эреже.* Слово *салт* подходит с натяжкой, поскольку оно связано с общественно значимыми нормами поведения в преемственных связях.

В словарях русского языка иногда приводятся устаревшие и диалектные номинанты концепта: *свычай, свычай и обычай, свычай-обычай* [169, т. 13, с. 452]*: Домнушка знала* **свычаи** *Груздева хорошо, и самовар скоро появился в сарайной* (Мамин-Сибиряк. Три конца). - Домнушка Груздевдин **адатын** билчү, ошондуктан самоор тез эле сарайга келтирилди. В данных предложениях примеры *свычаи / адат* (мн.ч./ ед.ч.) передают значения “привычка, обычай”. Другой пример: *Хоть велик был Карп Алексеич, хоть велики стали достатки его, но не хватало ему по деревенскому* **свычаю-обычаю** *настоящей силы - важности* (Печерский. В лесах). - Карп Алексеич күчтүү болгонуна карабай, анын мүлкү көбөйгөнүнө карабай, анда кыштак **салтына** ылайык чыныгы күч, дымак жетишпей жатты. В данном случае речь идет не о привычках отдельного человека, как в предыдущем примере, а о общепринятых представлениях и правилах жителей деревни, что предлагает использование слова *салт,* а не *адат.*

Теперь приведем пример со словом *нрав* в значении “обычай, уклад общественной жизни”: *Это заставило меня размышлять о простоте казачьих* ***нравов*** (А.Пушкин. Путешествие в Арзрум). - Бул (окуя) мени казак-орус **салттарынын** жөнөкөйлүгү тууралуу ойлонууга мажбурлады. Видим, что оно тоже в той или иной степени связано с концептом “Традиция”. Но, в отличие от его основного номинанта, являющегося книжно-литературным, слово *нравы* носит просторечный характер.

К данной группе номинантов изучаемого концепта тяготеет и другое русское просторечное слово *заведение,* одно из малопродуктивных значений которого выражает сему “обычай, обыкновение”: *Берут взятки, ну, значит, такое* **заведение,** *так исстари пошло, ни у кого об этом и сумления нет* (А. Островский. Пучина) [169, т. 4, с. 279]. - Пара алышат, а демек ушундай **салт,** илгертен ушинтип келген, буга эч ким таң калбайт. Как видно, в тексте ключевой носитель концепта - слово *заведение.* Оно может быть заменено словом *обычай,* кыргызское *салт* - словом *адат.*

Со словом *традиция* выступает в синомическое отношение и другое слово *порядок / тартип* в одном из своих значений: *По старинному* ***порядку*** *выдали ее замуж в пятнадцать лет* (Л.Толстой. Идиллия). - *Эски* ***салт*** *боюнча аны он бешинде эрге беришкен.* Русское предложение допускает вставку слов *традиция, обычай, обыкновение,* кыргызское - *адат, тартип,* что позволяет нам еще шире смотреть на состав синонимической парадигмы. Все предложение, как нам кажется, выступает носителем рассматриваемого концепта: в нем ядерный смысл передается словом *порядок / традиция / обычай,* второстепенную функцию выполняет адъективная лексема *старинный*, третьестепенную - остальная часть фразы: *выдали ее замуж в пятнадцать лет.* Иначе говоря, разные части предложения соотносятся с концептом “Традиция” в разной степени: одна часть - непосредственно, другая - опосредственно (через главный носитель смысла), третья - всем своим содержанием и дополнительно. С точки зрения теории предложения коммуникативным центром высказывания является обобщенно-личное сказуемое, которому подчиняются все прочие члены предложения.

В лексикографических источниках приводятся и другие лексические репрезентанты понятия “Традиция” (см., например ССРЯ З.Е.Александровой), значения которых определяются с помощью сем “обычай, обыкновение, порядок, норма; установившиеся, передаваемое от поколения к поколению”. Например, слово *узус* имеет значение “то, что принято, что стало обычным: обычай, обыкновение” [169, т. 16, с. 420], «обычай, обыкновение» [168, 4, с. 477], от лат. *usus* - пользование, употребление, обычай; узус - общепринятое употребление языковой единицы [33, т. 26, с. 524].

Выше говорилось о том, что прилагательное *старинный* тоже является экспонентом концепта «Традиция», но не главным, второстепенным, опосредованным. А существительное, от которого оно образовано, иногда выполняет функцию репрезентанта понятия «Традиция», имея суффикс *-к* в своей структуре: *живет по старинке / по старым обычаям / по старой традиции* - эскиче / эски салт боюнча / эски адат боюнча жашайт; *Спасибо*

царице Прасковье, в последнее время она мне помогает, хоть и трудно ей ***старину*** *ломать, все-таки завела для дочерей новые* **порядки (**А.Н.Толстой. Петр 1) [169, т. 14, с. 747]. - Прасковья ханышага ырахмат, акыркы убакта ал мага жардамдашып жатат. Ага **эскичиликти / эски салтты / эски адатты / эски каада-салтты** бузуу кыйын болгону менен, кыздар үчүн жаңы **тартипти** орното алды. Если слово *старина* употребляется в литературном языке, то его производное *по старинке* в разговорном стиле речи имело значение "по обычаям и вкусам старого времени". Ср. у писателя Саянова: *Мы* ***по старинке*** *живем, у нас девушки по хозяйству заняты* [169, т. 14, с. 747]. - *Биз* **эскиче / эски салт менен / эски адат менен** жашайбыз, кыздар бизде чарба менен алек.

В ряде случаев мы встречаем употребление и существительного *порядок* в сфере семантики концепта «Традиция», приобретая значение «образ жизни, уклад; распорядок / обычай, обыкновение»: *У нас в степи такой* ***порядок****: кому ездить на коне, тому и обучать его, тому и садиться на него первому* (А.Кожевников. Живая вода) [168, т. III, с. 310] - Биздин талаада мындай **тартип / адат /салт** бар: ким атты мине турган болсо, ошол аны үйрөтөт, ошол ага биринчи минет. На наш взгляд, элементы семантики "Традиция" присутствуют в употреблении идиомы *в порядке вещей* в значении "нормально, обычно". К семантике *порядок* примыкает и одно из значений употребительного слова *право* "обычаи, существующие в той или иной среде, в том или ином типе общества: "**Право** *сильного царило в этих стенах в полном объеме* (Мамин-Сибиряк. Новичок). - Бул дубалдардын ичинде күчтүүнүн **жорук-жосуну** толук өкүм сүрүп турчу. *Жорук-жосун* имеет значение "совокупность обычаев и установлений" [209, с. 262-263] и допускает замену словом *укук* «право».

Конечно, один из ключевых кыргызских номинантов концепта «Традиция» *адат* имел в русском языке эквивалент в виде слова *привычка,* одно из значений которого является «привычный образ действий; обычай, обыкновение», служит основанием для включения в парадигму экспонентов концепта и это слово. Ср.: [Тема] *стал и сам косить, сначала шире, а потом*

уже не замечая, как глаза его сами собою вдруг скашивались. Матери стоило большого труда отучить его от этой **привычки (**Гарин-Михайловский. Детство Темы**) [**168, т. III, с. 398**]. - (**Тема**)** өзү да кыйшык боло баштады, мурда тамашалап, кийин болсо көздөрү өздөрүнчө эле капыстан кыйшайгандыгын байкабай эле . Апасына бул **адатты** таштатуу чоң түйшүккө турду. Отрицательная привычка в кыргызском языке имеет и специальное наименование: слово *өнөкөт* подходит к данному контексту в одинаковой степени, потому что оно является гипонимом по отношению к гипероним у. Ср. смысл “привычка” включает в себя два компонента: “отрицательная привычка” и “положительная привычка”. Негативность привычки в русском предложении представлена описательно. Значение “адат” тоже двучленно: есть “терс адат” и есть “оң адат”, т.е. негативная привычка и отрицательная привычка. Отрицательная привычка имеет собственное наименование, а позитивная его не имеет. В данном примере кыргызский контекст допускает употребление части вместо целого, т.е. гипонима *өнөкөт* вместо гиперонима *адат.* Слово *өнөкөт* “негативная привычка” точно подходит к контексту, но создает плеоназм, поскольку в первой части текста описываются причины проявления отрицательных физиологических изменений в движении зрительного органа.

К сфере семантики концепта “Традиция”, по-видимому, может быть отнесено и одно из значений лексемы *вкус* “мода, обычай, условный обычай”. Ср. просторечное выражение *быть во вкусе* “иметься в обычае, быть принятым” в предложении: *А барин-то, я вижу, у вас был строг?- начал я после небольшого молчания. - Тогда это было* **во вкусе,** *батюшка, - вообразил старик, качнув головой* (Тургенев И. Мал. вода) [169, т. 2, с. 423]. - Кожоюнуңар көрүп жүрөм, катуу беле? - деп бир аз үндөбөй сөз баштадым.- Ал учурда бул **салт** эле, - деп абышка башын чайкап макул болбоду. Соответствие *во вкусе - салтта* входит в число многочисленных типовых эквивалентов русского предложного (с предлогами *в* и *на*) и кыргызского местного падежей: *в городе - шаарда, на улице - көчөдө* и др.

К концепту «Традиция» относятся и значения слова *завет / осуят,* употребляемого в литературном и публицистическом стилях языка. В его семантике доминируют семы «традиционно передаваемое», «установленное с давнего времени», «передаваемое потомкам», «вошедшее в традицию» и другие. Ср.: *заветы манаса* - *Манастын осуяттары, выполнять заветы Ильича* - *Ильичтин осуяттарын аткаруу* и др. Ср. примеры: *Алексей Максимович был великим русским классиком. Он действительно хранил* ***заветы*** *большой русской литературы* (А.Толстой. По такому образцу должны формироваться люди) [168, т. 1, с. 501]. - Алексей Максимович орустун улуу классиги эле. Ал орустун чоң адабиятынын **салтын/ традициясын** чыныгында сактоочу. В этом контексте слова *заветы* и *традиции* выступают как синонимы и приобретают значение «передаваемое последователям и потомкам наказы, наставления и завещания». Слово *завет* имеет значение «то, что вошло в традицию; то, что установилось с давнего времени» в предложении: [Хоритонов] *Помните наш старый моряцкий* **завет:** *все за* одного - один за всех **(**Лавренев. За тех, кто в море).- “Баары бирөө үчүн - бирөө баары үчүн” - деген биздин моряктардын эски **осуятын / эрежесин / салтын** эстеңизчи.

Конечно, слово *завет / осуят* характерно для высокого стиля речи. Его часто используют в риторических выступлениях, в докладах, посвященных памяти выдающихся личностей, на торжественных собраниях, в речах теологов о пророках и т.д. Оно не встречается в разговорной речи, в просторечии.

В семантическую парадигму номинантов концепта «Традиция» входит значение разговорного слова *норов* «обычай, общераспространенные привычки». Ср.: *Что ни город, то, говорят люди, норов, что ни деревня, то* **обычай** (Короленко. Река играет) [169, т. 7, с. 1401]. - Элде айтат: ар шаардын өз **салты** бар, ар кыштактын өз **адаты** бар / Эл айткандай, шаар болбосун, **салты** бар, кыштак болбосун, **адаты** бар. Второй вариант с отрицанием ближе к оригиналу. Но оформлен слабее с точки зрения синтаксической нормы языка. Первый вариант имеет четкое смыслово-синтаксическое строение, но не имеет отрицания. С учетом того, что *норов* и *обычай* в контексте пословичного текста

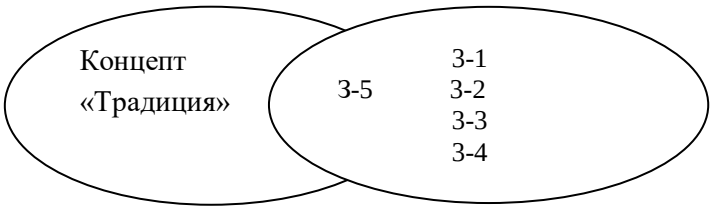
выступают как синонимы, мы могли бы перевести его и следующим образом: *Ар шаардын өз адаты бар, ар кыштактын өз салты бар,* поменяв местами кыргызские эквиваленты русских слов *норов* и *обычай.*

В СРЯ [168, т.2, с.509] смысл данной пословицы понимается по-другому, а значение слова определяется как «нрав, характер». В качестве иллюстрации приводится и другой пример: *Ты* **норовом** *крут, Никита Романыч, да и я крепко держусь своей мысли* (А.Толстой. Князь Серебряный). - Сенин, Никита Романыч, **мүнөзүң** катаал, мен дагы өз оюмду бекем кармаймын. Оборот типа *крутой нравом, мягкий душой* типичны для русского синтаксиса и переводятся в виде предикативных сочетаний *мүнөзү катаал, көңүлү жумшак,* состоящих из подлежащего и сказуемого: *мүнөзү* (подлежащее, "характер")+ *катаал* (сказуемое, "крутой"), *көңүлү* (подлежащее, "его душа")+*жумшак* (сказуемое, "мягкий"). Русский творительный преобразуется в именительный, дополнение - в подлежащее, подлежащее - в определение: *Ты крут характером - Сенин мүнөзүң катаал; Она мягче душой. - Анын көңүлү жумшагыраак.* Подлежащее *ты* и *она* в кыргызском языке имеют эквиваленты в родительном падеже (*сенин* "твой", *анын* "ее") в функции определения. А русские дополнения преобразуются в подлежащее.

В первом понимании слово *норов* относится к сфере номинантов анализируемого концепта, во втором понимании удаляется от него и, вероятно, входит в состав репрезентативов концепта "характер".

Слово *завод* (от глагола *завести-заводить*) многозначно. Пятое его значение, по данным ССРЛЯ [т. 4, с. 309], относится к сфере концепта «Традиция» и определяется как «обычай, обыкновение». Ср.: *Вахмистра за усы у нас в полку не положено хватать… Может быть, у гвардейских гусар так водится, а у нас, ахтырцев, этого* ***в заводе*** *нет.* (Никулин. России верные сыны). - Вахмистрдин мурутуна асылуу биздин полкто мүмкүн эмес... Гвардиялык гусарларда ушундай болор, бу биздин, ахтырчылардын, **салтыбызда** жок. Русское *завод* просторечное, поэтому допускает замену словом *обычай (этого у нас нет в обычае),* а синоним *традиция* стилистически

не подходит. Кыргызский перевод “разрешает” замену словом *адат (адатыбызда).* В СРЯ [т. 1, с. 504] приводится идиома *в заводе нет / и в заводе нет «*не заведено, нет и никогда не было», которую можно отнести к номинантам традиции. В этом случае только пятое идиоматичное значение слова *завод* может быть отнесено к семантике концепта «Традиция». А остальные значения остаются за пределами этой семантической сферы, что можно показать схематически следующим образом.



Как видим из таблицы, первые четыре значения слова находятся за пределами концепта “Традиция”, только пятое периферийное, второстепенное значение слова, обособляясь от остальных, проникает в семантическую область этого концепта.

В таблице приняты сокращения: З-1 “приведение в действие механизма чего-либо; приведение в движение”, З-2 “срок действия заведенного механизма”; З-3 “приспособление в механизме, служащее для приведения его в действие”; З-4 “часть тиража книги, отпечатанного с одного набора”. Эти значения слова *завод*, конечно, могут найти свое место в рамках функционально-семантических полей концепта “Действие” или “Движение”, но не сфере семантики концепта «Традиция».

Аналогичным образом можно было бы продемонстрировать семантическую корреляцию всех синонимов слова *традиция* в рамках одноименного концепта. Однако при таком подходе легко расширяется объем работы за счет схем и таблиц. Поэтому ограничимся показом этой корреляции в одной обобщающей таблице (см. табл. 2.1).

В таблице по вертикали помещены лексемы, выступающие в функции номинантов концепта “Традиция”, по горизонтали - признаки, определяющие специфику каждой из лексем по номинированию составляющих содержания концепта.

Признаки номинантов даны в обобщенном и “усредненном” (среднем) роде: 1) общепринятое, социально-закрепленное; 2) устоявшееся (укоренившееся), устойчивое; 3) общеизвестное; 4) соблюдаемое, обязательное; 5) привычное, обычное; 6) этнокультурное; 7) поведенческое; 8) литературно-нормированное; 9) разговорно-бытовое; 10) просторечное; 11) передаваемое, преемственное; 12) вырабатываемое, приобретаемое, усваиваемое. Правда, эти признаки неоднородны, не в одинаковой степени соотносятся друг с другом и с сущностью концепта. Некоторые из них связаны со сферой языкового функционирования (8-10), другие отражают устойчивость и преемственность концепта (2-11), третьи - распространенность (3-6) и длительность бытования (5) и т.д. Все вместе способствуют всестороннему выявлению комплекса свойств слов, номинующих данный концепт.

Таблица 2.1.

Сема / Лекция	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Традиция	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+
Обычай	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+
Обыкновение	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+
Правило	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+
Свычай	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+

Нрав	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+
Норов	+	+	-	-	+	-	+	-	+	+	+	+
Порядок	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+
Привычка	-	+	-	-	+	-	+	+	+	-	+	+
Вкус	-	+	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+
Завет	-	+	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+
Заведение	-	+	-	-	-	-	+	-	+	+	-	+
Завод	-	+	-	-	-	-	+	-	+	+	-	+

Рассмотренные выше лексемы с позиции концепта “Традиция” являются только частью общего синонимического ряда, составляющего перечень его номинантов.

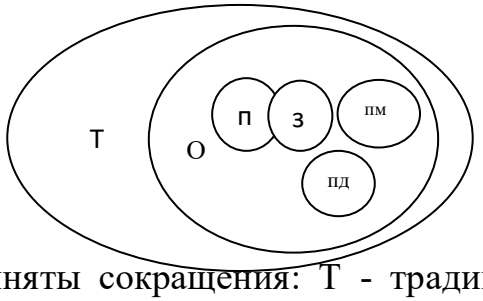
Семы традиционности, общепринятости, преемственности и упорядоченности присутствуют и в семантике слов *обряд, ритуал, церемония, уклад, норма, устои, устав.* Многие из них в словарях толкуются как укоренившийся порядок каких-то действий, приводимых в определенной последовательности и в рамках общепринятого плана.

Например, слово *обряд* имеет несколько значений. В качестве первого из них называются семы “порядок, по которому совершается действие”, “действия, связанные с выполнением каких-нибудь предписаний (преимущественно религиозных)” [169, т. 8, с. 427]. В этом значении ему соответствуют кыргызские лексемы *ырым-жырым, жөрөлгө, шаан-шөкөт*.

Более всего стали соблюдаться посты, поминки, заговенья и тому подобные ***обряды****, соблюдаемые святым мещанством* (Решетников. Свой хлеб), В предложении несколько национально-культурных обозначений, требующих предварительного пояснения к переводу и отсутствующих в кыргызской лингвокультуре*: пост* - предписываемое церковными правилами воздержание от скромной пищи, а также период такого воздержания; его переводим словом *тамакка чектөө* “ограничение в пище, в пищевых

продуктах” (в отличие от **тамактанууга чектөө** “ураза”); *поминки* - обрядовое угощение в память умершего, *заговень*е - последний день, в который разрешается есть мясо, молоко и т.д. перед постом, соблюдаемым верующими. Все эти обряды связаны с традицией через промежуточное понятие *обряд* и являются ее элементами, элементами русской лингвоэтнокультуры. Иначе говоря, обряд есть элемент традиции этноса, пост, заговенье и поминки суть элемента обряда. В предложении есть еще одно слово с этнокультурным словом. *Мещанство* - это слово, обозначающее сословие в досоветской России, состоящее из мелких городских торговцев, ремесленников, низших служащих и т.д. со своими установками и правилами в быту. Это говорит о том, что анализируемое предложение лингвокультурно насыщено и требует особого отношения и внимательного перевода. Мы предлагаем такой перевод: *Баарынан да ыйык мещандар сактоочу тамакка чектөө* (пост), *кара аш* (поминки), *арапа* (заговенье) жана ушуга окшогон *ырым-жырымдар* сактала баштады. Кыргызское *кара аш* тоже обозначает ритуальное угощение в честь умершего, *арапа* - последний день до начала мусульманского поста. В кыргызском дискурсе на православную тему характерно употребление слов *пост*, *поминки* без перевода**,** а слово *заговенье* носителям этого языка почти неизвестно. Кыргызский язык допускает замену слова *ырым-жырым* словом *жөрөлгө*. Соотношение различных наименований в пределах концепта «Традиция» можно представить в виде схемы (2.1.1)

Схема 2.1.1.



В схеме приняты сокращения: Т - традиция, О - обряд, П - пост, З - заговенье, ПМ - поминки, ПД - подобные. Понятия поста и заговенья взаимосвязаны, частично пересекаются, отдельно расположено название *поминки*. ПД обобщает и все другие виды обряда. Все они входят в понятие *обряд,* который является элементом традиции.

В концептуальном содержании предложения центральное место занимает понятие обряда, состоящее из четырех компонентов - трех конкретных и одного обобщающего, суммирующего не названные компоненты обряда, которые и, по-видимому, образуют ближайшую периферию концептуальной структуры фразы. Логический субъект фразы – *мещанство*, соблюдающее все необходимые обряды, его эпитет *святое,* причастие *соблюдаемые*, инфинитив *соблюдаться* - все имеют отношение к рассматриваемому концепту, но в третьих ролях. А остальные слова участвуют в выражении общего коммуникативного задания и передаче необходимой информации, не имея прямого отношения к концептуальному содержанию фразы.

Приведем и проанализируем еще два примера.

1. *Все гости совершали* ***обряд*** *приветствия никому неизвестной, никому неинтересной и ненужной тетушке (*Л.Толстой. Война и мир*).* - Бардык коноктор эч кимге белгисиз, эч кимге кызык да, керек да эмес эжекеге саламдашуу **шаан-шөкөтүн** аткарышты. В данном контексте не предполагается употребление слов *ырым-жырым (*связанного с верой и поверьем) и *жөрөлгө (*связанного с национальными профессиональными и другими обычаями) Слово *шаан-шөкөт* лучше передает условно-формальный характер совершаемого ритуального действия.

2. *Она* [бабушка] *говорит языком преданий….и весь наружный* ***обряд*** *жизни отправляется у ней по затверженным правилам* (Гончаров. Обрыв) [169, т. 8, с. 427] - Ал уламыштардын сөзү менен сүйлөйт... Жашоонун бүт сырткы ***шаан-шөкөтү*** анын өзгөрүлбөс эрежелери менен түшүндүрүлөт. И здесь слово *шаан-шөкөт* наилучшим образом передает смысл слова *обряд*, поскольку речь идет о внешней стороне жизненных порядков: слова *шаан / шаани* *“*красота*”* и *шөкөт* “форма, внешность”, соединяясь между собой, образуют сложное слово *шаан-шөкөт* *“*пышность, великолепие, помпа; пышный обряд, помпезный ритуал*”.* Этим и объясняется употребление данного слова в предыдущем переводе.

К слову *обряд* ближе других стоит термин *ритуал,* который имеет значения 1) “совокупность обрядов, сопровождающих какой-либо религиозный акт и составляющих его внешнее оформление”; 2) “церемониал, выработанный обычаем, торжественно обставленный порядок совершения чего-либо” [168, т. III, с. 719-720].

[Полищуки] *начали ходить в костел…. Там музыка, благовейная тишина, торжественность богослужения, великолепный* **ритуал (**Куприн. Запечатанные младенцы**). - [**Полищуктар**]** костелго бара башташты….. Анда музыка, сырдуу жымжырттык, кудайга табынуунун салтанаттуулугу, кооз **шаан-шөкөт**.

Необходимо, чтобы знамя было обставлено специальным ***ритуалом*** *почета* (Макаренко. Методика организации воспитательного процесса). - Тууну ардактоонун атайын *шаан-шөкөтү* менен коштоо зарыл.

Как видим, слово *шаан-шөкөт* в наибольшей степени передает оба значения русского существительного *ритуал.*

В пределах средств выражения семантики концепта “Традиция” можно произвести сопоставление значений русских слов *норма* и *правило* с их кыргызскими соответствиями. Оба эти слова переводятся словом *эреже.* Первое из них нередко используется без перевода или допускает вариативное употребление (*норма / эреже*). Ср.*: нравственные правила - адеп эрежелери / нравалык эрежелер, правила гостеприимства - коноктоо эрежелери / конок күтүү эрежелери; нормы поведения - жүрүм-турум нормалары / эрежелери* и т.д.

Слово *правило* имеет несколько значений, которые в разной степени соотносятся с концептом “Традиция”.

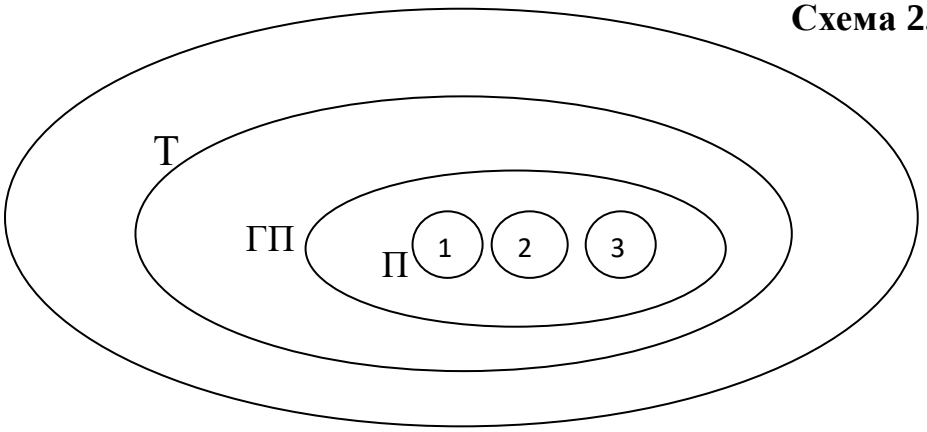
1. Положение, выражающее определенную закономерность, постоянное соотношение каких-либо явлений. Например: - *Разве позволительно - частный, так сказать, факт возводить в обычный* **закон**, *в непреложное* **правило**? (И.Тургенев. Дворянское гнездо). - Жекече фактыны, айталы, жалпы **законго**, милдеттүү **эрежеге** көтөрүүгө мүмкүнбү? Обладая признаками “всеобщее”,

“установленное”, “общепринятое”, “обязательное” и др., слова *закон* и *правило* относятся к номенклатуре экспонентов анализируемого концепта.

2. Положение, установка, принцип, служащие руководством в чем-либо: *Осип Иваныч тоже встал с дивана и по всем* **правилам** *гостеприимства взял мою руку и обеими руками крепко сжал ее* (Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи) - Осип Иваныч да дивандан туруп, конок күтүүнүн бардык **эрежелерине** ылайык менин колумду алып, кош колдоп кысып койду.

Здесь к номинантам концепта “Традиция” относятся слова *правила* (мн.ч.) и *гостеприимство*. Значение слова *гостеприимство* в предложении включает в себя семы: “вставание с места” (*встал с дивана),* “взятие руки гостя в свою” (*взял мою руку*) и “сжатие руки двумя руками в знак особого внимания” (*обеими руками крепко сжал*). На этом основании мы считаем, что сосредоточивать внимание только на одном слове как концептоносителе нельзя. Такое понимание концептоносителя приводит к одностороннему определению концепта и его семантического содержания. Схематически отношение составляющих фразы к изучаемому концепту можно представить следующим образом (схема 2.1.2).

Схема 2.1.2.



В таблице Т - традиция, ГП - гостеприимство, П – правила, 1 - первая сема, 2 - вторая сема, 3 - третья сема. Три семы - три элемента правила. Правила и их соблюдение - часть понятия гостеприимства, только одна сторона. Оно имеет свой смысл, свое содержание, свой сценарий. Кроме правил, у гостеприимства есть и другие составляющие (цель, причины приглашения гостей, состав

гостей, прием гостей и т.д.). Гостеприимство - одна из составляющих многообразных обычаев и традиций этносов.

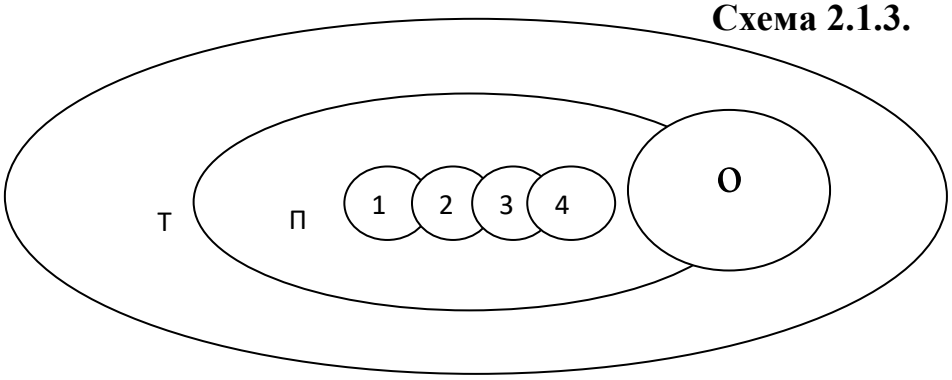
3. Собрание, свод каких-либо положений, установок, определяющих порядок чего-либо: **Правила** *внутреннего распорядка - ички тартиптин эрежелери, соблюдайте* **правила** *дорожного движения - жол жүрүү эрежелерин сактагыла*, где мы находим эквивалентность семантики лексем двух языков во множественном числе*: правила - эрежелер.* В кыргызских примерах по требованию категории личной посессивности к основе присоединяется лично-притяжательный аффикс 3-лица *-и.* Последнее значение слова *правило* частично сохраняется и в идиоматических сочетаниях *как правило* “обычно”, *по всем правилам* “так, как принято, как полагается”.

4. Норма поведения, принятый кем-либо образ мыслей, действий; обыкновение, привычка. В этом случае слову *правило* соответствует *адат* в кыргызском языке: **[**Глумов] - *Жениться для того, чтобы взять деньги, это не в моих* **правилах**, - *это была бы торговая сделка, а не брак* (А.Островский. На всякого мудряка довольно простоты). - Акча алыш үчүн үйлөнүү - бул менин **адатымда** жок, бул үйлөнүү эмес, соода-сатык болуп калмак.

Последнее значение слова *правило* частично сохраняется и в идиоматических сочетаниях *как правило* “обычно”, *по всем правилам* “так, как принято, как полагается”.

Таким образом, слово *правило* имеет четыре разных, но взаимосвязанных значения: З-1, З-2, З-3, З-4. Последнее идентично с основным кругом значений лексем *обычай, обыкновение.* В пределах концепта «Традиция» соотношение этих значений можно представить в виде схемы (2.1.3).

Схема 2.1.3.



Здесь Т - традиция, П - правило (правила), О - обычай, П-1 - первая сема, П- 2 - вторая сема, П-3 - третья сема, П-4 - четвертая сема.

Четвертая сема слова *правило* проникает в сферу значений понятия «обычай».

Семы «правило», «положение», «установка», «принцип», «установление», «порядок», естественно, выработаны людьми, приняты обществом и служат для регулирования жизнедеятельности людей, входят в семантическую сферу многих номинантов концепта «Традиция». **На этом основании признаем за главным экспонентом данного концепта координирующую, объединяющую и организующую функцию.** В этом легко убедиться, сравнивая значения лексемы *норма* со значениями слов группы «Традиция».

Эта лексема выражает три основных значения:

1. Узаконенное установление: правовые нормы - укуктук нормалар / эрежелер; этические нормы - этикалык нормалар / эрежелер; а) обычный, общепринятый, обязательный порядок, состояние чего-либо: *нормы поведения - жүрүм-турум нормалары / эрежелери / нормы литературного языка - адабий тилдин нормалары / эрежелери;*б) образец, правило*: Он совершил единственную поездку из своей деревни до Москвы и эту поездку взял за* ***норму*** *всех вообще путешествий* (Гончаров. Обломов). - Өз кыштагынан Москвага бир жолу барып келип, бул кыдырууну бардык саякаттардын **үлгүсү / эрежеси** катары эсептеп калды.

2. Установленная мера, размер чего-либо*: норма полива - сугаруу нормасы / эрежеси, норма прибыли - киреше нормасы: Существовало множество всяких* ***норм*** *питания*: *были* ***нормы*** *обыкновенные,* ***нормы*** *повышенные*, **нормы** *для слабых и для сильных* (Макаренко А.С. Педагогическая поэма). - Тамактануунун түрдүүчө көп **нормалары** бар эле: демейдеги **нормалар**, жогорулатылган **нормалар**, начарлар үчүн жана күчтүүлөр үчүн **нормалар**. К данному пункту не допускается вариантность русской и кыргызской лексем в виде *нормалар / эрежелер.*

3 Сокращенное заглавие книги, даваемое мелким шрифтом на первой странице каждого печатного листа внизу с левой стороны (в полиграфии).

И последний пункт относится к сфере изучаемого концепта как общепринятое правило в полиграфии.

Эти примеры тоже позволяют нам шире определить сферу охвата концепта “Традиция”, включив в нее семы “образец”, “общепринятый порядок”, “обычное состояние чего-либо”, “установленная мера”, “установленный размер”, “узаконенное установление” в качестве составляющих его концептосферы. Подобные семы не характерны синонимам слова *традиция,* таким, как *обычай, обыкновение, свычай* и т.д.

К названной группе гипонимов концепта “Традиция” относится и лексема *устав*, которая выражает значения:

1. Свод правил, устанавливающий порядок исполнения или применения чего-либо: *работать по уставу – устав / жобо боюнча иштөө, сравнивать с уставом - устав менен салыштыруу.*

2. Свод правил, положений, определяющих построение и деятельность какой-либо организации, права и обязанности ее членов: *устав колхоза* (уст.) – *колхоздун уставы, устав университета - университеттин уставы.*

3. Правила поведения, нормы жизни: *Все, казавшиеся столь твердыми, привычки и* ***уставы*** *его жизни, вдруг оказались ложными и неприложимыми* (Л.Толстой. Анна Каренина). - Ага ушунчалык бекем көрүнгөн жашоонун адаттары менен **эрежелери** капыстан эле жалган жана жарагыс болуп чыкты.

4. Положение, принцип, служащие руководством в чем-либо; правило: *Судиться по правам - не тот у них нрав; Да сильные ж в правах бывают часто слепы. У них на это свой* **устав*:*** *Кто одолеет, тот и прав* (И.Крылов. Лев и Барс). - Укук боюнча соттошуу - алардын жоругу эмес; Күчтүүлөр да көбүнчө укуктарын билбейт. Буга алардын ким жеңсе, ал туура кылат деген өз **жобосу** бар.

5. Обычай (уст.): *И по русскому* **уставу** / *Баню жаркую гостям / Затопили мы на славу* (Вяземский. Современные заметки) [169, т. 16, с. 947]. - Орус **салты** боюнча конокторго ысык мончону жакшылап жактык.

Как видим, слово *устав* в русском языке выступает как полисемантическая лексема, объединяющая в пределах своих функций юридическую, канцелярскую, разговорно-бытовую и устаревшую семы. При переводе русских примеров на кыргызский мы столкнулись с некоторыми проблемами. В одном случае кыргызское языковое мышление допускает вариативность (**устав / жобо**), в другом не предлагает эквивалент (*устав*), в третьем - слово *эреже* “правило, норма”, в остальных случаях - только *жобо* *“*положение*”* или только *салт* “обычай, традиция”.

К сфере концепта “Традиция” одной своей стороной тяготеет, даже проникает в нее одно из значений лексемы *устой,* возникшее в результате метафоризации исходного значения. При переносе она приобретает смысл “основополагающие начала, нормы, основы чего-либо (жизни, морали, устремлений и т.д.)”.

Все смутно догадывались, что гарденинская жизнь выбита из колеи и что-то трещит, что-то распадается в ее вековечных **устоях** (Эртель. Гарденины) [169, т. 16, с. 973]. - Гарденинди жашоосу жолдон чыгып, бир нерсеси чачырап, бир нерсеси анын түбөлүктүү **эрежелеринде** ыдырап жатканын баары күүгүрт баамдап жатты. К данному контексту подходит значение слова *эреже “*норма, правило, основополагающее начало”.

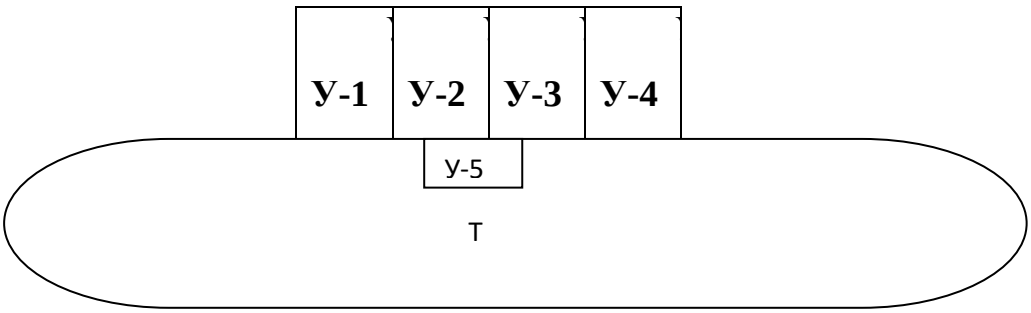
Ни в прошлом, ни в настоящем не оказывалось ни одного нравственного **устоя**, *за который можно удержаться* (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы). - Мурун да, азыр да кармана турган бир дагы нравалык **эреже** жок болуп жатты. И во втором примере мы устанавливаем семантическую идентичность русского слова *устой* и кыргызского *эреже.*

Данные примеры легко могут быть отнесены к семантической сфере концепта “Традиция”, что невозможно сказать о других значениях слова *устой:* 1. Опора, подпорка, на которой укреплено, держится что-либо; 2. Береговая

опора моста, а также промежуточная опора моста, бык; 3. Гидротехническое сооружение, соединяющее какие-либо части (водосбросную плотину с земляной дамбой, шлюз с берегом и т.п.); 4. Сгустившийся слой на поверхности устоявшейся жидкости (разг.). Ср.: *устой молока* “сливки*”* [168, т.4, с.525]. Эти значения невозможно отнести к сфере концепта «Традиция». А пятое значение, приведенное выше и сформулированное как «основополагающие начала, нормы, основы чего-либо (жизни, морали, целеустановок и т.д)», удалено от них и может быть связано с семантикой изучаемого концепта.

Корреляцию значений слова «*устой*» относительно концепта «Традиция» можно представить наглядно в виде схемы (схема 2.1.4.)

Схема 2.1.4.



В схеме приняты сокращения: Т - традиция, У - слово *устой,* 1 - первое значение, 2 - второе значение, 3 - третье значение, 4 – четвертое значение последнее находится на окраине сферы концепта Т.

Как видим, концепт “Традиция” имеет достаточно обширный класс субстантивных слов, номинирующих его ментально-семантическую сферу. Ясно, что этот состав существительных не является автономным, изолированным, а входит в текст в окружении глагольных, адъективных, адвербиальных и других типов лексем, которые тоже претендуют быть номинантами концепта “Традиция”.

Номинанты концепта даже в рамках одной фразы организуются иерархично, представляют разные ступени связи с концептом. Одни непосредственно именуют концепт, другие - его типичные черты, третьи конкретизируют и уточняют содержание концепта, располагаясь на дальней периферии предложения - концептоносителя.

Многозначные слова часто только одной или двумя сторонами своей семантики входят в семантическую сферу концепта.

3.3. Эпитеты к субстантивным номинантам концепта “Традиция”

В когнитивно-языковом содержании информации значительную функцию выполняют эпитеты. Эпитет усиливает ментально-языковой смысл носителя концепта, обогащает понятийно-аксиологическое содержание высказывания, придает речевому сообщению выразительность и образность, повышая эффективность порождения и восприятия речевых произведений. Мы не будем говорить о назначении, источниках и путях возникновения эпитетов, о теориях эпитетики и различиях в понимании сущности и типов эпитетов. Это, конечно, тема для специального рассмотрения.

Мы будем говорить только о типичных определителях основных экспонентов концепта “Традиция” - слов *традиция, обычай, обыкновение, привычка, норов* и т.д., которые традиционно выполняют функции определения к таким словам. Мы не обособляем выразительность или невыразительность, эмоциональность или сдержанность, экспрессивность или нейтральность изучаемых средств, рассматриваем все типичные, общеизвестные определения, которые поясняют, характеризуют, “описывают” те или иные образы, понятия или фреймы в пределах концепта “Традиция”.

Мы охарактеризуем эпитеты сначала общих наименований (*обычай, нрав* и т.д.), потом частных экспонентов концепта (*свадьба, поминки* и др.).

Слово *традиция* - наиболее общий, нейтральный номинант концепта, являющегося предметом нашего изучения. Оно имеет значение “исторически сложившаяся практика в какой-либо области общественной жизни, установившийся обычай; общепринятая норма, манера чего-либо”. Семантика слова предполагает деление его эпитетов на несколько разновидностей.

1. Эпитеты, подчеркивающие исконность, длительность традиции: *богатая* - бай, *великая* - улуу, *глубокая* – терең, *давняя* - эски, муруңку,

дедовская - ата-бабадан калган, *долголетняя* - көп жылдык, *древняя* - илгерки, байыркы, *заведенная* - кабыл алынган, *исконная* - көнүмүш, *историческая* - тарыхый, *многолетняя* - көп жылдык, *неукоснительная* - кыйшайгыс, *привычная* - көнүк, *прочная* - бышык, бекем, *старая* - эски, *старинная* - байыркы, илгерки, *стойкая* - туруктуу, *устойчивая* - туруктуу и др.

В этой гостеприимной семье еще не утратилась **старинная традиция** *обязательности воскресного пирога* (Салтыков-Щедрин).- Бул меймандос үй-бүлөдө жекшембиде милдеттүү пирог бышыруу **байыркы салты** али жоголо элек болчу.

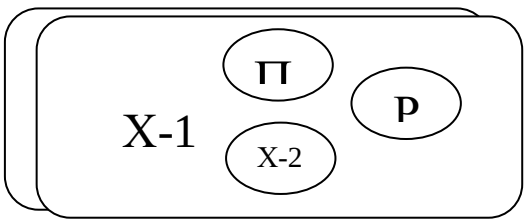
Необходимо отметить, что все предложение выступает в качестве развернутого номинанта рассматриваемого концепта. В центре фразы стоит слово *традиция.* Предложение порождено для сообщения об одной традиции. Существительное *традиция* является центром высказывания и в качестве субъекта, подлежащего предложения. Оно имеет три определителя. Во-первых, это эпитет-определение *старинная.* Во-вторых, несогласованное развернутое определение *обязательности воскресного пирога.* Третье – предикат-определение *не утратилась* в функции сказуемого. Все определители поясняют, характеризуют центр концептуального предложения и, видимо, составляют ближайщую синтагматическую периферию фразы, являющейся носителем концепта “Традиция”. В предложении есть еще темпоральный (*еще*) и локативный (*в этой гостеприимной семье*) концептоносители, образующие, на наш взгляд, дальнюю периферию. Отметим, что слово *гостеприимный* само является репрезентантом отдельного элемента концепта “Традиция”.

Как только Трегубов появился у нас в третьем классе, он тотчас уничтожил **вековые традиции** *в преподавании “закона божьего”* (К.Паустовский. Далекие горы). - Трегубов биздин үчүнчү класска келери менен эле “Кудай мыйзамын” окутуудагы **кылымдап сакталган традицияларын** жок кылып салды. Здесь допускается замена слова *традицияларын* словом *салттарын* без всякого ущерба для содержания предложения. Русскому однословному эпитету *вековая* соответствует

двусловный эпитет в кыргызском языке (*кылымдап сакталган*) или трехсловный эпитет (*кылым бою сакталган*) с причастием на *-ган.*

2. Эпитеты, называющие позитивные черты традиции: *благородная, благотворная, благодарная* – жакшылык жаратуучу, жаратмандык; *блестящая, блистательная* - жаркын, жарык чачкан; *великолепная* - сонун, маанилүү; *добрая* - ак ниет, асыл; *животворная* - жаратман, жаратуучулук; *завидная* - суктанарлык, ич күйөрлүк, мыкты, сонун; *истинная* - чыныгы; *подлинная* - нагыз; *полезная* - пайдалуу; *почтенная* - урматтоого татыктуу, сыйга арзыыр; *прекрасная* - сонун, *святая* (устар.), *священная* - ыйык; *славная* - даңктуу, атактуу; *хорошая* - жакшы, сонун; *чудесная, чудная* - ажайып, кереметтүү; *яркая* - жаркын, ачык көрүнгөн и т.д.

Благородные традиции *русского оперного искусства питают творчество наших современных художников - певцов, режиссеров и художников* (Никулин. Федор Шаляпин). - Орустун опералык искусствосунун **жаратмандык салттары** учурдагы биздин сүрөткерлердин - ырчылардын, режиссерлордун жана сүрөтчүлөрдүн чыгармачылыгын азыктандырууда. Мы в данном случае устанавливаем соответствие: *благородные традиции - жаратмандык салттары / традициялары.* Русское слово *художник* в предложении употреблено два раза: в первом случае оно имеет широкое значение, включая в свою семантику значения слов *певец, режиссер, художник*. Во втором случае слово содержит узкое значение, входящее в сферу первого употребления. Соотношение слов *художник - 1* и *художник - 2* можно представить схематически:



В таблице приняты сокращения: Х-1 - *художник*-1, Х-2 – *художник*-2, П - *певец, Р- режиссер. Х-1* мы переводим словом *сүрөткер, Х-2* - словом *сүрөтчү,* что соответствует нормам современного кыргызского литературного языка.

Когда коллектив организационно и дисциплинарно сложился, создан точный режим и **здоровые традиции**, *тогда чрезвычайно полезно организовать смешанные возрастные отряды* (Макаренко А.). - Качан коллектив уюшуу жана тартип жактан биригип, так режим жана **бакыбат традициялар** түзүлгөндө гана, курагы боюнча аралаш отряддарды уюштуруу өтө пайдалуу.

Тут еще слова часто расходятся с делами:... не исследуют приемов мастерства классиков, не обогащается их **животворными традициями** (Симонов К.). - Бул жерде сөз менен иш көбүнчө эле ажырым болот:... классиктердин чеберчилик ыкмаларын изилдешпейт, алардын **жаратман традицияларын** пайдаланышпайт. Конечно, глагол **обогащаются** в русской фразе выражает очень важное значение. Его невозможно перевести словом *байышат,* которое еще не приобрело функцию для передачи духовного обогащения путем освоения чужого опыта, опыта предыдущих поколений.

3. Эпитеты, экспонирующие негативные черты традиции: *вредная - зыяндуу, закостенелая - селейген, сенек; заржавелая - заңдаган, дат баскан; неизменная - өзгөрүлбөс, өзгөрүлбөөчү; обветшалая - эскирген, чалдыбары чыккан, эскилиги жеткен; патриархальная - патриархалдуу, эскирген; рабская - көз карандылык, баш көтөрбөгөн, өйдө каратпаган; строгая - катуу, талаптуу; суровая - катаал, катуу, чуждая - бөтөнчө, башкача* и др.

[Денщики] *по привычке,* **по рабской традиции**, *благоговели перед офицерами* (Б.Горбатов. Дикое поле).- [Деншиктер] адатынча, **баш көтөртпөгөн салтка** ылайык, офицерлерди кастарлап турчу. Здесь слово *баш көтөртпөгөн* может быть заменено словами *кулчулдук, көз карандылык, өйдө карабаган,* а слово *салт* - словом *традиция.*

У Ильи Ефимовича всегда была тяга к нарушению многолетних, **закостенелых** *житейских* ***традиций*** (Чуковский К.). - Илья Ефимович көп жылдык, **сенек болуп калган** көнүмүш **салттарды** бузууга дайыма умтулчу / Илья Ефимовичке көп жылдык **сенектикке айланган** күндөлүк салттарды бузууга умтулуу бар эле. Следовательно, мы допускаем синонимию пар слов:

сенек болуп калган - сенектикке айланган, көнүмүш - күндөлүк (житейская), традиции - салттар.

Видим, что в данном примере слово *традиции* имеет три разных определения: *многолетние, закостенелые* и *житейские*, которые все обладают возможностью именоваться второ- или третьестепенными номинантами концепта “Традиция”, выражая длительность, консерватизм и повседневность жизненных установлений.

В следующем предложении определение *обветшалые* выступает контекстуальным антонимом определения *подлинные,* контрастируя прогрессивные, развивающиеся свойства и архаические, устаревшие признаки определяемого: *Федотов умел разбирать стену, стоявшую между актером и ролью, сдирать мундир* ***обветшалых традиций****, давая вместо них иные,* ***подлинные традиции*** *искусства* (Станиславский). - Федотов актер менен ролдун ортосунда турган тосмону бузуп, **эскирген салттардын** чепкенин сыйрып, алардын ордуна искусствонун башка, **чыныгы салттарын** бере алчу.

Во всех случаях слово *традиция* имеет адекватный эквивалент в виде слова *салт*. Кыргызский менталитет допускает употребление и латино-русского субстантива *традиция* во всех кыргызских переводах. Нам кажется, что в русском слове *подлинный* есть и отдаленный смысл корня *длин-*, так или иначе связанный с концептом “Традиция”.

4. Эпитеты, номинирующие черты традиции, связанные 1) с этносом: *национальная* - улуттук, *этническая* - этностук, *родо-племенная* - урук-уруучулук, *восточная* - чыгыш, *русская* - орус и т.д.; 2) с сословиями, кастами, классами: *казачья* - орус казактарынын, *крестьянская* - дыйкандардын, *пролетарская* (уст.) - пролетарлардын / пролетардык; *буржуазная* (уст.) – буржуалык / капиталисттердин; *мещанская* – мещандык / мещандардын ; *брахманская* - брахмандык и под.; 3) с формами сознания: *научная* – илимдик / илимдин; *культурная* – маданият / маданий / маданияттын; *спортивная* – спорттук / спорттун; *религиозная* – диндин / диндик / диний; *исламская* – ислам / исламдык / исламдын; *литературная* – адабияттын / адабий / адабияттык;

музыкальная – музыканын / музыкалык; *образовательная* - билим берүү / билим берүүнүн и под.; 4) с армией: *армейская* – армиялык / армиянын; *военная* – аскерлик / аскерлердин; *боевая* – согуш / согуштук / согуштун; *фронтовая* – фронт / фронттук / фронттун; *флотская* – флот / флоттук; *полковая* - полк / полктук / полктун; *флотская* – флот / флоттук / флоттун и т.д. Ср., например: *восточные традиции – чыгыш / чыгыштын салттары; театральные традиции – театр / театрдын салттары / театрдык салттар; полковые традиции – полк / полктун салттары / полктук салттар.*

Как видим, определения в кыргызском языке, выраженные формами род. I (*-дын, -дин*), род. II (*-дык, -дик*) падежами (в терминологии К.Зулпукарова) синонимичны и находятся между собой в трансформационных отношениях. Относительные прилагательные русского языка соответствуют кыргызским существительным в осн., род. I и род. II падежах.

В следующем предложении в качестве определения используется прилагательное *морская* – деңиз / деңиздин / деңиздик с тремя параллельными, синонимичными эквивалентами в кыргызском языке: *Штерну было неловко. Как капитан он мог бы остановить чудака и указать ему, что суровые* ***морские традиции*** *не требуют речей* (К.Паустовский. Ценный груз). - Штерн ыңгайсызданды. Капитан катары ал апендини токтотуп, ага деңиздин катаал **салттары** сөз айтууну талап кылбастыгын белгилесе болмок. В этом переводе мы имеем соотношение:

Суровые морские традиции

Деңиздин катаал салттары

В кыргызском переводе русский порядок слов не может соблюдаться. Если перевести русское сочетание в виде *катаал деңиз салттары*, то прилагательное *катаал* “суровый” относится к существительному *деңиз* “море” (*катаал деңиз* “суровое море”), определяет его и перевод лишился бы адекватности. В русском сочетании два прилагательных определяют одно существительное, согласуются с ним в им.п., мн. числе. Только наличие прилагательного *суровый* требует именно такого перевода, когда оно занимает

интерпозицию между генитивным определением *деңиздин* “морской, моря” и определяемым *салттары* “традиции”. Без него сочетание *морские традиции* имеет варьируемые эквиваленты: *деңиз салттары, деңиздин салттары* и *деңиздик салттар*, выступающие в качестве абсолютных синонимов и демонстрирующие функциональную тождественность основного и генитивных падежей.

Аналогичен состав эпитетов русского языка, определяющих слово *обычай.* Ниже приведем перечень этих эпитетов с переводами на кыргызский язык, демонстрируя их употребление в примерах их литературно-художественного дискурса.

1. Эпитеты, обозначающие общепринятый характер и длительность существования обычая: *архаический* - эски, байыркы, илгерки, архаикалык; *вековой* - кылым карыткан, кылымдар бою колдонулган; *давний* - мурунку, эзелки; *дедовский* - ата-бубадан калган, *долголетний* - узак жылдык; *древний* - байыркы, эзелки, илгерки; *живой* - тирүү, жандуу; *заведенный* - кабыл алынган; *закоренелый* - түптүү, түптөлгөн, тамырлуу, тамырлаган; *исконный* - көнүмүш; *многолетний* - көп жылдык, *патриархальный* - байыркы, эскирген; *принятый* - кабыл алынган; *прочный* - бекем, бышык; *родительский* - ата-энеден калган; *родной* - жакын, көнүк; *самобытный* - өзгөчө, бөтөнчө, өзүнчө; *старинный* - эзелки, байыркы, эски, илгерки; *стародавний* - мурунку, эзелки; *старый* - эски, көөнө, байыркы; *традиционный* - салттуу, адатка айланган; *укоренившийся* - тамырлаган, тамырын жайган, түптүү, түптөлгөн; *устаревший* - эскирген, көөнөргөн; *устарелый* - эскирген, көөнөргөн, эскилиги жеткен.

Приведем и прокомментируем некоторые примеры. Например: ***Обычай древний*** *наблюдая....* (М.Лермонтов).- **Байыркы салтты** байкаганча...; *Эта молитва среди исчезающего “городка” есть* **исконный обычай**, *завещание седой старины* (Короленко). - *Жоголуп бараткан “шаарчанын” ичиндеги бул табынуу* - **эзелки салт**, *картаң байыркылыктын мурасы*. В обоих случаях эпитеты имеют адекватные эквиваленты в кыргызском языке.

У Пушкина (Из письма к издателю “Московского вестника”) есть предложение: *Зачем писателю не повиноваться* **принятым обычаям** *в словесности своего народа, как они повинуются законам своего языка?* - Эмнеге жазуучу өз элинин сүйлөөсүндө **кабыл алынган салттарга** баш ийбестиги керек?

И нам с тобой **родительский обычай** *рушить нельзя* (Гладков). - Сен экөөбүз да **ата-эне салтын** бузууга болбойт.

Для передачи значения словосочетания *родительский обычай* мы использовали оборот *ата-эне салтын* на двух основаниях. Первое основание - отсутствие в кыргызском языке слова-понятие *родители,* совмещающее в себе значения слов *отец* и *мать.* Слово *родительский* мы перевели сложным словом-сочетанием *ата-эне,* т.е. отец-мать. Во-вторых, контекст допускает несколько вариантов перевода: *ата-эне салтын, ата-энебиздин салтын, ата-энелерибиздин салтын, ата-энелер салтын, ата-энелердин салтын, ата-энелерибиздин салтын* и др. Из этой парадигмы мы выбрали самое короткое. В ряде вариантов эквивалент имеет в своем составе лично-посессивный аффикс 1 л. мн.ч.

Овсяников придерживался **старинных обычаев** *не из суеверия (душа в нем была довольно свободная), а по привычке* (И.Тургенев). - Овсяников **байыркы салттарды** ырым үчүн эмес (анын көңүлү бир кыйла эркин болчу), адат боюнча колдончу. И в данном случае кыргызский язык предоставляет переводчику большой выбор: *старинный - байыркы, илгерки, эзелки, эски, көөнө.* Этот ряд синонимов одинаково подходит к предложению *Овсяников...* **салттарды....** колдончу / пайдаланчу: вместо многоточия между подлежашим и дополнением (*Овсяников....* **салттарды)** может быть употреблен любой член данной парадигмы синонимов.

2. Эпитеты, обозначающие положительные признаки обычаев: *вежливый* - сылык, ийкемдүү; *добрый* - жакшы, кайрымдуу, боорукер; *милый* - сүйкүмдүү, жагымдуу; *молодецкий* - азаматтык, ак жүрөктүк; *мудрый* - даанышман, акылман, түшүнүктүү; *похвальный* - мактоого арзыырлык, *почтенный* - сыйлуу,

урматтуу, нарктуу, нарк-насилдүү; *простой* - жөн, жөнөкөй; *разумный* - акылдуу, эстүү, жөндүү; *славный* - даңктуу, манилүү, шаңдуу; *хороший* - жакшы, жагымдуу, сонун и т.д.

Ср. у Блока: *Но скоро стариков привлек Его дворянский склад старинный.* **Обычай вежливый и чинный** (Возмездие). - Бирок тез эле анын байыркы дворяндык мүнөзү абышкалардын көңүлүн бөлдү. **Адаты сылык** жана салабаттуу. В данном примере слово *обычай* имеет значение "характер, нрав". Поэтому мы перевели его словом *адат*, которое допускает замену словами *мүнөзү* и *жүрүшү* "манера, поведение".

- *У черкесов есть очень* **милый обычай** *дарить гостю все, что он похвалит. - сказал я любезно* (Куприн). - Черкестердин конок мактагандын баарын ага берип жиберүүчү өтө **сонун адаты** бар, - дедим мен сылык гана. В этом случае сочетание *сонун адаты* совершенно синонимично с выражением *жагымдуу салты, сонун жөрөлгөсү.*

Для деда лежанье на печи после еды - это не только благостный отдых и потребность, но и **почтенный обычай** *старины* (Гладков). - Чоң ата үчүн тамактангандан кийин меште жатуу - бул жагымдуу эс алыш жана зарылдык эле эмес, байыркынын **мартабалуу салты.** У К.К.Юдахина читаем: *мартабалуу* - уважаемый, солидный, степенный [209, с.518]. Это слово удачно подходит к переводу словосочетания *почтенный обычай.* Ср. также: *Мы еще растеряли свои* **молодецкие обычаи.** - Биз али өзүбүздүн **ак жүрөктүк адаттарыбызды** жоготподук. В этом контексте речь идет о поведении, о чертах характера. Поэтому слово *обычай* переводим словом *адат.* Фраза на кыргызском языке насыщена знаками со значением "мы, наш": *биз* "мы", *өзүбүздүн* "свой" (возвратное местоимение *өз* "сам, свой" в форме 1 л. мн.ч. категории личный посессивности *-үбүз* в родительном падеже *-дүн)* и *адаттарыбызды* "наши обычаи" в винительном падеже *(-тар* признак мн.ч. *, -ыбыз* "наш", *-ды* признак вин.п.*)*.

3. Эпитеты, характеризующие отрицательные признаки обычая: *абсурдный* - абсурддук, ыксыз, ыгы, жок, жөнү жок, акылга сыйбаган; *бессмысленный* -

жөнү жок; түшүнүксүз, жарамсыз, ыксыз, жүйөөсүз; *варварский* - жапайы, одоно, копол; *гибельный* - өтө зыяндуу, бүлгүндөөчү; *глупый* - акмакчылык, акылсыз, түшүнүксүз; *гнусный* - карасанатайлык, кара ниеттик, бузукулук; *дикарский, дикий* - жапайы, одоно, копол; *дурной* - жаман, начар; *жестокий* - каардуу, ырайымсыз; *идиотский* (разг.) - идиоттук, келесоолук, акмактык; *нелепый* - ыксыз, түшүнүксүз, болбогон, жарабаган, акылга жатпаган, ойго сыйбаган; *несуразный* (разг.) - ыксыз, ыгы жок, болбогон, жөнү жок; *презренный* - жек көрүндү, жагымсыз, эч кимге жакпаган; *свирепый* - ачуулуу, каардуу, эң катуу; *суеверный* - ырым-жырымдуу; *суровый* - катаал, каардуу; *чудовищный* - укмуштуу, укмуштай, катаал и др.

Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении **варварского обычая** (Пушкин)**. - Жапайы салтты** жок кылууну аяган эски сотторду азыр деле угуп калам.

[Царь:] *Пора презреть мне ропот знатной черни. И* **гибельный обычай** *уничтожить* (Пушкин. Борис Годунов). - [Падыша:] Атактуу кара тапандардын нааразычылыгын жек көрүүгө жана **өтө зыяндуу салтты** жок кылууга убакыт келди.

Кабаниха создала себе целый мирок особенных правил и **суеверных обычаев**, *за которыми стоит со всем тупоумием самодурство* (Добролюбов). - Кабаниха өзү үчүн артында кем акылдуу өзүм билемдик турган өзгөчө эрежелердин жана **ырым-жырымдуу салттардын** бүтүндөй кичи дүйнөсүн жаратып алды.

4. Эпитеты, экспонирующие ареальные особенности обычая: *азиатский - азиялыктардын, восточный - чыгыш, чыгыштыктардын; европейский - европалыктардын; западный - батыш, батыштыктардын, городской - шаар, шаардыктардын; деревенский - кыштак, айыл, элет, кыштактыктардын, айылдыктардын, элеттиктердин* и др.

5. Эпитеты, номинирующие социальную и национальную специфику обычая: *религиозный - диний, диндин; христианский - христиан, христиандык, христиандардын; национальный - улут, улуттук, улуттун; семейный - үй-бүлө,*

үй-бүлөлүк, үй-бүлөнүн; школьный - мектеп, мектептик, мектептин; казачий - орус-казак, орус-казактарынын; казахский - казак, казактардын и др.; Ср. предложение*; Мне непонятны некоторые* **казачьи обычаи** - *Кайсы бир* **орус-казак салттары** *мага түшүнүксүз,* выделенная часть которого может быть заменена синонимами: *орус-казактарынын салттары, орус-казак адаттары, орус-казактардын адаттары, орус-казак жөрөлгөлөрү, орус-казактардын жөрөлгөлөрү* и др.

Фраза допускает взаимозамену широкого характера. Например, компоненты русского словосочетания, *некоторые казачьи обычаи* допускают пословный перевод; *кээ бир / кай бир / кайсы бир – некоторый; орус-казак-казачий (*определитель *орус* обязателен для дифференциации казаков и казахов, именуемых по-кыргызски одинаково*), адат / салт / жөрөлгө /салт-санаа / нарк-насил - обычай.* Ср. табл. №2

Табл. №2

некоторые

1) *кээ бир орус-казак адаттары, кээ бир орус-казак салттары, кээ бир орус казак жөрөлгөлөрү, кээ бир орус-казак салт-санаалары, кээ бир орус-казак нарк-насилдери; кээ бир/ кай бир/ кайсы бир;*

2) *орус-казактардын кээ бир адаттары, орус-казактардын кээ бир салттары, орус-казактардын кээ бир жөрөлгөлөрү, орус-*

кээ бир салт-санаалары, орус- казактардын кээ

казачьи обычаи	=	*нарк насилдери;* 3) *орус-казактардын кай бир адаттары, орус-казактардын кай бир жөрөлгөлөрү, орус-казактардын кай бир салт-санаалары, орус-казактардын кай бир нарк-насилдери;* 4) *орус-казактардын кайсы бир адаттары, орус-казактардын кайсы бир салттары, орус-казактардын кайсы бир жөрөлгөлөрү, орус-казактардын кайсы бир салт-санаалары, орус-казактардын кайсы бир нарк-насилдери и др.*

В таблице №1 примеры представлены сокращенно. В данном случае мы можем говорить о многовариантности перевода. Русское трехчленное сочетание видоизменяется в переводе: притяжательное определение деэпитетизируется, преобразуется в существительное в родительном падеже. Русское притяжательное прилагательное соответствует формам кыргызских существительных в основном и родительном падежах. Наличие эпитета в сопоставляемых примерах подвергается сомнению, поскольку существительные в родительном падеже не могут определяться как эпитет. Называться эпитетом в этих примерах может только притяжательное прилагательное *казачьи.* Соотношение эпитета и неэпитета можно представить схематически:

РЯ	КЯ
ПП=Э	СРП=СОП
СИП	ИП

Принятые сокращения: притяжательное прилагательное - ПП= эпитет - Э, определяемое существительное в именительном падеже - СИП, существительное в основном падеже - СОП, существительное в родительном падеже - СРП, русский язык - РЯ, кыргызский язык - КЯ.

Отметим одно своеобразие кыргызских словосочетаний: когда определительное *кай бир / кээ бир / кайсы бир* «некоторый» занимают препозицию относительно других членов словосочетания, сложное существительное-определитель *орус-казак* употребляется в единственном числе в основном падеже. Если преобразовать эту форму основного падежа в форму родительного, смысл словосочетания изменится: определение *кай бир / кээ бир / кайсы бир* «некоторый» будет относиться к субстантиву в родительном падеже, принимая другое значение: Ср., например: *кээ бир орус-казактардын салттары - обычаи некоторых казаков.* И в основной форме словосочетание допускает двоякое, т.е. нечеткое, понимание фразы (пункт 1), хотя основной падеж в определительной функции не совсем «задерживает» адъективное отношение определительного местоимения к словам *адат, салт* и пр.

Разнообразием эпитетики отличается лексема *привычка,* являющаяся одним из наиболее употребительных номинантов концепта «Традиция».

Эпитеты, раскрывающие специфику привычек людей, можно разделить на несколько групп.

1) эпитеты, указывающие на длительность привычки;
2) эпитеты, указывающие на консерватизм привычки;
3) эпитеты, подчеркивающие позитивный характер привычки;
4) эпитеты, характеризующие негативность привычки;
5) эпитеты, определяющие привычки «верхнего» и «нижнего» слоя общества;
6) эпитеты, подчеркивающие социальные особенности (профессиональные, возрастные и др.) привычки и др.

1. Типичные определители слова *привычка*, номинирующие длительность и обычность проявления соответствующей разновидности концепта: *вековая* - көнүк, кылымдар бою көнгөн / көнүмүш; *врожденная* - тубаса; *всегдашняя* (разг.) - дайымкы, демейдеги, көнүк, көнүмүш; *глубокая* - терең, түптүү; *давнишняя* (разг.), *давняя* – муруңку, эски, эзелки, кадимки; *дедовская* - ата-бубалардан калган / берилген; *долговременная* - узак убакыттагы; *долголетняя* -

көп жылдык; *закоренелая* - эски, көнүмүш, көнүк, түптөлгөн, үйрөнгөн; *коренная* - түпкүлүктүү; *многовековая* - көп кылымдык; *многолетняя* - көп жылдык; *органическая* - түптүү, түпкүлүктүү; *природная* - табигый; *старая / стародавняя / старинная* - эзелки, байыркы, көөнө; *традиционная* - традициялуу, салттуу; *укоренившаяся* - түптөлгөн, тамырлаган и др.

По **давнишней привычке**, *он долго стоял перед образом и молился* (А.Чехов. Нахлебники). - **Эски адаты** боюнча, ал ыйык сүрөттүн алдында узакка туруп чокунуп жатты.

*Бобырь, следуя.....**всегдашей привычке,** льет мне на грудь холодную воду* (Беляев. Старая крепость). - Бобырь **көнүмүш адатына...** салып, көкүрөгүмө муздак суу куюп жатат.

По **закоренелой охотничьей привычке** *я замечал путь* (Соколов-Микитов. Рассказы охотника).- Аңчылык **көнүк адатым** боюнча мен жолду карап бараттым.

Однообразно-регулярный образ жизни был одною из **коренных привычек** (Салтыков-Щедрин. Большое место). - Жашоонун үзгүлтүксүз бирөңчөйлүк образы анын **түпкүлүктүү адаттарынан** эле.

Как видим, во всех примерах слово *привычка* переведено словом *адат*. А другие кыргызские номинанты концепта “Традиция” не способны его заменить.

2. Типичные атрибуты лексемы *привычка,* выражаюшие отсталость, консерватизм соответствующей черты поведения человека: *застаревшая* - эскирген, эски; *затяжная* - көнүк, узакка созулган; *заученная* - жатталган, жатык эмес; *неотвязчивая* - калбаган,ташталбаган, калтырылбаган; *окостенелая* - сенек, ийги эмес, катып калган; *омертвелая* - сенек, жансыз; *старозаветная* - эң эски, атам заманкы и др.

Официант неизвестно зачем перетирал пожелтевшие чашки и покрывал столы... **Застарелая привычка** *брала свое* (К.Паустовский. Карабугаз). - Официант эмне үчүн саргарган кеселерди аарчып, столдорду жаап жатканы белгисиз... **Эски адат** боюнча го.

В каждом доме чувствовалась узость, косность, **омертвелая привычка** *к исполнению вместо живого самостоятельного и инициативного творческого труда* (Фурманов. Мятеж). - Ар бир үйдө жандуу, өзүнчө, демилгелүү чыгармачыл эмгектин ордуна тардык, сенектик, аткаруу үчүн **жансыз адаттар** сезилип турду.

Сражаться с **привычкой***: любой,* **затяжной** - *С любимой чашкой, с любимой женой* (Сельвинский. Пушторг). – күрөшүү керек / көнүмүш **адат** менен, ар кандайы менен, көпкө созулганы менен - сүйүктүү кесе менен, сүйүктүү аял менен. Мы здесь перевели текст с элементами поэзии. В прозаической форме его можно перевести следующим образом: Ар кыл **көнүмүш адат** менен, сүйүктүү кесе менен, сүйүктүү аял менен күрөшүү керек.

3. Атрибуты лексемы *привычка*, содержащие в себе позитивные значения: *благородная* - асыл, нурдуу, жакшы, ак ниеттүү; *добрая* - жаркын, жагымдуу, кайрымдуу, боорукерлик; *изящная* – кооз, ийги, назик, көрктүү, сонун; *чистая* - чыныгы, таза, анык; *милая* - сүйкүмдүү, жагымдуу; *полезная* - пайдалуу, керектүү; *похвальная* - мактарлык, оң; *роскошная* - эң сонун, салтанаттуу, шаңдуу, көтөрүңкү; *сладостная* - таттуу, ширин, жагымдуу; *трогательная* - жүрөктү элжиреткен, көңүлдү козгогон; *трудовая* - эмгекчил, түйшүкчүл; *хорошая* - жакшы, сонун и др.

[Одинцова] *охотно оставалась с ним наедине и охотно с ним разговаривала, даже тогда, когда он* [Базаров] *сердил или оскорблял ее вкус, ее* **изящные привычки** (И.Тургенев. Отцы и дети). - [Одинцова] [Базаров] менен чын көңүлдөн жалгыз калып, ачуулантса да, же табитин, **көрктүү адаттарын** басынтса да, аны менен чын көңүлү менен сүйлөшчү.

Служить он не хотел. А между тем уже были усвоены **роскошные привычки** *жизни, от которых он считал, что не может отстать* (Л.Толстой. Воскресенье). - Анын кызмат кылгысы келбөөчү. Ошол эле учурда ал артта калбайын деп эсептеген жашоонун **салтанаттуу адаттарын** өздөштүрүп алган болчу.

Привычке сладостной *послушный. В обитель Демон прилетел* (Лермонтов. Демон). - **Жагымдуу адатты** сезген Шайтан чиркөөгө учуп келди.

4. Негативные свойства привычки людей обозначаются следующими атрибутивными словами-эпитетами: *вредная* - зыяндуу, залал (в говорах); *гибельная / губительная* - зыяндуу, бүлгүндүү; *глупая* - акмак, акылсыз; *гнусная* - кара ниеттүү, кара санатай, жаман ойлуу; *грубая* - одоно, копол, корс; *дрянная* (разг.). - жарамсыз, жаман, осол; *дурная* - жаман, начар; *идиотская* (разг.) - акмак, жаман; *мерзкая, мерзостная, омерзительная* - жаман, жийиркеничтүү; *надоедливая* (разг.) - тажаткыч, тажатма, тажатчу, жадаткыч, жадатма, жадатчу; *назойливая* - жадатма, тажатма, тынчытпаган; *наивная* - аңкоо, баео; *нездоровая* - начар, жаман, терс; *несчастная* - бактысыз; *неприятная* - жагымсыз, жаман; *несносная* - чыдагыс, жадатма, жадаткыч, жадатма, тажаткыч; *несчастная* - шордуу, бечара, байкуш; *отвратительная* - өтө жаман, жийиркеничтүү; *пагубная* - зыяндуу, бүлгүндүү; *паршивая* (просторечн.) - жаман, начар; *пассивная* - илең-салаң, ыңгайсыз, жигерсиз, демилгесиз; *плохая* - жаман, начар; *противная* - жаман, жагымсыз, жийиркеничтүү; *скверная* - эң жаман, өтө начар; *ужасная* - өтө коркунучтуу, үрөй учуруучу, өтө жаман, өтө начар, эң начар; *чудовищная* - укмуштуу, укмуштай, катаал и др.

В его годы курение составляет **вредную и дурную привычку**, а **дурные привычки** *следует искоренять в самом начале* (Чехов. Дома) - Анын жашында тамеки чегүү **зыяндуу жана жаман адатты** пайда кылат, **жаман адаттарды** болсо башталышында эле жок кылуу керек.

Старческие **привычки** *очень* ***назойливые****, упорные* (Паустовский) - *Картаңдардын* **адаттары** *өтө* **тажатма,** *майышпас болот.* Слово *тажатма* и *жадатма* имеют идентичное происхождение. Перестановка звуков в них привела к тому, что они звучат по-разному и выступают как отдельные слова. По-нашему мнению, корень *жад*- является первичным, а корень *таж*- – вторичным.

Помяловский... вынес с собой из бурсы роковое наследство - едкую и неизлечимую печаль о потерянном времени и, что еще того хуже, **несчастную**

привычку *топить эти невыносимо тяжелые ощущения в простом вине* (Писарев). - Помяловский... диний мектептен өзү менен кошо жазык мурасын жоготкон убакыт тууралуу чучукка тийген сакайгыс кайгыны жана андан да жаманыраагы, бул чыдагыс оор сезимдерди жөнөкөй виного чөмүлткөн **бактысыз адатты** алып чыкты.

5. Эпитеты, характеризующие особенности привычек верхнего и нижнего слоев общества: *аристократическая* - аристократиялык, ак сөөктүк; *великосветная* - улуу даражалуу; *дворовая* - падыша сарайына таандык, даражалуу адамдарга тиешелүү; *плебейская* - укуксуздук, кембагалдык, кедейлик, жардылык; *рабская / рабья* - кулдук, кыңк этпегендик, баш көтөрбөстүк и др.

Он никак не может освободиться от **рабских привычек**, усвоенных в молодости. - Ал жаштыгында өздөштүрүлгөн **кыңк этпес адаттарынан** эч эле бошоно албай жатат.

[Павла Петровича] *уважали за его отличные,* **аристократические манеры** (Тургенев. Отцы и дети). - [Павел Петровичти] анын эң жакшы, **аристократиялык адаттары** үчүн урматташчу. В данном случае слово *манеры* употреблено как синоним существительного *привычки.*

6. Атрибуты человеческих привычек, связанные с профессией, местом жительства, образованием, возрастом и другими социальными особенностями их носителей: *актерская* - актердук; *армейская* - аскердик; *военная* - аскердик, согуштук; *городская* - шаардык; *деревенская* - кыштактык, айылдык, элеттик; *интеллигентная* - интеллигенттик; *профессиональная* - адистик; *службистская* - кызматтык; *солдатская* - солдаттык, аскердик; *стариковская / старческая* - улгайгандык, карыгандык, улгайгандарга таандык, карыгандарга таандык; *столичная* - борбордогуларга таандык; *театральная* - театрга таандык; *уличная* - көчөгө таандык; *шутовская* - маскарапоздорго таандык и др.

По старой **службистской привычке** *он старательно надраивал потускневшие пуговицы кителя* (Семенихин. Жили два друга). - Эски

кызматтык адаты боюнча ал кителинин жукарып калган топчуларын астейдил тазалар эле.

Грубые **армейские привычки***, фамильярность, карты, попойки - нет, это не для него...* (Куприн. Поединок). - **Аскердик** одоно **адаттар**, ыксыз теңтушчулук, карталар, мас болуулар - жок, булар ага жакпайт.

Как видим, атрибутика человеческих привычек, выражаемая именами прилагательными, выполняет важную концептообразующую функцию, демонстрируя привычность, традиционность тех или иных свойств характера, поведения и действий человека.

Номинантом концепта “Традиция” выступает и лексема *нрав.* Она, правда, многозначна. Ее семы, объединяемые в пределах значения “психический склад, характер”, выходят за пределы изучаемого концепта. К репрезентантам этого концепта относятся семы, подводимые под значение “обычай, уклад общественной жизни”. В этом значении эта лексема употребляется чаще всего во множественном числе.

Необходимо отметить, что данный экспонент концепта “Традиция” имеет еще одну особенность: он открывает позицию для сочетания только эпитетам с негативным смыслом.

Наиболее распространенными эпитетами лексемы *нравы* являются следующие адъективные слова: *грубый* - одоно, копол; *европейский* - европалыктарга мүнөздүү, европалыктарга таандык, европалыктардай; *жестокий* - катаал, каардуу, таш боор; *застарелый* - эскирген, эски; *захолустный* - элеттик, *испорченный* - бузулган, колдонуудан чыккан; *мещанский* - мещандык; *патриархальный* - патриархалдык, байыркы, илгерки, эски; *первобытный* - алгачкы доордук, алгачкы жашоонун, алгачкы турмуштук; баштапкы тиргиликтик; *провинциальный* - провинциялык; *простой* - жөн, жөнөкөй; *распущенный* - ээн баш, бейбаш, тартипсиз; *самобытно-патриархальный* - өзгөчө, өзгөчө тиргиликтеги, өзгөчө турмуштагы; *столичный* - борбордо жашагандарга таандык; *утонченный* - кылдат, ийги, кырпаа и др.

[Кулигин:] **жестокие нравы**, *сударь, в нашем городе*, **жестокие!** (А.Островский.). - **Катаал жорук-жосундар** бар, мырза, шаарыбызда, **катаал!**

Всю трагедию судимого преступления он изобразил как продукт **застарелых нравов** *крепостного права* (Достоевский. Братья Карамазовы). - Соттолуп жаткан кылмыштын бүткүл трагедиясын ал крепостной укуктун **эскирген жорук-жосундарынын** натыйжасы катары сүрөттөп берди.

Нерону, впрочем, какое было дело до **отеческих нравов***?* (Кудрявцев. Римские женщины). - Арийне, **ата-бубалардын жорук-жосундары** менен Нерондун иши кандай?

[Гомер] *в одну раму заключил всю Грецию с чудесными преданиями, с ее* **первобытными нравами** (Жуковский. О переводе Одиссея). - [Гомер] атайын уламыштары бар, **алгачкы жашоонун жорук-жосундары** бар бүт Грецияны бир рамага салып койгон эле. Здесь вместо сочетания *алгачкы турмуштук* можно использовать сочетания *алгачкы доордук* или *алгачкы тиричиликтик.*

У Белинского в качестве эпитета к слову *нравы* сразу употреблены два прилагательных: *Свято хранил он* [народ] *простые и грубые нравы* (Литературные мечтания). - Эл **жөнөкөй** жана **копол жорук-жосундарын** аздектеп сактап келген.

Как видим, во всех предложениях в качестве лексико-семантического эквивалента слова *нравы* мы использовали сложное слово *жорук-жосун.* Правда, РКС предлагает несколько синонимов: *нравы=обычаи*: салттар, адаттар, үрп-адаттар, жосундар, жөрөлгөлөр [154, с. 441]. Более подробно разбирает семантику слова *жорук* К.К.Юдахин: 1) ход, походка; 2) образ действия, поведение, поступок, выходка; 3) явление, происшествие, приключение; 4) в составе сложного слова *жорук-жосун*, имеюшего значение “совокупность обычаев и установлений старины” [209, с.263]. Мы приняли точку зрения К.К.Юдахина за основу при переводе слова *нравы* на кыргызский язык в контексте типичных эпитетов. Сложное слово, на наш взгляд, в наибольшей степени адекватности передает значение русского слова *нравы*, употребляемого почти всегда во множественном числе.

К семантической сфере концепта “Традиция” относится и слово *правило* вместе со своим окружением. В контексте этой лексемы особое место занимают адъективные лексемы в функции эпитета и определения.

Эти эпитеты по семантике соотносительны со значением «отправное положение, установка, закон; руководство, норма поведения», для выражения которого возникло слово *правило*.

Мы разграничиваем несколько групп адъективных лексем, выступающих типичными эпитетами к лексеме *правило.*

1. Эпитеты, подчеркивающие традиционность, длительность существования правила: *вечное* - түбөлүктүү, *всегдашнее* - дайымкы, демейдеги, көнүк; *дедовское* - ата-бубаларга тиешелүү / таандык, ата-бубалардан калган /өткөн; *древнее* - эзелки, байыркы, илгерки; *забытое* - унутулган, эстен чыгып калган; *незыблемое* - майтарылгыс, кыйшайгыс, туруктуу; *неизменное* - өзгөрүлбөгөн, өзгөрүлбөс; *общее* - жалпы, *общепринятое* - жалпы кабыл алынган; *общепризнанное* - жалпы тааныган, жалпы кабыл алынган, жалпы колдолгон; *постоянное* - туруктуу, дайымкы; *старинное* - эски, байыркы, эзелки, илгерки; *старое* - эски, эскирген, байыркы; *старомодное* - эскиче, эски калыптагы, эскирген талаптагы и др.

В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо **общеудачного правила:** *чин чина почитай, ввелось в употребление другое, например: ум ума почитай* (А.Пушкин. Станционный смотритель). - Чындыгында эле, **жалпыга ыңгайлуу** “Чин чинди урматта” э**режесинин** ордуна башка, мисалы, “Акыл акылды урматта” эрежесин келтирсе, бизге эмне болмок? Своеобразие кыргызского языка раскрывает словосочетание **жалпыга ыңгайлуу** эреже “общеудачное правило” на две части, между которыми вставляется текст правила в виде прямой речи. Русское компрессионное местоимение *другое*, вобравшее в свою семантику и значение определяемого слова *правило*, в кыргызском переводе расшифровывается, восстанавливается в виде словосочетания *башка... эреже* “другое правило”, открывающего позицию в середине для прямой речи. Считаем, что и правило “чин чина почитай”

относится к сфере семантики термина *традиция*, будучи общеизвестным и общепринятым в сфере бюрократии. А формула “ум ума почитай” - это авторская находка, авторская идея. Ввиду индивидуального характера она может быть рассмотрена как окказионализм, не имеющий отношения к традиции.

Он и теперь не хотел изменять своему **всегдашнему правилу** *– не бранить отсутствующих* (Голубов. Когда крепости не сдаются). – Ал азыр да **демейдеги** өзү жокторду сөкпөө **эрежесин** өзгөрткүсү келбеди. Слово **демейдеги** может быть заменено словами *дайымкы, көнүп калган.*

В старости у него образовался постоянный взгляд на вещи и **неизменные правила** (Л.Толстой Детство). - Улгайганда бардык нерселерге жана **өзгөрүлбөс эрежелерге** туруктуу көз карашы пайда болду.

Разве можно, разве позволительно – частный, так сказать, факт возводить в общий закон, в **непреложное правило?** (Тургенев. Дворянское гнездо.). – Жекече, айталы, фактыны жалпы мыйзамга, **милдеттүү эрежеге** көтөрүп чыгууга мүмкүнбү, уруксатпы?

2. Эпитеты, обозначающие неукоснительность, обязательность соблюдения правил: *безусловное* - шартсыз, милдеттүү; *железное* (разг.) - катуу, темирдей; *жестокое* - каардуу, катуу; *крепкое* (разг.) - катуу, бекем, бышык; *необходимое* - зарыл, керек; *непреложное* - милдеттүү; бузулбас, өзгөрүлбөс; *нерушимое* - бузулбас, кебелбес; *неукоснительное* - милдеттүү, кыйшаюусуз аткарылган, сөзсүз аткарылчу; *строгое* - катуу, олку-солкусуз аткарылчу; *суровое* - катуу, катал, каардуу; *твердое* - бекем, бышык, туруктуу; *честное* - туура, ак ниеттүү и др.

И человека растянуть Он позволял - не как-нибудь. Но **в строгих правилах** *искусства* (Пушкин. Евгений Онегин). - Адамды да эптемей эмес, искусствонун **катуу эрежелери** менен жибитүүгө мүмкүндүк берчү.

Вас я знаю за даму с **твердыми и честными правилами***, которые во всяком случае не позволяют Вам хладнокровно переносить свой позор* (Куприн. Мирное житие). - Сизди өз шермендечилигин сабырдуулук менен кечирүүгө

кандай болсо да жол койбой турган **катуу жана туура эрежелери** бар айым катары билем.

3. Эпитеты, подчеркивающие верховенство, преобладание, полезность и распространенность правила: *важное* - зарыл, керек; *великое* - улуу; *верховное* - жогорку, жогорку деңгээлдеги; *высшее* - жогорку; *главное* - башкы; *жизненное* - турмуштук, турмушка зарыл; *житейское* - күндөлүк, күнүмдүк, тиричиликтеги, тиричиликтин; *мудрое* - акылман, акылга калчалган / сугарылган; *необходимое* - зарыл, керектүү; *основное* - негизги; *первое* – алгачкы, биринчи; *практическое, превосходное* - мыкты, сонун; *разумное* - ойлонулган, негиздүү; *справедливое* - туура, адилеттүү; *хорошее* - жакшы, сонун; *честное* - туура, ак ниеттүү и пр.

Для художника, для ученого..., для всех существует одно **великое и обшее правило**: *идея прежде всего*! (Писарев. Реалисты).- Сүрөтчү үчүн, окумуштүү үчүн..., баары үчүн “эң алгач идея!”деген бир **улуу жана жалпы эреже бар.**

“Один за всех, все - за одного” - **главное правило** *любой счастливой семьи.* - “Бирөө - баары үчүн, баары - бирөө үчүн” - ар кандай бактылуу үй-бүлөнүн **башкы эрежеси**.

4. Эпитеты, определяющие сферу применения правила: *арифметическое правило* - арифметикалык эреже, эсеп эрежеси; *воинское правило* - аскер эрежеси, аскердик эреже; *гигиеническое правило* - гигиена эрежеси, гигиеналык эреже; *нравственное правило* - нравалык эреже, жүрүм-турум эрежелери; *школьное правило* - мектеп эрежеси, мектептик эреже и др.

Как видим, адъективные лексемы, определяя существенные свойства и признаки слов типа *традиция, обычай, правило* и др., относящихся к системе номинантов концепта «Традиция», сами участвуют в материализации этого концепта, внося в содержание высказывания дополнительные смыслы и занимая в целом периферийное место среди номинантов концепта.

3.4. О некоторых паремийных средствах передачи традиционных установлений этноса

К паремиям относят малые жанры фольклора - поговорки, пословицы, загадки, приметы, велеризмы, формулы благословения, клятвы, проклятия, побасенки, анекдоты и т.д., которые отражают традиционные, устоявшиеся представления этноса о жизни. Мы здесь ограничимся краткой характеристикой отдельных разновидностей паремии как средств выражения этнического взгляда на мир.

Заметное место в паремийном фонде кыргызского фольклора занимают велеризмы. Велеризмом называют паремию, состоящую из высказывания в форме прямой речи, говорящего лица и указания на условия или обстоятельства высказывания. Впервые велеризм как вид паремии был выделен и описан финским паремиологом А.Тейлором в исследовании, посвященном провербиальным образованиям (1962). Он же дал название «веллеризм» по имени Самюэля Веллера - действующего лица «Записок Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса. Именно в этом сатирическом произведении благодаря «веллеризмам» действующие лица и события получают остроумные, ироничные и меткие характеристики [53, с. 573; 190, с. 96]. Эти остроумные изречения послужили образцом и основанием для появления и обособления велеристического высказывания как одной из разновидностей афористики.

В велеризмах сконцентрированы народные понятия и представления о событиях и ситуациях действительности, о взаимоотношениях людей в обществе, о добре и зле. Они наглядно показывают, что в человеке хорошо, что плохо, что неприемлемо, что наказуемо, с чем нужно бороться, а чему следует подражать, взяв за образец. Часто велеризмы:

1) демонстрируют тщетность человеческих усилий там, где надо только следовать природным и общественным законам: *Насаатчысына: «Болуңуз тез, койлор кетип баратышат!» - дептир карышкыр.* - «Поторопитесь, а то стадо уходит! - сказал волк своему наставнику»;

2) высмеивают зависть и злорадство, свойственные людям: *«Төкөрдүн кантип бийлээрин көрөбүз»,- дептир сокур.* - «Посмотрим, - сказал слепой, - как хромой танцует»;

3) показывают беспредельность материнской любви: *Карга баласын: «Аппагым», - дейт.* - Ворон говорит: «Мои птенцы белоснежные»;

4) выражают самоуспокоение при неудаче: *Мышык майга жетпей: «Сасык», - дейт.* - Кошка, не достав масла, говорит: «Воняет»;

5) демонстрируют недальновидность и узость интересов: *Коендон: «Эмне жакшы?»- деп сурашса: Итти мурда көрө коюу», - дептир.* - Когда у зайца спросили: «Что хорошо?», он ответил: “Увидеть собаку раньше, чем она тебя”;

6) передают глупость и алогизм в утверждении: *«Атам экөөбүздө бир катын», - дептир апенди.* - У нас с отцом одна жена», - сказал Ходжа Насретдин и т.д. Последний пример по содержанию алогичен, встречается в просторечии и используется в случаях, когда два человека выполняют одну и ту же работу или занимаются делом, которое мог бы выполнить один человек.

Велеризмы многосторонне отражают и интерпретируют жизненные ситуации и события, поведения и поступки людей, возносят высокие моральные ценности (правдивость, доброту, порядочность и т.д.), осуждают убийство, злословие, провокации, хвастовство, жадность и другие социально опасные качества людей.

Формулы благопожелания также составляют один из видов паремийных изречений. Они были предметом изучения А.Абдулатова [3, с.83-90]. Кыргызский термин *бата* имеет арабское происхождение и является названием первой суры корана (фатиха). Благопожелание ситуативно и прагматически обусловлено. Оно предполагает наличие адресанта и адресата. Адресат - это то лицо, которое произносит его, отправитель благопожелания. Само благопожелание предполагает определенную ситуацию.

Адресант и адресат неравноценны. Адресант активен, старше по возрасту (это обычно пожилой человек), произносит благопожелания. Адресат пассивен, молча принимает благопожелание. Он совершил доброе дело старику: помог

сесть на коня или слезть с него, подправил галоши при выходе из дома, купил для него лекарство и т.д. или организовал угощение, скачки и другие зрелища для населения, отремонтировал мост, заасфальтировал переулок или улицу и т.д. Благопожелание произносится и на свадьбе (в адрес молодожен), на юбилейных торжествах, на встречах кандидатов в депутаты с избирателями и в других ситуациях.

Благопожелания бывают разного объема. Но чаще всего это небольшие типовые образные выражения: *Максатыңа жет* «Достигни цели», *Чоң киши бол* «Стань большим человеком», *Өмүрүң узун болсун* «Пусть жизнь твоя будет долгой», *Үйүңөр ак жолтой болсун* «Пусть ваш дом принесет счастье » (при новоселье), *Жолуңар шыдыр болсун*, *жолдошуңар Кыдыр болсун* «Пусть ваша дорога будет открытой, пусть вашим спутником будет пророк Хизр» (при выходе в дальний путь) и т.д. Считается, что благопожелания выполняют важную суггестивно-внушающую, целенаправляющую и контакто-устанавливающую функцию. Благопожелания имеют тематические типы и различаются по характеру ситуации. Они могут быть адресованы беременным женщинам, молодоженам, новорожденным, новоселам, призывникам, отправляющимся на Хадж, на путешествие, курорт или лечение, возвратившимся из армии и т.д. Соответственно они выполняют позитивную роль в жизни общества, в консолидации действий его членов. Благопожелания отражены и в киргизских именах: *Эсентур* «Оставайся здоровым», *Бектур* «Оставайся крепким», *Досбол* «Будь другом», *Нурбол* «Будь лучом» и т.д., которые тоже существенны для целеустремленного роста личности.

От благопожеланий резко отличаются проклятия. Проклятие так же, как и благопожелание, ситуативно мотивировано. Для проклятия требуется соответствующая ситуация, которая предполагает наличие адресата и адресанта. Субъектом проклятия выступает адресант, объектом - адресат, т.е. адресант является отправителем проклятия, а адресат - его получателем, рецепиентом. Виновником произношения проклятия чаще всего выступает адресат, совершивший тот или иной проступок, тот или иной вид зла (телесные

повреждения человеку, воровство, провокация, клевета, обман и т.д.). Приведем отдельные образцы проклятий: *Атаңа / падарыңа наалат* «Проклятие отцу твоему», *Өлүгүңү / Өлүгүңдү / өлүкканаңы / өлүкканаңды көрөйүн* «Чтобы я увидела твой труп / помещение с твоим трупом», *Кара башыңы же* «Съешь свою коварную (скверную) голову», *Кара кийип кал* «Надень траур», *Үйүң күйсүн* «Пусть сгорит твой дом», *Жалгыз балаңын / балаңдын боорун же* «Съешь печень своего единственного ребенка», *Каргышың кара башыңа тийсин* «Пусть твое проклятие коснется твоей коварной головы» и т.д. Проклятие, хоть и содержит в себе отрицательные и часто бранные концепты, играет позитивную роль в жизни человека. Оно заставляет быть людей осмотрительными, порядочными, добрыми, не совершать злодеяния, коварство, вредительство и думать, говорить и поступать правильно.

Среди паремий особое место занимают **клятвы**. В них часто аппелируют к именам богов, пророков, предков. Злоупотреблять клятвой нельзя. Ее святость очень велика. К формулам клятвы приписывается магическая сила. Ср. некоторые примеры: *Кудай мени урсун* «Пусть меня накажет бог», *Кудай алсын* «Пусть заберет (убьет) Бог», *Ант урсун* «Пусть клятва покарает», *Ата-бабамын арбагы урсун* «Пусть дух предков меня накажет», *Нан урсун* «Пусть хлеб покарает». Весомы также клятвы землей, небом, солнцем, именем Манаса, горой Ала-Тоо, матерью, отцом. Лица, злоупотреблявшие клятвой, лишаются авторитета, чести и совести. Они приобретают сомнительную репутацию. Их называют лжеприсяжниками. Лжеприсяжник в ираноязычной культуре - это манкурт, манкарт, мангарт [198, с. 114].

Между клятвой и проклятием существует отношение варьирования. Замена местоимения 1-го лица единственного числа местоимениями 2-го и 3-го лица способствует преобразованию клятвы в проклятие: *Мени Кудай алсын* «Пусть убьет меня Бог!» - *Сени Кудай алсын* «Пусть убьет тебя Бог», *Аны Кудай урсун* «Пусть накажет его / ее Бог». И клятва, и проклятие - это отрицательные пожелания, «направляющие» на объекты покарания Творца. Субъект здесь - Бог. Он должен наказать людей, совершающих злодеяния и

дающих ложную клятву. Как видим, изменение элементов клятвенной формулы приводит к смене ее видовой сущности: клятва трансформируется в проклятие.

С помощью клятвы и проклятия бичевалось и искоренялось все антиобщественное, аморальное, антигуманное, безнравственное. Они не потеряли эту роль и в настоящее время. Народ, правда, не позволяет отдельным людям злоупотреблять магической силой этих формул, несущих сильнейший негативный посыл. Поэтому в народе говорят: *Өзүңө каалабаганды башкага каалаба* «Не желай другому того, чего не желаешь себе».

Клятвы, проклятия в настоящее время приобретают черты устарелости. Архаизмами становятся и некоторые идеологические призывы. Идеологические клише-императивы были очень распространены в советское время. Каждый значительный праздник не обходился без официально опубликованных призывов ЦК КПСС и Советского правительства: *Слава КПСС! Да здравствует Первое Мая - День международной солидарности трудящихся! - КПССке даңк! Жашасын Биринчи Май - эмгекчилердин эл аралык тилектештигинин күнү!* и т.д. Из коммунистических призывов особенно повезло изречению - императиву *Пролетарии всех стран, соединяйтесь! - Бүткүл өлкөлөрдүн пролетарлары, бириккиле!,* который существовал с 1848 года до развала социалистической системы, а ныне используется как идеологическое клише в отдельных странах (Куба, Северная Корея). Он сыграл важную роль в консолидации трудящегося населения в борьбе за социальную справедливость. Призыв к конфронтации между различными классами и социальными слоями общества в век толерантности и согласия теряет свою актуальность.

В формировании и развитии общечеловеческих морально-нравственных ценностей значительна была роль **библейских императивов**: *Бога бойся, храни его заветы - Кудайдан коркуп, осуяттарын сакта; Да не будет у тебя других богов. - Башка кудайларың болбосун; Не делай себе кумира. - Өзүңө кумир жасабагын; Не обращай алчных взоров на достояние ближнего твоего. – Ач көздүгүңдү жакыныңын мүлкүнө багыттаба; Не прелюбодействуй – Ала*

жипти аттаба; Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. - Жакыныңа жалган күбө сөз айтпа; Не убий – Өлтүрбө; Не укради - Уурдаба; Помни день судный. – Кыямат күндү унутпа; Почитай отца твоего и матерь твою. - Атаңды жана энеңди сыйла и т.д. [3, с.78]. Они оказали мощное влияние на этические представления многих народов мира.

Такие императивы являются константами не только христианской, но и исламской, буддийской, даосской и других культур.

3.5. Кыргызские лингвоэтнокультурные запреты и их место в структуре концепта «Традиция»

Концепт «Традиция» - многослойное и сложно устроенное ментально-языковое образование, состоящее из различных представлений, образов, понятий, фреймов, скриптов, гештальтов, пропозиций и других элементов и категорий. Среди этих категорий особое место занимают пропозиции.

Пропозицией называется семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложения и производных от предложений синтаксических конструкций [211, с. 401]. Известно, что такое значение термин «пропозиция» приобрел только в конце 19-го и начале 20-го веков в работах по логическому анализу языка науки. Стимулом к формированию современной концепции пропозиции послужили идеи Г.Фреге, который отделил мысль от акта ее утверждения говорящим.

Согласно точки зрения Г.Фреге, объем понятия пропозиция был ограничен частью предложения, высказывания или речевого акта [см. 167, с. 37] Эта идея отвечала давней традиции к **расчленению предложения на объективную семантическую константу**, способную получать истинностное значение, и **субъективную переменную**, выражающую отношение значения предложения к действительности (модальность), оценку достоверности сообщаемого говорящим, коммуникативную задачу высказывания и эмотивное отношение говорящего к сообщаемому. Другие особенности пропозиции со ссылкой на

У.Куайна выделяет Н.Д.Арутюнова. Она в своей книге «Предложение и его смысл» [6, с. 514] пишет: «Современная логика, а вслед за ней и лингвистика часто прибегают к понятию пропозиции. Обсуждая роль этого понятия в логических построениях, У.Куайн отмечал, в частности, что этот термин был отнесен к необходимой в логических операциях семантической константе, обозначая то общее, что существует между данным предложением и его переводами на другие языки или его внутриязыковыми перифразами. Нужда в пропозиции ощущалась столь остро потому, что речь шла о некоторой ключевой категории, по отношению к которой осмыслялись другие логические понятия. Так, например, синонимия предложений обычно определяется через идентичность пропозиции». Из этих высказываний ученых вытекают несколько выводов, необходимых для описания некоторых типичных этноментальных выражений кыргызского языка и их переводов на русский язык.

Во-первых, понятие пропозиции является одним из ключевых в теории синтаксиса.

Во-вторых, оно позаимствовано лингвистами из логики и используется для обозначения постоянных и устойчивых элементов семантики предложения.

В-третьих, пропозиция - это семантическая константа предложения, сохраняющаяся при различных преобразованиях фразы.

В-четвертых, синонимические и варьирующиеся переводы предложения имеют идентичную пропозицию.

В-пятых, разные переводы одного и того же предложения представляют собой иноязычные трансформы или перифразы, обладающие общей пропозициональной структурой.

В современном языкознании понятия «константа» и «переменные» используются весьма активно. Если они раньше встречались в науковедении, логике и математических науках, то в настоящее время стали продуктивными научными терминами и в лингвистике.

В языкознании их стали употреблять, начиная с недавнего времени (М.М. Гухман, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, А.Е. Кибрик, Л.И. Дрофа, К.З.

Зулпукаров, М.А. Атакулова, А.А. Калмурзаева, Д.Т. Айылчиева, А.А. Джусупова и др.) [6, с. 447-564; 53, с. 565-685]. Идея константы связана с общими, базовыми, устойчивыми свойствами и единицами языка, идея переменной с изменяющимися, варьируемыми и трансформируемыми характеристиками языковых знаков. Константные начала есть как в концептах когнитивно-языковой картины мира этноса (родина - мекен, человеколюбие - адамгерчилик, Бог - Кудай, родители - ата-эне, любовь -сүйүү и др. в русской и кыргызской лингвокультурах), так и в инвариантно-тематических парах (содержание - форма, целое - часть, начало - конец, сильное - слабое, свое - чужое и др.) и когнитемах (Один - никто / ничто, два / много вместе - сила, Двое / много слабых сильнее одного большого, Одна рука / нога не заменит две руки / ноги и т.д.) пословично-поговорочных изречений [71, с. 7-12].

В провербиальных знаках языка, то есть в пословичных и непословичных фразеологизмах, отражается многовековой опыт народа, константы его сознания и культуры. **Обобщенные устойчивые смыслы пословично-поговорочных и иных изречений определяются как константы представлений этноса о мироздании, природе, обществе, мышлении, нравственности, истории** и т.д.

Паремийные изречения относятся к устойчивым, моделируемым и воспроизводимым языковым знакам. Под воспроизводимостью понимается способность устойчивых образований извлекаться из памяти в готовом виде, а не создаваться в процессе речетворчества, под моделируемостью - наличие типового каркаса фразы, допускающего формализацию и представление с помощью условных знаков. **При производстве речи говорящий путем «перебора» ищет в понятийно-тематических ассоциативных ресурсах своей памяти адекватные ситуации, традиционно используемые устойчивые словесные комплексы, необходимые для усиления образности, убедительности и эффективности выражаемой мысли.**

Традиционность таких комплексов включает в себя наличие отдаленного или ближайшего источника, общепризнанность, общеизвестность,

многократную повторяемость, длительность применения, апробированность на практике и другие свойства устойчивых образований. Правда, многими учеными **устойчивость фразеологизмов неоправданно преувеличивается, даже абсолютизируется как непреложное условие их существования и функционирования.** Например, по мнению Н.М.Шанского, «постоянство состава и местоположение компонентов фразеологизма носит такой же характер, какой можно отметить для морфемного состава слова» [цит. по: 6, с. 453]. Собранные нами материалы заставляют нас усомниться в правоте данного автора и писать о широте амплитуды трасформирования пословично-поговорочных и других фразеологизмов.

Трансформируемость и варьируемость пословично-поговорочных и других афористических средств языка специально рассматривались в работах А.А.Джусуповой [53, с. 565-585], С.М.Амиралиева [13, с. 14] и Д.Т.Айылчиевой [6, с. 447-564], в которых на материале фактов кыргызского языка, множества других языков, а также переводов изречений Конфуция на русский и кыргызский языки основательно продемонстрирована несостоятельность сравнения устойчивости состава фразеологизмов с устойчивостью морфемного строения слова.

Мы в настоящем параграфе хотим показать единство констант и переменных на фактах запретов-императивов, являющихся важными элементами традиционной лингвокультуры кыргызского этноса.

В кыргызском фонде паремий широко представлены **запреты, связанные как с практикой и реальными жизненными ситуациями, так и с поверьем, предрассудками, суевериями и религией.** Их называют по-кыргызски по-разному. Койчуманов Ж.Ы. использовал термины *жүрүм-турум эрежелери* “правила поведенческих запретов”; *ырым-жырымдар* “поверья и приметы; предрассудки; суеверие” (где *ырым* “вера в приметы, в предзнаменования”) и считал соответствующие речевые формулы “истоком народной педагогики” [103, с. 459].

По его мнению, «жүрүм-тыйымдар - элдик нормаларды камтыган элдин адеп-ахлактык тарбиясы, маданияты, элдин коомдук, саясий, экономикалык көрсөткүчү». Алар адамдын айлана-чөйрөгө, өз ара жана дүйнө менен карым-катнаштарындагы көз караштардын философиялык туундулары, көп кылымдык тажрыйбаларынын натыйжалары. Булар жазылбаган мыйзам, эреже катары аткарууга милдеттүү болуп, балдарды күндөлүк турмуш-тиричиликтин маданиятына чакырган... Жаштарды адептүүлүккө, түз жолго, нысаптуулукка, абийирдүүлүккө, калыстыкка, адилеттүүлүккө, ыймандуулукка ж.б. үндөгөн жүрүм-турумдар, ырым-жырымдар көп. Алар улам кийинки муундун акыл-туюмуна орноп, атадан балага, кылымдан кылымга өтүп, бүгүнкү күнгө чейин айтылып келет... . Элде тыюу салынган нерселер көп, тек гана “антпе жаман болот” деп коюшат... Элдик жүрүм-тыйымдар буюруу (буйрук берүү) иретинде айтылат [103, с.459-560]. В этом рассуждении ученого выделены следующие особенности народных запретов:

1) традиционность и общенародность поведенческих запретов;

2) способность передаваться от одного поколения к другому, от одного века к следующему;

3) обязательность соблюдения членами социума этих неписаных законов и правил воспитания молодежи;

4) отраженность в них многовекового опыта, мировоззрения и знания о мире, взаимоотношениях и повседневном быте людей;

5) способность учить молодое поколение нравственным нормам - гуманизму, вежливости, справедливости, совестливости, сдержанности, честности и т.д.;

6) выраженность поведенческих запретов в виде приказов и повелеваний.

Ясно, что **лингвоэтнокультурные запреты играют важную социально-регулирующую функцию.** В порядке обсуждения отметим следующее. Часть запретов лишена воспитательной ценности. Они содержат предрассудки и поверья без особой природной и жизненной мотивации. Поэтому к запретам необходимо относиться критически и в воспитательных целях использовать

только такие, которые способствуют развитию ума и нравственных качеств молодежи. Это, во-первых. Не все запреты формируются в виде повелеваний. Автор местами противоречит самому себе. На с.46 он приводит три примера: *Ак төгүлсө жакага сүртөт* “Если молочное выливается его вытирают на воротник”, *Акты “куу” дейт*” “Белое называют серым”, *Акты төкпө* “Молочное не выливай”. Эти примеры даны подряд. В них содержится призыв к бережному отношению к молочным продуктам, к белому (чистому) цвету, т.е. фразы могут выполнять воспитательную роль. Однако первая фраза имеет суеверный смысл. Ее значение не согласуется с нормами гигиены, современной этики и морали. К тому же, в ней нет приказа: предложение повествовательное. Второе предложение содержит исламское табу не применять слово *ак* “белый, чистый, честный” - один из эпитетов Аллаха в качестве определения к названиям животных, мясо и молоко которых не употребляют в пищу: нельзя говорить *ак эшек* (надо *куу эшек* “серый / белый осел”), *ак ат* (надо *боз / кызыл ат* ”серый / красный конь”), *ак чочко* (надо *куу чочко* “серая / белая свинья”*), ак ит* (надо *куу ит* “серая/белая собака”) и др. Второе предложение тоже повествовательное. Только последнее повелительное и соответствует установке автора. Таких противоречий в сборнике Койчуманова Ж.Ы. немало. Но этот сборник заслуживает внимания и уникален полнотой представленных в нем примеров. В сборнике “поведенческие запреты” даны отдельно от пословиц и поговорок [с. 30-458] под заголовком “Нуска сөздөр жыйнагы / Сборник мудрых слов” [с. 459-490], в котором приводится 817 “поведенческих запретов”. Часть примеров для анализа мы взяли из этого собрания.

В нашей работе анализируются также запреты, приводимые С.Рысбаевым [155, с. 8-36].

В высказываниях *Ымыркай баланы өппөйт / Ымыркайды өбүшпөйт / Ымыркай баланы өппө / Ымыркай баланы өбүүгө болбойт / Ымыркайды өппөгүлө...,* различных по объему, составу лексем, интонационному строению и семантическим оттенкам, есть **константный смысл, запрещающий поцелуй младенца.** Все варианты предложения являются его субъективными

переменными или трансформами. Варьирование фразы зависит от системы языка, допускающей или не допускающей те или иные виды преобразований. А выбор той или иной трансформы и соответствующей интонации подчиняется речевому опыту и вкусу производителя речи, его психическому состоянию и субъективно-личному отношению к адресату общения, предмету разговора, времени, месту, ситуации и другим экстралингвистическим факторам. Ясно, что младенец мал, нежен и слаб. Он должен быть защищен от посторонних глаз (от сглаза), от чужого телесного соприкосновения, от невидимых вредителей организма (микробов, зараженных частиц и т.д.). В случае поцелуя пожилые люди сразу отворачиваются от младенца и три раза плюют в сторону. Иногда они, слегка щипнув нос или щеку, целуют свою руку. Это успокаивает мать ребенка, но не оберегает его от “сглаза” или заражения.

Мы можем сказать, что данный запрет, распространенный среди кыргызов, имеет и константное начало, и целый ряд трансформ. Запрет играет позитивный смысл в том отношении, что он как бы защищает малыша от нежелательного отрицательного воздействия со стороны - психологического, физиологического и гигиенического.

По отношению к детям существуют и другие запреты с константным значением и возможностью видоизменяться в различных условиях общения.

Среди кыргызских поверий существуют такие речевые формулы, которые призывают бережно относиться к детской колыбели. Например, кыргыз говорит *Бешикти аттап өтпөйт* “Не перешагивают люльку”. Данная форма является распространенной и общепринятой структурой. Имеются и другие варианты: *Бешикти аттаба / Бешикти аттап өтпө / Бешикти аттабагыла* и др., которые используются редко и в конкретных речевых ситуациях, например, после совершения запрещаемого действия. Основная форма - обобщенно-личное односоставное предложение, относящееся к любому потенциальному субъекту. В выражении подчеркивается священный характер детской колыбели. На нем проводит время младенец. Люлька-бешик - вещь, передаваемая от поколения к поколению, от старших к младшим. Не принято, оставлять люльку

открытой, которая всегда должна быть под покрывалом. Ее, пустую, всегда ставят на высоком месте.

К такому же отношению к люльке призывает другое табу: *Бешикти куру терметпейт / тербетпейт* “Пустую люльку не качают”. Для кыргызского менталитета свойственно не качать пустую люльку. Из двух вариантов основной формы первый встречается в северном диалекте языка, второй - в южном. Оба широко используются в языке. Запрет как бы “предохраняет” смерть младенца. Есть и другие табу, связанные с детской колыбелью: *Бешикти эки адам көтөрбөйт* “Два человека не носят люльку”(а ведь вдвоем носят покойника!), *Бешикке өбөктөбө* “Не склоняются к люльке” (а ведь склоняются над покойником, опираясь на посох!), *Бешикти теппейт* “Не толкают ногой люльку” и т.д. Последнее имеет и развернутые варианты: *Бешикти бут менен теппейт / Бешикти бутуң менен теппе* и др.

К этой группе запретов относятся варианты устойчивого выражения: *Тили чыга элек баланы күзгүгө каратпайт / Тиши чыга элек балага күзгү каратпайт / Тили чыга элек балага күзгү каратышпайт го* и др. “Младенца, еще не говорящего, не показывают в зеркале”. Есть в народе предубеждение: если малыш посмотрит на себя в зеркало, то он не будет говорить. Считается, что зеркало имеет тайну, отражает иные миры, сохраняет в памяти старые образы и события, которые как бы оказывают отрицательное влияние на формирование и развитие первичных речевых навыков у ребенка.

В кыргызских поверьях встречаются и такие устойчивые пропозиции, которые имеют сложное строение. В следующем запрете содержится указание на условие, при котором не следует совершить действие: *Наристе сасык тумоолоп калса, түндөсү чыракты өчүрбөйт* “Если младенец заболел гриппом, то ночью лампу не гасят”. Это объемное изречение с таинственно-ментальным содержанием многовариантно. Но главное в другом. В народе существует мнение: при свете исчезают силы, приведшие ребенка к недугу, больной чувствует себя бодро и быстро выздоравливается.

Таким же сокрально-ментальным содержанием обладает целый ряд других запретов, связанных с маленькими детьми:

1. *Баланын кир суусун караңгыда сыртка төкпөйт* “Грязную воду от мытья ребенка не выливают ночью на улицу”.

2. *Балага жаңы кийим кийгизээриң менен өөп кой* “Как только наденешь на младенца новую одежду, поцелуй его”. Это придает ему силу и уверенность.

3. *Наристенин кийимин сыртка калтырба* “Не оставляй одежду младенца на ночь на улице”. Злые духи осквернят ее, что принесет ему беду.

4. *Баланын таманын өппө / өппөйт* “Не целуют в ступню ребенка”. Поцелуй сделает его легкомысленным, и он будет пренебрегать тобой.

5. *Жалгыз уктаганда наристенин башына нан же бычак коет / кой* “Когда младенец спит один, подложи ему под голову хлеб или нож”. Считается, что эти предметы охраняют ребенка от всяких бед, прежде всего - от нечистых духов.

Каждая из этих речевых формул, выступающих носителями старых этнокультурных воззрений, допускает многонаправленное трансформирование первичной фразы по правилам опущения, добавления, замены, перестановки и преобразования. Например, последняя фраза имеет целый ряд переменных с общим константным смыслом: 1. *Бала жалгыз уктаганда нан же бычак коет* (замена, перестановка). 2. *Жалгыз уктаганда баланын башына нан, бычак коет* (замена, опущение). *3. Наристе жалгыз уктаганда башына бычак коет* (перестановка, опущение). 4. *Наристенин башына жалгыз уктаганда бычак же нан коет* (двойная перестановка) и т.д. Эти преобразования, не нарушая общего коммуникативно-информационного задания, сохраняют инвариантно-пропозиционное значение: “Хлеб и нож как символы сытости и защиты охраняют детей от всяких напастей”, что вселяет в сознание родителей уверенность в том, что ребенок будет спокойно и благополучно спать. Иначе говоря, поверье необходимо не столько адресату, сколько адресанту. Данный запрет снимает с адресанта чувство беспокойства относительно качества и длительности сна у малыша.

Теперь переходим к демонстрации лингвоэтноментальных запретов кыргызского народа, связанных с **питанием и угощением**.

Кыргызы высоко ценят хлеб и его роль в жизни человека. Для них хлеб - это символ сытости. Хлеб оценивается как святой продукт. В этноментальном сознании народа хлеб ставится выше, чем даже священная книга мусульман. В народе говорят: *“Если не достанешь хлеба, подложи под ногу “Коран” и возьми”*. Это изречение мы встречаем среди правил шариата [155, с.9], что говорит о высочайшей ценности хлеба в жизни общества. Старшее поколение кыргызов до сих пор заставляет молодых подбирать крошки хлеба на скатерти и есть. Говорят еще: *все продукты надоедают, только не хлеб.* Это истина. Она в доказательстве не нуждается. Есть пословица: *Дүйнөдө нан улук.* - В мире хлеб велик. В этих формулах подчеркивается значимость хлебопродуктов в жизни народа. Но в них отсутствует запрет. Теперь приведем запрет, отражающий отношение кыргыза к хлебу.

I. *Нанды тепселебейт* “Хлеб не попирают ногами”. Это формула воспитания. Она способствует бережному отношению к хлебу. Данная формулировка типовая, самая распространенная. Предложение носит обобщенно-личный характер. В нем нет подлежащего. В качестве субъекта может быть любой человек. Фраза адресована всем и каждому. Она может быть преобразована. Если конкретный человек наступает на хлеб намеренно или нечаянно, другое лицо называет данную формулу или же более категоричные варианты: *Нанды тебелебе*! (ед.ч.). *Нанды тебелебегиле!* (мн.ч.). *Нанды тебелебес керек!* и т.д.

1. *Нан менен бычак аарчыбайт* “Не чистят хлебом нож”.

2. *Нанды көмкөрөсүнөн койбойт* “Лепешку не кладут лицевой стороной вниз”. Это неуважение к хлебу.

3. *Нандын үстүнө эч нерсе койбойт* *“*На лепешку ничего не кладут*”*(например, посуду, фрукты и т.д.).

4. *Нандын бетин ачык таштабайт.* “Хлеб не оставляют открытым”, что обеспечивает чистоту продукта и защиту от мух, муравьев и других насекомых.

5. *Алыс жолго чыкканда жанына нан алып жүрөт.* “Когда выезжают на дальнюю дорогу, берут с собой хлеб”.

6. *Нанды тепетең сындырат* “Лепешку поровну разламывают”. Последние два выражения не являются запретами, но имеют отношение к ним, потому что легко преобразуются в запрет.

II. *Тамакты тасторконсуз ичпейт* “Пищу не принимают без скатерти”. Прежде чем подать пищу, надо разложить скатерть. Скатерть, ее качества - это лицо хозяев, признак их достатка и отношения к гостям. Считается, что все благопожелания гостей адресуются скатерти, которая впитывает в себя их и передает хозяевам. На дороге, во время экскурсии, путешествий тоже под продукты питания подкладывается чистая материя или хотя бы газета вместо скатерти.

III. *Тамакка өзүнүн колун биринчи салбайт* “На пищу первым не протягивают руку”. Кыргызы подавали пищу в больших общих посудах и ели руками. Протягивать первым руку считалось неприличным. Только после разрешительной просьбы хозяев по старшинству они приступали к приему пищи. Протягивать к пище раньше старших, есть куски пищи, находящиеся перед соседями, брать очередной кусок, не проглотив прежний, или сразу два куска, переедаться и т.д. считаются признаками невоспитанности, неуважения к хозяевам и их гостям.

IV. *Дасторконго баш-аламан отурбайт / олтурбайт* “Не садятся за скатертью без порядка”. Существует общепринятый порядок рассаживания гостей. В семейном круге почетные места занимают старшие ее члены. Из числа гостей самыми почетными считаются родственники матери, затем - родственники невесты, далее - родственники мужа дочери. Они также располагаются в соответствии с возрастом. Часто принимается во внимание дальность места жительства гостей по принципам “преодоление одного, двух...перевалов”, “переправа через одну, две...реки ” и т.д. В юрте хозяев дочери занимают места на левой стороне ниже матери с учетом возраста, сыновья - на правой стороне ниже отца по старшинству. Некоторые элементы

этого обычая учитываются и при рассаживании гостей на современных свадьбах в ресторанах и кафе.

V. *Куттуу үйдөн кур чыкпайт* “Из счастливого дома с пустыми руками не уходят” (т.е. не уходят, без подарков) в значении русской пословицы: от щей добрые люди не уходят [209, т.1, с.453]. Юдахин К.К. использует императивный вариант: *Куттуу үйдөн кур чыкпа,* а Рысбаев С. - повествовательный*: Куттуу үйдөн кур чыкпайт* [155, с.6-7]. Смысл пословицы заключается в том, что любой посетитель семьи или дома должен что-то отведать, что-то получить от их хозяев. Уважаемые получают головные уборы (калпак, шапку, платок), одежду (платье, рубашку, костюм, пальто, шубу и т.д.), обувь, а рядовые, простые угощаются хлебом, маслом, кислым молоком, кусками мяса и т.д. Считается, что гость приносит в эту семью благополучие и благодать, умножает ее состояние.

VI. *Алдыга келген ашты күттүрбөйт* “Не заставляют ждать поданной пищи”. Эта пословица требует, чтобы члены семьи одновременно сели и приступили к приему пищи. После ее подачи подниматься с места и выходить из круга сидящих не рекомендуется. Только обслуживающие члены семьи (это обычно невестка) могут опоздать или покинуть стол, если возникают неотложные дела.

VII. *Дасторконду тетири салбайт* “Скатерть не стелят наизнанку”. *Дасторкондун учун кайырбайт* “Конец скатерти не отворачивают”. *Дасторконду көтөрүп жайбайт* “Скатерть не стелят, поднимая вверх”. *Дасторконду жылдырып жаят, жылдырып жыйнайт “*Скатерть стелят сдвигая, убирают сдвигая” и т.д. Последняя фраза состоит из двух однородных предикатов и не является запретом. Она разъясняет предыдущую пословицу. В народе считается, что застеленная наизнанку скатерть приносит несчастье семье и является признаком неуважения к гостям. А требование не отворачивать конец скатерти, вероятно, связано с предположением о возможности свертывания и сокращения благополучия в семье.

VIII. *Куру дасторконго бата тилебейт* “Не просят благопожелания к пустой скатерти”; *Куру дасторконго бата жүрбөйт* “Благопожелание не идет на пустую скатерть”. В народе существует мнение о том, что любая пища, питательное вещество обладает свойством воспринимать информацию, особенно благопожелания и проклятия, которые вместе с пищей проникают в организм и дух человека, оказывая на человека позитивное и негативное воздействие. А чтобы благопожелания достигли до адресата, положительно повлияли на его здоровье, действия и планы, он должен угостить тех, кто “отправляет” в его адрес необходимые положительные “частицы” и “волны” (говоря словами одного из моих респондентов). Для этого важно, чтобы на скатерти были яства, принимающие и передающие адресату благопожелания.

IX. *Бышып турган ашты таштабайт* «Не оставляют готовящуюся пищу». Если готовится пища для гостя, то он не должен покидать дом. Уход в этом случае воспринимается как пренебрежение, неуважение к данной семье. Требуется хотя бы отведать ее. Неявка в гости по приглашению тоже считается пренебрежительным отношением к хозяевам, к их расходам и ожиданиям. В таких случаях говорят, что человек, не соизволивший себе быть гостем, потерпит неудачу, беду.

Как видим, в кыргызской лингвокультуре существует целый ряд провербиальных средств языка, отражающих особенности отношения этноса к питанию и угощению.

Третью группу запретов составляют провербиальные единицы языка, связанные с **домашними животными**. Подобных примеров довольно много. Мы приведем и прокомментируем только некоторые из них.

Кочевники дорожат местом нахождения скота. Поэтому они говорят: *Мал короодо даарат ушатпайт.* «В скотном дворе не мочатся». Существует поверье, согласно которому, когда человек неуважительно относится к скоту, не содержит его в чистоте и сытости, от него уйдет благополучие и его двор оскудеет. С этим предубеждением, видимо, связан смысл другого запрета: *Малды тээп айдабайт* «Не гонят скот, отталкивая ногой». Жизнь кыргызов

была зависимой от скота и его количества. Скот давал им продукты питания (мясо, молоко, сыр и т.д.), одежду (из кожи и шерстяной ткани), предметы быта (изделия из шерсти, щетины, костей и т.д.) и удобрение для земледелия. Считается, когда толкаешь ногой животных, то поступаешь против самого себя, самовольно выпускаешь из рук счастье и благополучие. К скоту необходимо бережное отношение.

Многие поверья связаны с коневодством. Приведем отдельные примеры.

Желедеги түйүндөрдү кеспейт, чечет. “Узлы на привязи не разрезают, а развязывают”. Иначе будет беда для табуна.

Бош ээрге / эгерге минбейт “На пустое седло садиться нельзя”. Обратное приведет к потере или гибели коня.

Жакшы ат менен бүркүткө так баа коюлбайт “Нельзя назначать на хорошего коня и беркута категоричную цену”. Их можно отдать, чтобы приобрести друзей.

Итке бээнин сүтүн бербейт “Собакам не дают кобылье молоко”, иначе лошадь станет непослушной, а кумыс будет свертывающимся.

Укурукту аттабайт “Укурук не перешагивают” (Укурук - это жердь с арканом, петлей на конце для поимки пасущихся лошадей). Такое поведение приведет к тому, что у кобылы будет выкидыш.

Ээр менен жүгөндү аттабайт “Не перешагивают седло и сбруи”. Иначе останешься без коня.

Чылбырды аттабайт. “Не перешагивают чембур (поводок)”. *Желени аттабайт, кулундун ноктосун жерге таштабайт, илип коет* “Через перевязь жеребенка не перешагивают, уздечку жеребенка не бросают на землю, а вешают”.

Атты чылбыр менен башка урбайт “Нельзя бить коня уздой по голове”, иначе конь теряет свои лучшие качества, счастье покинет его.

Тартуулганда же сатканда аттын жүгөнүн кошуп бербейт “Уздечку подаренного или проданного коня не отдают вместе с ним”, а то вместе с ней уйдет удача.

Желени аттабайт “Не перешагивают через аркан, на котором привязывают жеребят”.

Атты карап сийбейт “Не мочатся, глядя на лошадь”.

Мүрзөнүн жанынан чаап өтпөйт “Нельзя проскакать у кладбища”, иначе было бы неуважением к духу предков, Данное провербиальное образование тоже имеет множество вариантов: *Жайкананын жанынан ат чаап өтпөйт* (замена и вставка). *Мүрзөнүн тушунан ат чаап өтпөйт* (вставка). *Атты жайкананын тушунан чаап өтпөйт* (перестановка и замена) и т.д., где *мүрзө* “могила”, *жайкана* “кладбище”.

В пословицах существуют и гендерные ограничения: *Аял ат такалабайт* “Женщина не подковывает коня”. Предполагают, что рука у женщины легкая, поэтому конь ушибется. *Аял ат арканын аттабайт* “Женщина не перешагивает аркан, на котором связан конь”, иначе она не может забеременеть.

Жаш келин кайнатасы менен кайнагасынын ээрине минбейт “Молодые невестки (в случае верховой езды) не садятся на седло свекра и старшего брата мужа”.

Атчан аттын соорусуна камчы салбайт “Всадник не бьет по крупу своего коня кнутом”. Предполагается, что Кыдыр ата (Кызыр), святой покровитель всего и вся, сидит как раз на крупе коня, сопровождая одинокого путника.

Аттын жал-куйругун жөн кыркпайт “Просто так никогда не стригут гриву и хвост коня”. Так как такой процедуре подвергаться должен только тот конь, который принадлежит умершему человеку. Это плохая примета - знак траура.

Бош ээрге минбейт, токумду жөн жайбайт “Нельзя садиться на пустое седло, нельзя стелить подседельники в обычное время”. Считается, что это признаки человека, оставшегося в безлюдной местности с павшим замертво конем.

Атты кыйкырып, сөкпөйт “Нельзя на лошадь кричать, повышать голос, оскорбляя со словами непотребными”. Так как от этого обидится Камбар ата, покровитель лошадей.

Жылгын менен атты чаппайт “Не бьют по коню тамариской”.

Бээге кемчилигин айтып сүйлөбөйт “Беседуя с колыбой, не указывают на ее недостатки”, иначе она заболеет или не даст молока.

Бээ саап жатканда ага кыйкырбайт “Во время доения кобылы на нее не покрикивают”. *Бээ саап жатканда балтаны жыгачка чаппайт* “Во время доения кобылы не втыкают топор в дерево”. *Бээ саап жатканда ээсине жакын келбейт, саламдашпайт* “Во время доения кобылы не подходят к хозяину, даже не здоровываются”.

Өлгөндүн атын албайт “Не берут коня умершего человека” (на пользование, на аренду, не покупают).

Жылкыны, койду, төөнү башка чапса күнөө, эчки менен уйду чапса болот “Грешно бить по голове лошадь, овцу и верблюда, бить по голове козу и корову можно”. Неизвестно, чем мотивировано это деление животных на наказание. Может быть, коза и корова имеют рога.

*Айгырдын жал-куйругуна тийишпейт “*Не трогают гриву и хвост жеребца”, чтобы у него было много жеребят, как и его волосы.

Жылкы сойсоң, бир жума үйдөн чыкпа, уй сойсоң, бир жума үйгө кирбе “Если зарезали коня, целую неделю не выходи из дома, если зарезали корову, целую неделю не подходи к дому”.

Күн күркүрөп-жаркыраганда атка минбейт “Не ездят на коне во время грома и сверкания молнии”. Считалось, что шайтан, убегая от молнии, прячется под копытами коней. В таких случаях слезали с коня и мочили на его копыта, предполагая, что шайтан исчезнет.

Атты камчы менен чаппайт, жем менен чабат “Гонят лошадь не кнутом, гонят овсом”.

Ат жалына бут чыгарбайт [155, с. 13] “На гриву коня не ставят ногу”. Кыргыз считает гриву лошади священной. На дальней дороге за гривой

разговаривали, вспоминали прошедшие события, обсуждали предстоящие планы. Говорят еще *Ат жалында казан ас* (букв.). “На гриве коня (разведи огонь) повесь котел, т.е. готовь пищу”. Эту пословицу, преобразуя, комментирует Юдахин К.К.: *Ат жалына казан аскан* “тот, кто на гриве коня пищу готовит”, т.е. так занят, что даже, чтобы поесть, с коня не слезает [209, т.1, с.316]. Было время, когда проезжающих на конях через аилы женщины останавливали, подавали в чашках кумыс или кислое молоко, которые они отведывали или выпивали до конца, выражая благополучие семье угощающих женщин. Так же поступали, когда через аил проезжали представители другого аила на новое место летовки. В таких случаях считалось неприличием ставить одну из ног на гриву коня и принимать пищу, что понималось как неуважение к угощающим и к коню.

Ит аякты теппейт “Не пинают собачьи чашки”. Собака считается другом человека, семьи. Собака защищает хозяев, их скот, своевременно дает знать о приближении беды, хищников, посторонних людей. Она поедает остатки пищи, кости и несъедобные куски мяса. Хотя кыргыз не так близко держит ее к себе, как представители европейской культуры, но понимает ее полезность, оберегает ее. Считается, что у собаки добрые намерения и желания, что она хочет, чтобы в семье всегда было обилие пищи, остатками которой она кормилась бы. Кыргызы знали о целебных свойствах собачьего молока. Они в древности не умели защищаться от холода, болезней. Дети часто болели коклюшем, бронхитом, туберкулезом и другими легочными болезнями. Их спасало как раз молоко собаки. Поэтому в кыргызском языке есть выражение *ит эмген* “тот, который сосал собаку (собачье вымя)”, которое употребляется как средство унижения и оскорбления. Потому что собачьим молоком кормили младенцев и при отсутствии или нехватке молока у матери.

Ит менен мышыкты жакын адамдан бекер албайт «Просто так не берут собаку или кошку от близких людей» [155, с. 13]. Считается, что благополучие у людей связано с этими животными и вместе с ними оно не должно переходить в другую семью, что обмен или замена чем-нибудь балансирует

семейный успех. С другой стороны, существует предубеждение, согласно которой собака и кошка по отношению друг к другу играют роли агрессивных и миролюбивых начал, находятся во вражде, поэтому кыргызы не хотят, чтобы символы такой вражды просто так не перешли в близкое или родственное семейство. Мир в соседней семье важен для всего аила или клана.

Другую группу составляют **бытовые запреты**, связанные с повседневной жизнью семьи, людей.

В составе бытовых провербиальных конструкций-запретов часто встречается слово *босого* “дверная рама, дверная коробка; порог”, которое нередко приобретает символическое значение, служа знаком входа в дом (юрту) или выхода из дома (юрты). В народе говорят ***Босогону*** *баштанып жатпайт* “Не ложатся головой в сторону двери”. Обычно покойника кладут головой в сторону входа в дом. Другое выражение звучит так: ***Босогону*** *басып турбайт* “Не стоят, наступая на порог”. С ним созвучно и другая фраза: *Үйдөн чыгып баратып, босогону тепсебейт* “Выходя из дома, не наступают на порог двери”. Порог дома обязательно надо перешагивать, остановиться на пороге нельзя. Остановиться на пороге понимается как преграждение для счастья, для гостей, наступить на порог - как наличие злого умысла, мести. Есть много других выражений со словом *босого*: *Босого менен тең турба* “Не стой равно с дверной рамой”, *Босого менен бойлошпо* “Телом своим не заслоняй дверную раму/Корпусом своим не напирай на дверную раму”. *Босогону басып кирбе* “Не входи (в дом), наступая на порог” и др., которые содержат лингвоэтноментальное значение.

В народе еще говорят: *Босогону кулачтабайт* “Не держи дверную раму размахом рук”. Такое поведение, когда держат стояки дверной коробки растянутыми руками, считается неприличным.

Считается, что счастье проникает в жилище через дверь. Есть прецедентное слово *эшигинен* (букв.) “от дверей, от входа”. Его употребляют, когда невестка окажется недостойной, когда произойдет падеж скота или когда что-нибудь пропадет из дома. Имеется и антипод этого слова - с

положительным смыслом и более развернутый: *эшигинен ырыскы төгүлгөн / эшигинен кут төгүлгөн* “такой, из дверей которого выливается счастье (благополучие)”. Встречающиеся в языке провербиальные запреты связаны именно с этим значением слова *эшик* “дверь”: *Эшикти / каалганы теппейт,* “Дверь не бьют ногой”, *Эшикти катуу жаппайт* “ Дверь резко не закрывают”, *Эшикти карсылдатып койгулабайт* “С треском не стучат в дверь” и др.

В кыргызском провербиальном фонде есть выражения, содержащие запреты, связанные с огнем: *Күйгөн отко түкүрбөйт* “В горящий огонь не плюют”. У выражения есть более свернутый вариант: *Отко түкүрбөйт* “В огонь не плюют”. Ясно, что народ относится к огню как святыне. Такое отношение имеет длительную традицию и, вероятно, восходит к тому времени, когда наши предки были огнепоклонниками. С помощью огня древние люди готовили пищу, освещали жилье (и пещеру), защищались от хищников, от врагов, холода и болезней, передавали на расстояние сигналы и т.д. Этим и можно объяснить содержание следующей идиомы: *Отту тээп өчүрбөйт* “Огонь не тушат, топая ногами”. Опять отметим многовариантность форм выражения этого запрета: *Отту тээп өчүрбөйт /өчүрбө / өчүрбөгүн* (ед.ч.) / *өчүрбөгүлө / өчүрбөңүздөр* (мн.ч.). / *өчүрүшпөсүн* (мн.ч. 3л.) и др., имеющего, при всем многообразии форм сказуемого, инвариантное значение.

Этот запрет семантически перекликается с другим: *Күлдү баспайт.* “На золу не наступают (ногой)”. Считалось, что зола, пепел - остаток от огня, имеет сильную энергетику, которая может быть положительной и отрицательной. Пепел - средоточие силы и активности, чистоты и исцеления. Именно исходя из этого поверья, говорили: *Күлгө сийбейт.* “На золу не мочатся”. Даже нечаянно наступив на нее, люди получают кожные, костяные и психические заболевания. Такое поверье заставляло их быть осторожными по отношению к этому веществу.

В народе существует еще одно поверье, связанное с огнем: *Отту суу менен өчүрбөйт* “Огонь не тушат водой”. Такое утверждение, кажется, восходит к древнейшим представлениям о первоначалах и первопричинах мира,

о том времени, когда исходом всех веществ считались огонь, земля, вода и воздух. **Два начала мира не должны сталкиваться, одно не должно быть использовано против другого, что приведет к нарушению гармонии.** Современный человек, конечно, не поймет смысл этого запрета. Сейчас вода - основное средство тушения пожара.

К “огневым” выражениям можно отнести и запрет: *Тулганы теппе* “Не пинают треног”. Тулга имеет и другую разновидность под названием *таш тулга* “очаг, сложенный из камней” [209, т.2, с.265]. Народ требовал бережного отношения к предметом быта, которые служат для приготовления пищи и неотделимы от огня. С приготовлением пищи тесно связан и другой предмет: *туткуч / тутка* “войлочные наручники, употребляемые при снимании котла с очага или тренога”. Слово *чай туткуч* - разновидность такого наручника для чайника, иногда им обвертывается ручка чайника. Этот наручник важен для изготовления пищи. Он защищает руку человека от жары и сажи, помогает человеку снять котел с очага, перемешать котел на очаге или треноге, или ставить на подставку. Эту подставку мы называем словом *түпкүч*. Она имеет круглую форму, изготавливается из дерева, свернутого в виде калачика. По отношению к этой подставке тоже существует императив: *Түпкүчтү тепселебейт* “На подставку (для котла) не наступают (ногой)”.

В кыргызском языке есть идиома *тап бер-/ берүү* в значении “замахиваться, набрасываться”. Есть целый ряд обобщенно-личных образований со сказуемым, выраженным этим глагольным фразеологизмом. Все они выражают запрет:

Балта менен
Бычак менен
Мылтык менен → *тап бербейт\ бербе\ бербегин*
Жаа менен
Көсөө менен

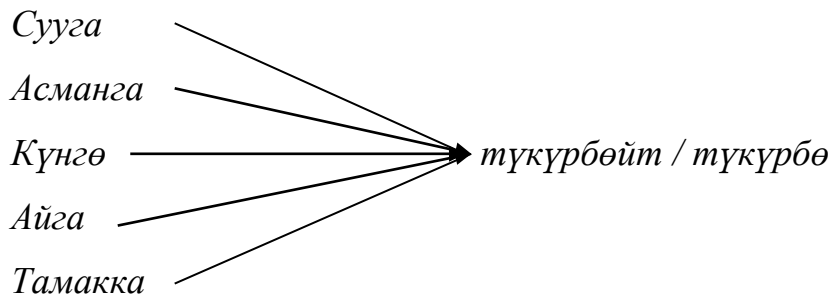
Эти выражения можно перевести на русский язык следующим образом: “Не замахиваются топором / ножом / ружьем / луком / ожегом (палочкой,

которой поправляют огонь в очаге)”. Считается, что эти предметы содержат в себе *ант* “клятва, присяга” и могут в той или иной форме повредить как человеку, на которого они направлены, так и тому, который замахивается, влияя на их сознание и физическое состояние.

Выражение *Бычакты чалкасынан таштабайт* “Нож не оставляют острием вверх” необходимо для безопасности людей. Такую же прогнозирующую функцию выполняют его аналоги: *Тырмоочту / кетменди / керкини чалкасынан таштабайт* “Грабль / кетмень / тесло не оставляют острием вверх”, *Чалгыны / орокту / кайчыны жерге таштабайт, илип коюшат* “Косу / серп / ножницы не оставляют на земле, а вешают”. В них содержатся практически полезные, нужные для общества советы и установки. *Буюмду кор кармабайт* “Вещи нельзя чрезмерно (вне меры) использовать”. *Акчаны кор кылбайт* “Деньги не тратят как попало”. *Башканын буюмун уруксатсыз албайт* “Не берут чужую вещь без разрешения”. В первых двух выражениях выражается требование меры, в третьем есть намек на воровство.

Веник - важный для быта людей предмет. Есть поверья, связанные с этим бытовым предметом: *Шыпыргыны тике койбойт* “Веник не ставят вертикально”, иначе, считается, в народе враги твои будут выше тебя и возвышаться. *Шыпыргы менен бирөөнү чаппайт* “Не бьют кого-либо веником”. Это больше грех для женщины и приносит несчастье ее семье, ее самой. *Түндөсү шыпырынды чыгарбайт* “Ночью не выносят мусор*”. Шыпырындыга / шыпырынды жерге отурбайт* “На выметаемый сор не садятся” и другие, по-видимому, преследуют гигиенические цели.

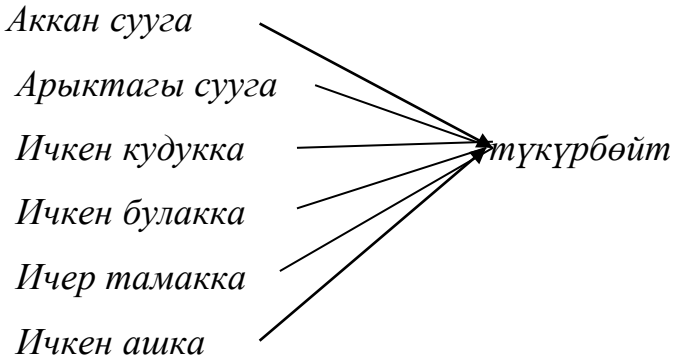
Святыми в народе считаются пища, вода, небо, Солнце, Луна. Этим и можно объяснить сакральный смысл фраз:



Значение этих выражений можем передать по-русски: “Не плюют в воду/ в сторону неба/ Солнца/ Луны/ в пищу”. Эти формулы многофункциональны. Они намекают на таинственно-сакральный смысл объектов, с одной стороны. С другой, они напоминают заветы предков, требующие бережного отношения к источникам жизни, света, тепла. В- третьих, эти выражения содержат практический совет - соблюдать правила гигиены. Юдахин К.К. приводит пословицу: *Өөдө карап түкүрсөң, кайтып түшөр көзүнө* “Если плюнешь вверх, упадет обратно тебе в глаза” [209, т. 2, с. 280], которая является многозначным афоризмом:

1) если пренебрегаешь Небом / Создателем, то будешь наказан;
2) если ослушаешься начальства, не добьешься успеха;
3) если мусор бросаешь вверх, он попадет на твою голову и т.д.

Вышеназванные двухчленные фразы допускают развертывание в объеме и надставку к их началу определений:



Эти трехчленные образования можно перевести на русский язык:

1) Не плюют в текущую воду;
2) Не плюют в воду, которая (течет) в арыке;
3) Не плюют в колодец, откуда (берем) воду;
4) Не плюют в источник, откуда (берем) питьевую воду;
5) Не плюют в пищу, которую едят;
6) Не плюют в сторону светлого неба и др.

Народ знает: вода и еда - источники жизни. Без них невозможна жизнь. Небо - верхняя часть видимого пространства, испускающая из себя влагу, свет и тепло.

Чайдын чамасын булганыч жайга төкпөйт “Чайные опивки не бросают в грязное место”. Церемония чаепития на Востоке имеет сакрально-ритуальный смысл и свой сценарий. Она упрощенно освоена кыргызами. Но нам хорошо известны все основные свойства чайного напитка - жаждоутоляющие, релаксационные, лечебно-профилактические, успокаивающие, мочегонные, пищеварительные и прочие, поэтому особо бережно относимся даже к вываренным чайным листкам.

В кыргызском фразеологическом фонде есть выражения, которые содержат гендерные ограничения: *Эркектин кийимин аттабайт* “Не перешагивают мужскую одежду”, *Эркектин бутун аттабайт* “Не перешагивают ноги мужчины”, *Эркекке сыртын салып отурбайт / турбайт* “Не сидят / не стоят спиной к мужчине”. Последнее, может быть, относится к любому взрослому человеку. Есть еще одно синтагматическое образование, которое шире представляет смысл последней фразы: *Жөнү жок тетири карап отурбайт* “Не садятся без причины задом в сторону людей”. Пословица касается женщин. Известно, что в дни траура женщины садятся лицом в сторону стенки юрты или комнаты и задом в сторону людей и причитают по умершему, закрывая голову платком (обычно черным или синим). Поэтому сидение женщины в такой позе в обычных случаях оценивается как нарушение этикета и правил приличия, как зов кончины близких людей и траура. Поэтому многие люди боятся такой позы женщины в общественных местах и быстро поправляют положение дела.

Кыргызская лингвоэтнокультура отрицательно относится к свисту и тяжелому вздоху, которые обозначаются созвучными словами: *үшкүрүк* “протяжный выдох с шумом, тяжелый вздох” и *ышкырык* “свист”, имеющие одинаковый состав вокалических и консонантных звуков, но различных по качеству. В запретах используется их глагольная основа. Кыргызы говорят:

Үйдө туруп ышкырба / ышкырбайт. “Не свистят дома”. Свист дома считается признаком невоспитанности и отсутствия культуры. Детей, свистящих дома или на улице, называют выражением *Көргөн-өскөнү жаман* “Плох воспитанием (букв.: увиденным-развитым)”. Беспричинный свист вызывает реакцию в форме идиомы *Тишиңе таш тийгир* “Чтобы в твои зубы попал камень”. Свист иногда оценивается как признак пустого высокомерия, чванливости. Говорят: *Айдаганы беш эчки - ышкырыгы таш жарат* “Пасет (всего) пять коз, а от свиста камень расколется”. Поэтому народ призывает молодежь воздержаться от свиста без мотива, причины. Есть еще один запрет: *Өзүнчө үшкүрүнбөйт* “Без причины / просто так не вздыхают”. Последнее имеет варианты: *Өзүңчө үшкүрүнбө* “Не вздыхай просто так”. *Өзүңчө эле үшкүрө бербе* “Не вздыхай же ты без причины”. *Жөн эле үшкүрүнө бербе* “Просто так не вздыхай” и др. В народе тяжелый вздох мыслится как признак печали, сильного горя, неисполненного желания, неосуществленной мечты, недостигнутого успеха, нереализованной цели. У Юдахина К.К. есть пример: *Үшкүрсөң чыгат көк түтүн, өрт алып ичиң жангандай* (фолькл.). “Когда ты тяжело вздыхаешь, исходит синий (т.е. густой) дым, будто нутро у тебя горит пожаром” [209, т. 2, с. 328], где убедительно и образно раскрыт **лингвоэтнокультурный смысл вздоха.**

В кыргызском языке много запретных речевых выражений, связанных с бытовыми ситуациями: *Өрмөктү аттабайт* “Ткацкий станок (а также ткань на нем) не перешагивают”. *Өрмөктөн кыя өтпөйт* “Через ткацкий станок (а также ткань на нем) не переходят”. *Аркан чыйратып жатканда түбүнөн кыя / кесе өтпөйт* “Когда скручивают аркан, под ним не переходят”. *Чылбыр эшип жатканда аттабайт* “Когда крутят поводок (волосяную веревку), его не перешагивают” и т.д. В этих запретах высоко оценивается труд мастериц, призывается к уважительному отношению к процессу и продукту их работы. Кроме того, считается, что пренебрежение к искусству кустарников отрицательно повлияет на судьбу производителя запрещаемого в народе действия и поступки.

В ряде запретов требуется рационально использовать время: *Күн чыкканга чейин уктабайт* “Не спят до восхода солнца”, *Беймаал убакта уктабайт* “Не спят в неположенное время” (неположенным считается солнечное время дня, а также вечернее время до наступления ночи). Особым таинственным смыслом обладает предвечернее время, когда солнце приближается к своему закату. В это время даже больные встают или привстают, а здоровым людям запрещается ложиться.

В кыргызском языке встречаются запреты, **связанные с одеждой.**

Кыргыз особо относится к головному убору : *Баш кийимди тебелебейт / тепселебейт* “На головной убор не наступают ногой” , *Баш кийимди бирөөгө кийгизбейт / бербейт* “Головной убор (свой) не надевают на другого // не отдают другому”, *Баш кийимиңди сатпа* “Не продавай свой головной убор”, *Калпагыңы бербе* “Не отдавай калпак, (который ты носишь)”, *Баш кийимди тегеретип ойнобойт* “С головным убором не играют, крутя его” и др. Такое отношение к головному убору объясняется тем, что он защищает самый важный и верхний орган человека от холода и жары, дождя и снега, удара и повреждения. Кыргыз учит молодежь бережно относиться к нему, держать в чистоте и порядке. Разрешалось носить сыну головной убор отца, младшему брату головной убор старшего, дочери головной убор матери, младшей сестре убор старшей при необходимости.

К одежде нижней части тела отношение совсем иное. И запреты соответствующие формулируются по-другому. Например: *Шымды жазданбайт* “Брюки не употребляют как подушку”, *Ыштанды баш жакка чечпейт* “Штаны не снимают в головной части постели”, *Өтүктү төргө чечпейт* “Сапоги не снимают в почетной части юрты (или комнаты)”, *Маасыны төргө илбейт “*Ичиги не вешают в почетной части юрты или комнаты” (*маасы* – это название мужских и женских сапожков без каблука и твердого задника, с мягкой подошвой, которые носят в галошах). *Чулгоону / пайтабаны төргө чечпейт* “Портянки не снимают в почетной части юрты (или комнаты)” и др. Также вблизи нижней части постели не снимают и не оставляют головные

уборы, верхнюю и нижнюю одежду: *Көйнөкту бут жакка таштабайт* “Не оставляют платье / рубашку вблизи нижней части постели”.

Кыргыз осуждал, когда молодые люди носят верхнюю одежду внакидку. Поэтому говорят: *Чапанды желбегей жамынбайт* “Халат нельзя носить внакидку”, что поза в верхней одежде внакидку является признаком чрезмерного довольства, чванливости и высокомерия.

В языке немало речевых формул, отражающих **отношение кыргызов к посуде**. Они многочисленны. Мы приведем только некоторые из них.

Наш народ бережно относится к посуде. Например, говорят: *Казанды теппейт* “Котел не пинают”, *Кесени теппейт* “Чашки не пинают”, *Идишти бут менен жылдырбайт* “Посуду не передвигают ногой”, *Идишти калдыратпайт* “Не гремят посудой” и др. Обратные действия осуждаются кыргызским менталитетом и считаются как признак грубости, отсутствия культуры и неуважения к национальным традициям.

Выражения *Идиш-аякты ыплас жерге койбойт* “Посуду не ставят на грязное место”, *Идиш-аякты кир калтырбайт* “Посуду не оставляют грязной”, *Идишти дасторконсуз койбойт* “Посуду без скатерти не стелят” и др. свидетельствуют о том, что кыргызский менталитет призывает молодежь к чистоплотности, к тому, чтобы она содержала посуду в чистоте и порядке. С этим положением связано значение еще одного фразеологизма: *Кир идишти түнгө калтырбайт* “Грязную посуду не оставляют на ночь”. После застолий, различных пиров, свадеб и поминок образуется гора грязной посуды. Молодые женщины (девочки, невесты и др.) ложатся спать только после того, как вымоют всю грязную посуду, вытерут и разложат ее по полкам. Это общепринятое правило, которым руководствуются во всех регионах Кыргызстана.

Уважение к гостю выражается и в том, что у кыргызов принято правило не подавать посторонним или даже членам своей семьи пищу в посуде (чашка, тарелка, пиала и т.д.) с зазубриной, с проломом, с отбитым краем: *Жаракалуу идишке оокат салбайт* “Не кладут еду в посуду с трещиной”. *Чекеси кетик*

пиялага чай куйбайт “Не подают чай в пиале с отбитым краем”. *Сынык кеседе жарма бербейт* “Не подают джарму в чашке с проломом” и т.д. Эти формулы предостерегают хозяев дома от целого ряда неудобств, возникающих от подачи еды в посуде с дефектами. Это, во-первых, проявление внимания к достоинству того, кого угощают, во-вторых, не снижает уровень гостеприимства тех, кто угощает посторонних, не заставляет их оправдываться перед гостями и, в-третьих, прочно обеспечивает безопасность и спокойствие, предотвращая вероятные неудобства, возникающие в результате поломки посуды.

В других идиомах тоже есть важные для жизни правила: *Куру аякты дасторконго койбойт* “Пустую чашу не ставят на скатерть”, *Куру дасторконду жайбайт* “Не стелят пустую скатерть”. *Куру аякка / дасторконго бата жүрбөйт* “Благопожелание не работает при пустой чаше (скатерти)” *Дасторконду бош калтырбайт* “Скатерть нельзя оставлять пустой (после ухода гостей)”. В первом предполагается, что в любой посуде на скатерти обязательно должна быть еда, она не должна пустовать и быть неиспользованной. Во втором говорится о том, что скатерть должна быть использована по назначению. А благопожелания имеют предназначение, цель и причину. Для того, чтобы кому-то сказать добрые слова, адресовать ему добрые пожелания, пожелать ему здоровья, счастья и успехов, адресант должен сделать соответствующие полезные дела тем, кто выражает благодарность. А за скатертью причиной выражения благопожеланий у кыргызов служит угощение, сытная пища, обильные яства. Без этого благопожелание не работает. Пустая чашка не вызывает благодарности, пустая скатерть – тоже.

У кыргызов есть одно предубеждение: после того, как разъедутся гости, на скатерти обязательно что-то из продуктов питания должно остаться. Иначе хозяева презрительно говорят: *Жалап кетишиптир го?* “Вылизали что ли?”, потому-что полное опустошение скатерти считается признаком неуважения к хозяевам, нежелания им обилия и процветания.

Фразеологизм *Сурап алган идишти бош кайтарбайт* “Посуду, которую попросили (на время), не возвращают пустой” имеет ценный смысл. На

свадьбу, поминки, застолья и другие мероприятия люди берут друг у друга посуду. Когда возвращают ее хозяевам, то в ней обязательно должно быть что-то из яств пиршества: куски мяса, лепешки, конфеты и т.д. Даже за большой скатертью кто-нибудь попросит у другого нож для раздела мяса и, использовав его, возвратит с куском мяса на кончике. Это элемент национального обычая.

В народе есть выражение *Табакты тегеретпейт* “Блюдо (первоначально - деревянное) не вращают”. Обычно приносили большое блюдо с едой (например, с пловом). С него каждый берет свою долю и ест. Каждый из сидящих берет то, что есть на его стороне. Вращать блюдо в поисках лучших и крупных кусков не рекомендуется и считается признаком невоспитанности и обжорства. То же самое можно сказать о выражении: *Кесени тандабайт* “Не выбирают чашку”. Хозяева подают первое блюдо в чашках по возрасту, по родству или дальности места проживания гостя. В этом случае требовать одну чашку пищи вместо другой считается неприличием.

В кыргызском фонде провербиальных конструкций есть такие, которые предъявляют определенные **ограничения и запреты на поведение** и употребляются в различных ситуациях речевого общения.

Требование уважения личности содержится во фразеологизмах: 1. *Улуунун алдынан өтпөйт* “Не проходят перед старшим (проходят за ним)”, *Экөө сүйлөшүп турса, ортосунан өтпөйт* “Не проходят между беседующими двумя людьми”, *Капталдан качырып сөз айтпайт* “Когда беседуют, не вклиниваются в разговор” (букв. “Не говорят, нападая со стороны”). В них содержится призыв – уважительно относиться к старшему человеку (1) и к беседующим (2, 3).

Выражение *Босогодо туруп учурашпайт* “Не здоровываются на пороге (не подают руку друг другу на пороге)” предполагает здороваться на одной стороне двери – на внутренней или на наружной, скорее – на наружной.

Есть еще положение: *Сунган колду суутпайт* “Протянутую руку не отвергают / Предлагающую руку принимают”. Оно употребляется, когда ребенок отказывается от подарка незнакомых взрослых, от подаваемого пожилым человеком куска мяса за столом, когда чиновник или сотрудник ГАИ

не берет предлагаемую мзду и т.д. С этим выражением перекликается и другое: *Бирөөнүн назарын сындырба* “Не обижай другого / Не причиняй другому огорчение” [155, с. 23]. Фразеологизм *назарын сындыруу* “обижать, огорчать, причинять огорчение” широко употребляется в языке. Первая его часть, по-видимому, имеет арабское происхождение. Ср.: *Сунган ашымы ичпесең, сынып калат назарым* “Если ты не вкусишь пищи, которую я предлагаю, мне будет обидно” [209, т. 2, с. 52]. Данное фольклорное выражение совмещает в себе значения как первой, так и второй фразы со значением совета и требования.

Эл отурганда тикелей турбайт “Нельзя стоять, когда все сидят / Не стоят, когда народ сидит”. Один член коллектива не должен выделяться, обособляться, должен вести себя так, как все члены коллектива. Когда стоит один, другие не потерпят этого контрастного положения. Кто-нибудь из сидящих обязательно с угрозой скажет: *Сенин боюң менен тең каар жаайт* “Пойдет снег, толщина которого будет равна твоему росту”. Кыргызы в основной своей массе убеждены в этом, хотя перед нами укоренившееся стереотипное выражение, называемое в именно такой ситуации и вовсе не мотивированное природными закономерностями.

Кыргызский менталитет осуждает обособления и другого типа. Все сидят за скатертью на полу вертикально, а кто-то садится, опираясь на одну руку. Это режет глаз. Это нетипичная поза для трапезы. Поэтому говорят: *Тамак жегенде жер таянбай отурат* “Когда принимаешь пищу, сиди не опираясь на руку”. У кыргызов есть четыре позиции сидения, допускаемые за едой. Однако отмеченная поза осуждается их менталитетом.

В народе говорят: *Жаткан адамды аттабайт* “Не перешагивают лежачего человека”. При необходимости положено говорить: *Башыңызды өйдө көтөрүңүзчү, өтүп кетейин* “Поднимите-ка, пожалуйста, голову: я пройду”, *Бутуңузду тартып аласызбы, өтүп алайын* “Уберите-ка, пожалуйста, ноги: я пройду”.

Колду жууп силкпейт – говорят кыргызы, что переводится “Помыв руку, не встряхивают”. Рекомендуется мокрую руку вытирать платком или

полотенцем. Есть поверье: встряхивая руку, встряхивают благополучие и счастье.

Карынын каргышына калба “Остерегайся проклятия пожилых людей”. Проклятие – стереотипное выражение, оказывающее отрицательное воздействие на физиологию, дух и настрой человека, на его психику и самочувствие.

С данным фразеологизмом перекликается другое: *Карыптын каргышына калба* “Остерегайся проклятия обездоленного”. Выражение учит гуманизму и заставляет человека понимать и поддерживать бесприютных, нищих.

Кыргызское выражение *Жети атаңды унутпа* “Не забывай семь своих предков (семь колен по мужской линии)”. Это важное установление. Знание семи предков позволяет людям помнить свое происхождение, иметь информацию о них, о их жизни, деяниях, человеческих качествах, предотвращать нежелательное кровосмешение, контактироваться со своими дальними и ближайщими сородичами и т.д.

Кыргыз осуждает, когда кто-нибудь смеется там, где кто-нибудь плачет. Поэтому он говорит: *Бирөө ыйлап жатса, күлбөйт* “Не смеются, когда кто-то плачет”. По его мнению, смех неуместен там, где идет траур. Еще говорят: *Таба эмес, тобо кыл* “Не злорадствуй, а раскаивайся”. Эта пословица поддерживает первую, призывает к уравновешенности, к пониманию врагов, противников. В таких случаях *ал ошону көрмөк* “так и должно было быть ему”, *мага эмнени гана кылбаган* “что только не делал против меня”, *дебегенди деген* “чего только не говорил”, *көзүнө адам көрүнбөй калган* “он не замечал людей” и другие прецедентные выражения-идиомы должны быть заменены более взвешенными, соболезнованием и соучастием. В приведенных двух фразеологизмах содержится призыв к толерантности, к взаимопониманию и взаимопомощи.

К сдержанности призывает императив *Бирөөнүн ырыскысына көз артпа* “Не зарись на чужое счастье”, который имеет и трансформы (*Бирөөнүн ырыскысына көз артпайт / Бирөөнүн ырыскысына көз артпагын / Бирөөнүн ырыскысына көз артпагыла* и др.), отличающиеся друг от друга по формам

сказуемого, и варианты, возникшие в результате замены дополнения (*ырыскысына*) и определения (*бирөөнүн*): 1. *Башканын ырыскысына көз артпа / Башканын бактысына көз артпа* “Не зарься на счастье других”; 2. *Башканын малына көз артпа* “Не зарься на чужой скот”, *Бирөөнүн мүлкүнө көз артпа* “Не зарься на чужое имущество”, *Бирөөнүн аялына көз артпа* “Не зарься на чужую жену”, *Башканын кызматына көз артпа* “Не зарься на должность другого” и др. В пословицах содержится нужный совет: человек должен довольствоваться тем, что имеет; если он не имеет, то он не должен завидовать тому, кто имеет, а стремиться к тому, чтобы его заиметь своим трудом, своими усилиями.

В кыргызском языке встречается двойная фраза: *Ушак айтпа, ууру кылба* “Не сплетничай, не воруй / Не говори сплетни, не совершай воровство” [155, с. 26-27]. Это двойной императив соотносится с другим: *“Укпайт” – деп, ушак айтпа, “Көрбөйт” – деп, уурулук кылба*. Это более развернутый запрет-императив. Его переводим на русский язык так: Не сплетничай, говоря: “Не услышит”, не воруй, полагая: “Не увидит” / Не сплетничай, полагая, что не услышит, не воруй, полагая, что не увидит. Оба варианта равноценны и равновесны. В первом переводе фраза имеет строение с прямой речью, во втором – строение с придаточным изъяснительным предложением, в них имеет место синонимическое отношение.

Некоторые паремии содержат “предостережение” от смерти, от попадания в кабалы, от ограничения пространства действий и других нежелательных процессов. Ср., например: *Бутуңу жөнү жок тушаба* “Не путай без причины себе ноги / Не спутывай себе ноги без причины”. Считается, что спутывание ног – символ, имеет символический смысл, оно приводит к несвободе, к сокращению пространства передвижения и жизнедеятельности. Было время, когда пленным налагали путы на ноги, ограничивали их действия. У кыргызов есть еще обычай *тушоо кесүү / тушоо кыркуу / тушоо кестирүү* “перерезание ниточки, которой предварительно связывают ноги начинающего ходить ребенка”. Этот обряд осуществляется при участии членов всей семьи, близких родственников, а также соседских детей. Сначала устраивается бег вперегонки.

В нем участвуют и дети (примерно одного возраста), и взрослые. Тот, который прибывает на финиш, где стоит спутанный ребенок, перерезывает нитку и получает высший приз. Призы получают и другие участники в виде игрушек, конфет, печений и т.д. Потом устраивается *тушоо кесме* – угощение в честь обряда перерезания нитки. Обряд *тушоо кесүү* имеет свое назначение: этим открывается ребенку возможность свободно, беспрепятственно ходить, быть вместе с ходячими людьми и выражается пожелание, чтобы перед ребенком была широкая, просторная дорога, под ним – ровная, мирная земля, чтобы у него была долгая жизнь. Таким образом, этот ритуал дополняет запрет *Бутту жөнү жок тушабайт*, показывая, что ноги можно спутывать при наличии основания.

К этой паремии по значению примыкает и другое выражение: *Моюнга курду илбе / Курду мойнуңа салба / Курду моюнга салбайт* “Не наложи себе на шею ремень или шарф”, *Мойнуңа чылбыр салба* “Не наложи себе на шею поводок” и др., которые передают общее значение “Выразить покорность”. При совершении воровства, причинения физического вреда другому, убийства по неосторожности и т.д. виновные приходили к потерпевшим с ремнем, тесьмой (шарфом) или поводком на шее, выражая как бы добровольную готовность к убийству за преступление. В этом случае ему или прощали, накладывая штраф, или наказывали вплоть до умертвления. Поэтому вышеназванные действия без особого основания рассматриваются в народе как символы проступка или покорности за проступок и оцениваются с предубеждением как готовность к совершению противоправных действий.

У кыргызов есть табуированные изречения, связанные с личной гигиеной: *Чачты тепсендиге таштабайт / Чачыңы тепсендиге таштаба / Чачты тепсөөрүнгө таштабайт* и др. “Волосы (после стрижки) не оставляют там, где ходят люди, скот”. *Тепсенди* и *тепсөөрүн* – синонимы, обозначающие “там, где вытоптано / растоптано; там, где ходят”; *Чачты акыр-чикирге таштабайт* “Не бросают волосы с мусором (там, где есть мусор)” и др. Согласно этому запрету, волосы после стрижки или расчесывания сразу аккуратно убирают и кладут под

фруктовые деревья, в щели стен или больших камней, в дупло деревьев. Детей самих заставляли делать уборку, подбирать щетинки и прятать в “чистых” местах. Считается, что бросать волосы как попало нельзя, а то у человека будет болеть голова и у него не будет успеха в жизни.

Кыргызы запрещают стричь ногти ночью: *Түндөсү тырмак / тырнак алба / албайт* “Ночью не стригут ногти”. Видимо, это утверждение имеет два мотива. Во-первых, люди знают, что пальцы являются самыми чувствительными и важными для практики органами. Считается, что душа человека ночует под ногтями и кончики пальцев не должны получать повреждение. Там сосредоточены очень важные нервные окончания. Поэтому рекомендуется стричь ногти только днем. Во-вторых, отсеченные куски ногтя могут попадать в пищу, постельные принадлежности, в глаз человека и т.д., что создает неудобство для человека. Когда ногти стригут днем, то подобного не случается. Все нежелательное в дневное время предусматривается и предотвращается. В народе знают, что щетинки и ногти не перевариваются в желудке, что тоже служит мотивом возникновения и применения приведенных двух запретов. Это не только гигиена, но и здравоохранение.

Одну из больших групп запретов кыргызского народа составляют темпоральные поверья, которые отдаленно связаны с **календарными представлениями** этноса.

В нашем собрании накоплен очень большой материал. Они различны по тематике, объему, направленности, варьируемости и т.д. Всего в нашей картотеке имеется девяносто семь календарных выражений. Они связаны с астрономическими явлениями, циклами и периодами, с временами года, месяцами, частями суток и т.д. и претендуют стать темой отдельного исследования. Поэтому мы ограничимся рассмотрением только нескольких примеров, имеющих практическое значение и связанных с бытом народа.

Для кыргызской ментальности наступление вечера имеет таинственный смысл. Поэтому в народе говорят: *Кеч киргенде ыксыз күлбөйт* “Когда наступает вечер, без причины не смеются”. Предполагается появление в

вечернее время невидимых для человека существ и признаков. И человека вечером окружают неведомые силы. Поэтому он должен быть сдержанным и спокойным.

У кыргызов есть поверье: ночью появляются и действуют различные нечистые силы, призраки, демоны. Поэтому они запрещают ночью кричать, называя имя человека: *Караңгыда бирөөнүн атын атап чакырбайт* “Ночью не вызывают с криком кого-либо по имени”. Наряду с этим мы встречаем и другие запреты: *Караңгыда ак сурабайт* “В темноте не просят молочное”, *Түндө туз сурабайт* “Ночью не просят соли”, *Караңгыда карыз сурабайт* “Ночью в долг не берут”, *Түндөсү карызды кайтарбайт* “В темноте долг не возвращают”, *Караңгыда кыз бала сууга барбайт* “Ночью девочки не ходят за водой” и др**.** В них содержится предостережение от действий злых сил и существ, действующих ночью, призыв к осторожности и соблюдению общепринятых или общеизвестных запретов поведения.

Существует предположение о том, что восход солнца является символом света, оживления, энергетики. Предки-язычники в древности поклонялись Земле, Солнцу, огню, воде, небу. А заход солнца идентифицировался с темными силами и со злом. Поэтому говорят: *Күндү батып баратканда карабайт* “На солнце не смотрят, когда оно заходит”. Что оно свою энергетику и живительную силу уносит, не оставляя их живым существам на земле [155, с.30]. И еще говорят: *Кечинде оорулуунун акыбалын сурабайт* “Вечером не спрашивают о состоянии больного”. Принято посещать больных до обеденного времени и справляться о их самочувствии. Когда спрашивают о самочувствии больного, он обязан ответить словом: *Жакшы* “Хорошо”. Требуется оптимистическое отношение больного к состоянию своего здоровья. Положительная реакция на вопрос нужна больному, так как она позитивно сказывается на его самочувствие. Она важна и для окружающих, для близких людей, для их убеждения в том, что больной бодр, чувствует себя хорошо, что ожидается выздоровление и он не хочет, чтобы близкие из-за него страдали.

У кыргызов существует и такой совет-императив: *Кечки тамакты күтпө* “Ужина не жди”. Кыргызы вечером не остаются в гостях ради ужина, пораньше уходят домой или расходятся. Иногда это выражение употребляется в сложной форме: *Кечки тамакты күтпө, эрте мененки (таңкы наарды) тамакты таштаба* “Ужина не жди, завтрак не оставляй”. Перед сном необязательно сытно есть, а утренняя еда важна для бодрости духа и хорошего труда.

В сознании народа за каждой частью суток закреплены свойства. Одним из проявлений этого положения является запрет: *Эртең менен сууну чакада каршы сүзүп албайт* “Утром не черпают ведром воду против ее течения”, *Кечкурун сууну чакада каршы сүзүп албайт* “Вечером не черпают ведром воду против ее течения”. Требуется, чтобы воду брали из арыка или речки по течению воды. Соответственно с этими установками предполагается черпать воду днем, особенно средь дня, против ее течения. Следовательно, первые два выражения могут быть преобразованы во фразы: *Эрте менен сууну агым боюнча сүзүп алба* “Не черпай воду утром против ее течения” и *Кечкурун сууну агым боюнча сүзүп алба* “Не черпай воду утром против ее течения”. Такое мнение некоторые наши респонденты связывают с энергетикой солнца. Утром и вечером, в силу дальности расстояния от места течения воды до источника энергии, сила воздействия слабее, чем днем, когда солнечные лучи падают на водную поверхность прямо и обильно. Считаю, что приведенные императивы не мотивированы природными причинами.

Народные представления о добре и зле отражены в целом ряде паремийных выражений, сформулированных в виде запретов-советов.

В народе говорят *Куттуу үйдө жаман сөз айтылбайт* “В счастливом доме не говорят плохие слова”. “Плохими” называются проклятия, клевета, брань, оскорбление, клятва, ложь, богохульство и пр., запрещается говорить о страшных, неприятных событиях, об угрозах, конце света и т.д., останавливая разговор словами *Өз башы менен кетсин* “Пусть уйдет (зло) вместе с его головой”, *Өлчөөсү өзү менен болсун*” Пускай каждый ответит за свое / Пусть мера (наказание) будет с ним самим”, *Айткан жерде балаа / балээ болбосун*

“Пусть там, где говорилось, не будет беды”, *“Кой, болду, сүйлөбө* “Прекрати, все, не говори” и т.д. Существует поверье, согласно которому слово живуче, способно материализоваться, имеет острую силу, проникает в дух и тело, оказывает воздействие на самочувствие, здоровье и психику человека, на его судьбу, преобразует человека в худшую или лучшую сторону. Это предубеждение работает на охрану семейного спокойствия, благополучия и счастья, служебного взаимопонимания, согласия и толерантности.

Кыргызскому менталитету свойственно также требование понимания и успокаивания потерпевших несчастье людей. Запреты типа *Жамандыкта күлбөйт* “В бедствии не смеются”, *Тажияда күлбөйт* “На похоронах не смеются”, *Кеселдин жанында күлбөйт* “Не смеются рядом с тяжело (смертельно) больным человеком”, *Мүрзөдө күлбөйт* “Не смеются на кладбище”, *Мүрзөдө түкүрүнбөйт* “На кладбище нельзя плеваться” и др. Наша ментальность запрещает смеяться, улыбаться, (беспричинно) громко говорить, плеваться на кладбище, при виде автокатастрофы, во время снежной и земной лавины, землятрясения, оперирования больного и т.д. **Призыв к спокойствию, уравновешенности, сопереживанию и соболезнованию является целью подобных лингвоэтноментальных установок.**

Кыргызский речевой этикет имеет много важных формул. Их тематика разнообразна. Среди них особое место занимает выражение: *Көзү өткөндү жамандабайт / Көзү өткөн кишини (адамды) жамандабайт* “О покойнике отрицательно не отзываются / плохое не говорят”. Об умершем везде и всюду говорят *жакшы киши эле* “был хорошим человеком”. Это, конечно, не всегда справедливо. Среди людей есть хорошие и плохие, умные и глупые, справедливые и несправедливые, честные и нечестные... Но почему-то народ заставляет своих представителей поступать двулично, называя воров, интригантов, лжецов, казнокрадов и прочих хорошими. Может быть, такой поступок, такие слова играют воспитательную роль для молодежи и как бы от имени народа призывают их быть позитивными – справедливыми, гуманными,

трудолюбивыми, чтобы потом, после их кончины, отзывались о них самих реально позитивно, в реальных позитивных словах.

Среди регуляторов кыргызского поведения есть еще одна фраза: *Бирөөгө жамандык тилебе* “Не желай другому зла”. Кыргыз верит в живительную силу слова. Слово, думают, своей энергетикой влияет на настроение, психику и здоровье людей. Оно не должно повредить другим. Та сторона, которая потерпела неудачу под воздействием твоих слов, обязательно ответит тебе, среагирует на отправленный тобою негатив, от этого ты тоже пострадаешь. Поэтому не старайся сделать зло другому ни своим словом и ни своим делом.

В паремии *Өлгөн жерге барганда оорулуунун абалын сурабайт* “На похоронах не спрашивают о самочувствии больного” тоже заключен важный таинственно-этический смысл. Смерть часто выступает завершающим этапом жизни больного человека. А справляться о самочувствии больного не положено на месте совершения похорон – ни у самого больного, ни у других людей. Иначе вопрос воспринимается тем и другим как намек на приближение к финишу жизни. Люди считают, что связь “болезнь-смерть” не должна формироваться словесно и при людях. Это может ускорить активность течения болезни. Слово ведь имеет сакральную силу.

В похоронные дни ни носители траура, ни посторонние аильчане (соседи) не стирают белье. Это положение отражено в выражении: *Жамандык күнү кир жуубайт*. Здесь жамандык күнү (букв) “в плохой день, в день зла”, “в плохой день (в день зла) не стирают”. Слово *жамандык* – существительное, образованное от адъективного слова *жаман* “плохой”, имеющее значение “зло” (букв. “плохость”) и содержащее табу. Кыргыз в данном случае не употребляет выражения *тажия күнү* “в день похорон”, *киши өлгөн күнү* “в день смерти человека” и другие, называя событие общим словом *жамандык* “зло”.

В кыргызском языке есть глагольная форма *өлдү* “умер, умерла” со значением завершенности и результативности. Это словоформа почти не употребляется применительно к смерти человека его близкими (родственниками, соседями и т.д.) его значение воспринимается кыргызом как

дисфемизм, поэтому он стремится не использовать его. В народе говорят *Жамандык кабарды жакындарына "Өлдү" деп айтпайт* "Известие о смерти не сообщают словом "Умер". Опять слово жамандык "зло" выступает в качестве эвфемизма, "смягчая" номинацию смерти. Когда извещают о смерти человека родных, друзей и других близких, кыргыз избегает употреблять слово *өлдү / өлүп калды* "умер / умерла". Вместо него используются эвфемизмы *көз жумду* "закрыл глаза", *тиги дүнүйөгө кетти / аттанды* "ушел / уехал в тот мир", (загробный) *дөйнө салды* "умер / умерла (букв. "вложил клад, сокровище")", *кайтыш болду* "случилось возвращение", *чын дөйнөгө кетти* "ушел / ушла в настоящий мир" (*жалган дүйнө* "ложный мир, земной мир"), *дүйнөдөн кайтты* "возвратился от мира" и многие другие.

В кыргызской лингвокультуре отмечается **наличие экологических запретов**, призывающих бережно относиться к растениям, животным, к окружающей среде в целом.

Кыргызу неприятно, когда ломают побеги от деревьев: *Жаш чырпыкты сындырбайт* "Молодые ветки не ломают", *Жаш чыбыкты сындырбайт* "Прутья не ломают", *Жаш даракты сындырбайт* "Молодое дерево не ломают". В этих устойчивых запретах выражается необходимость бережного отношения к молодым растениям. Говорят еще: *Чырпык тиксеңҗ чынар болот* "Если посадишь ветку, она будет чинаром (большим деревом)". Человеку многократно полезнее использовать на практике чинару (в качестве дров, стройматериала, места отдыха в его тени и т.д.), чем недавно появившуюся и растущую ветку.

По предназначенности с данными запретами-поверьями перекликаются и другие выражения: *Кумурсканын уюгун бузба* "Не разрушай муравьиную кучу", *Сары аарынын уюгун бузба* "Не разрушай осиное гнездо". Эти два фразеологизма равноценны с точки зрения экологии и призывают бережно относиться к насекомым, к их скопищу, к их размножению. Однако второе предупреждает и об опасности, которая может возникнуть в результате укусов "рассерженных" ос. У народа есть дополнительное предупреждение: *Бирөөнүн*

үйүн бузсаң, озуңку да бузулат “Если разрушишь чужую семью, и твоя разрушится”. Это выражение предупреждает человека об обратимости агрессивных и разрушающих действий, о взаимозависимости процессов в мире. О миролюбивых, гуманных и безвредных людях говорят: *Жолдогу кумурсканы да тебелебейт* “Даже на муравья на дороге не наступает”, *Жердеги кумурсканы да айланып өтөт* “Обходит даже муравья наземле”.

В народе можно услышать и такое паремийное образование: *Көк чөптү үзбө, боюң өспөй калат* “Не рви зеленую траву, твой рост прекратится”. Запрет заключен в первой части фразы и он перекликается с предыдущими табуированными выражениями. Во второй части содержится ожидаемый результат – результат отрицательный, нежелательный. Этим запретом пугают детей, которые не должны лишать траву жизни, роста. В предыдущих запретах нежелательный результат формулируется отдельно, а в этом – слитно, в рамках одного сложносочиненного предложения. И в следующей фразе ожидаемый нежелательный результат содержится в ее второй части: *Чымчыктын уясын бузба, каргайт* “Не ломай гнездо птички, она будет проклинать”. Отметим три стороны данного провербиального образования. С одной стороны, в нем содержится запрет к ломке птичьего гнезда, где птичка выращивает своих птенчиков, инстинктивно заботясь о продолжении потомства. Они похожи на людей, которые тоже выращивают свое потомство. Нужно с заботой относиться к этому процессу. С другой стороны, ломка гнезда влечет за собой нежелательные действия и события. Привыкнув, человек может повторно совершить подобные поступки и перенести этот опыт на людей. А это не пройдет бесследно. Совершив зло один раз, человек совершит его второй раз. Любое зло оставит след в поведении, действиях и судьбе человека. Есть еще одна сторона. Любое действие вызывает противодействие. Если птичка не отомстит, не повредит человеку, то найдется такой, который его накажет. Глубинный смысл провербиальной единицы заключается в призыве к сохранению экологического баланса. Более развернуто эта идея выражена в национальном эпосе “Кожожаш”.

С данными выражениями семантически связано поверье: *Уюктуу жыланды өлтүрбө, өч алат* “Змею из скопища не убивай, отомстит (скопище)”. В народе существуют многочисленные предания о том, как “мстят” сородичи после умертвления одного или нескольких членов семьи. В данном случае не об этом будем писать. Народ знает о вреде укуса змеи и о последствиях змеиного укуса, о полезных свойствах змеиного яда, знает и о том, что змея сама никогда не нападает на человека без причины, а кусается, когда человек беспокоит ее, наступает на нее, или уничтожает ее гнездо и потомство. Старшее поколение относилось к змее со страхом и уважением, общалось с нею (*Жылуу-жылуу сүйлөсө, жылан ийинден чыгат* “Если по-доброму разговаривать, то змея выйдет из логова”), заставляло змей уйти, разливая молоком или рассыпая мукой их путь, будучи уверенным в том, что “белые” продукты смягчают змеиные нравы и лишают их агрессивности. Кыргызы верят в то, что живые организмы отвечают на добро добром.

Народ придает большое значение внушению и самовнушению. Он говорит: *Соо жанды оору дебейт* “Здорового не называют больным”, *Соо жаныңы оору дебе* “Себя , здорового, не называй больным”. Любое слово содержит смысл, имеющий сакральную значимость, влияющий на самочувствие, общий дух и здоровье человека. Считается, если здоровый человек называет больным, его слово, материализуясь, повлияет на его тело и дух, поэтому он заболеет. Ср. также другие провербиальные выражения: *Ден соолукту сураганда “Жаман” дебейт* “Когда справляются о здоровье, то не говорят “Плохо”. Слово тоже в известной степени лечит человека. Это мнение этноса.

Таким образом, кыргызский народ свои наблюдения и традиционные представления о мире, о жизни и быте, о взаимоотношениях людей сформулировал в провербиальных средствах языка – в пословицах, поговорках, приметах и т.д., среди которых особое место занимает императивы-запреты. **Императивам свойственны константные начала. Они варьируются и трансформируются в речи многообразно.** Самым распространенным способом оформления их предикативного члена является отрицательная форма

личного глагола третьего лица единственного числа. В реальном дискурсе предикат часто преобразуется в формы повелительного наклонения 2 лица, допуская различные преобразования в составе фразы (опущение, вставка, перестановка, замена и т.д.).

Запреты являются крупным блоком пропозиций концепта “Традиция”. Пословичные пропозиции хорошо изучены в лингвопаремиологии (А.А.Калмурзаева, А.А.Жусупова, Д. Г. Айылчиева, С. М. Амиралиев и др.), в отличие от семантики, типологии и строения императивов-запретов.

3.6. Экспоненты концепта «Традиция» в индивидуально-авторском сознании носителя и знатока русского языка

В менталингвистике важное значение придается проявлению этнического сознания в мыслительно-речевой деятельности отдельной личности. Индивидум воспринимает и порождает речь на базе лексико-семантической и функционально-грамматической системы усвоенного языка, закономерностей парадигматико-синтагматического устройства и употребления языковых единиц в рамках ограничений своего возраста, жизненного опыта, интеллекта, образования, профессии, национальности и прочих экстралингвистических факторов. В индивидуальном речетворчестве концентрируются и сливаются воедино общее и частное, этническое и личностное, объективное и субъективное, общенациональное и профессионально (регионально, идейно…) ограниченное, устойчивое и моментальное и т.д.

До сих пор мы вели разговор об общенациональном концепте «Традиция», свойственном русскому когнитивно-языковому сознанию. Наше описание опиралось на данные разговорного, литературного и фольклорного дискурсов. Теперь попытаемся показать специфику рассматриваемого концепта в ментально-языковом сознании языковеда, лексикографа, диалектолога, этнографа, паремиолога и писателя В. В.Даля. Ясно, что он как разносторонний

ученый имел представления о традиции, обычаях, близкие к общенародной его модели.

В.Даль, указывая на латинское происхождение слова *традиция,* отмечает его значение как «все, что устно перешло от одного поколения на другое» [46, IV, с. 425] и раскрывает семантику слов с корнем *обык- / обыч-* на материале разговорного, просторечного и диалектного дискурсов русского языка.

В его толковом словаре отсутствует статья *обычай*. В соответствующем месте есть отсылка на глагол *обыкать* и на прилагательное *обычный* как производное от существительного *обычай* [46, т. 2, с.638]. Смысл слова *обычай* раскрывается им под статьей *обыкать / обыкнуть к чему /* «привыкать / навыкать / взять привычку / наводиться / повадиться / изноровиться / приноровиться / приучиться к чему» [46, т. 2, с.637].

По мнению В.В.Даля, организующим гнездо словом выступает глагол *обыкать*. Правда, не совсем четко выражено мнение автора относительно соотношения пракорней *бык-* и *вык-,* одинаково участвующих в функционально-семантическом гнезде понятия “обычай” (в современном его понимании). В примерах использованы только дериваты корня *обык-*. Проанализируем их в плане способов передачи соответствующих значений в кыргызском языке, что позволит показать, как многообразные средства разговорного стиля русской речи, функционирующие в обиходно-бытовом, просторечном и диалектном общении, транслатируются на другой язык.

1. *Мы к холоду* **обыкли.** - *Биз суукка* **көндүк**. *Он* **обык** *рано вставать.* - *Ал эрте туруп* **үйрөнгөн / көнгөн**. *К какому делу* **обыкли,** *тем и кормимся*. - *Кандай ишке* **үйрөнсөк,** *ошону менен оокат кылабыз. Так* **изобыкли** *смалу* - *Жаштайынан ушинтип* **көнүшкөн / үйрөнүшкөн**. **Пообыкнет**, *так сживется*. - **Көнө** *түшөт, ошентип жашап калат*. **Переобыкать** *хуже*. - **Кайра үйрөнүү** *кыйын. К этому делу мы* **приобыкли, поприобыкли**, *да ныне* **разобыкли**. - *Бул ишке биз* **көнүп калдык**, **көнө түштүк**, *эми азыр* **оолактап калдык**.

2. Как видим, значение слова *обыкать* и его дериватов *(изобыкнуть, пообыкнуть, переобыкать, приобыкнуть, поприобыкнуть)* передается

глагольными основами *көн-* “привыкать, адаптироваться”, *үйрөн-* “учиться, приучаться, усваивать, привыкать, адаптироваться”. Ограниченность действия во времени и его результативность передается вспомогательными глаголами *кал-, түш-* в лично-спрягаемых формах, употребляемых после основы в деепричастной форме *(көнө-, үйрөнө-).* Некоторую сложность представляет собой перевод глагола *разобыкнуть.* Мы попробовали передать его значение глаголом *оолактап калуу* “удаляться, отдаляться, разучиваться, отвыкать”. Известно, что русские глаголы с префиксом *раз- / рас-* часто переводятся на кыргызский язык лексически. Ср., например: *гнать* “кубалоо”, *разогнать* “таркатуу”, *грести* “чогултуу, жыйноо, шилөө, тырмоо”, *разгрести* “туш-тушка шилөө, ар жакка күрөө, ой келди чачуу”, *заморозить* “тоңдуруу” - *разморозить* “эритүү”, *ломать* “сындыруу, үзүү” - *разломать* “талкалоо, бузуу, уратуу, кыйратуу” и т.д. Поэтому для передачи семантики глагола *разобыкнуть* мы использовали глагол *оолактоо* “отвыкать, разучиваться, удаляться”.

Среди глагольных номинантов концепта “Традиция” мы встречаем и слово *обычничать* “жить просто, по-принятому, по обычаю; соблюдать строго обычаи, требовать блюденья их”. Глагол имеет концентрированный смысл: корень *обыч-* содержит семы “обычай, общепринятое”, а комплекс суффиксов – *ничать* (т.е. вторая, служебная часть) - семы “жить и соблюдать; жить, соблюдая; требовать соблюдения”. Значение этого просторечного глагола можно перевести сочетаниями: *салт менен жашоо, адатты карманyy; салтты сактоо, адатты сактоо; каада-салтты колдонуу, үрп-адатты карманyy* и т.д., которые имеют нейтральное и литературное употребление.

К периферии концепта “Традиция”, по-видимому, относятся и номинанты адъективных лексем с корнями *обык-* и *обыч-* , точнее - с двумя алломорфами одного корня *(обык- / обыч-*). Прилагательные с этим корнем делятся на две группы:

1. **Просторечные и устаревшие**: *обыковый, обычайный* “принятый, вошедший в обычай, принятый обычаем; обыкновенный, всегда бывающий, не особенный; (о чел.) знающий, соблюдающий житейские обычаи, вежливый,

уживчивый, приличный; (о животн.) кроткий, смирный, поводливый; всем довольный, неприхотливый на корм”. Эти прилагательные имеют в кыргызском языке различные эквиваленты.

Ср. например: Смерть - дело *обычайное*. – Өлүм - *демейдеги* иш. *Обыковые,* древние обряды. - *Салттуу*, байыркы ырым-жырымдар / *Адаттагы* эски шаан-шөкөт / *Көнүмүш*, илгерки каада-салттар... (в разных комбинациях). Он *необычайной* силы, роста. - Ал *эбегейсиз* күчтүү, бойлуу / Ал *чанда жок* күчтүү, бойлуу (в кыргызских эквивалентах отрицание передаются суффиксом *–сиз* и словом *жок*; русское *обычайный* и кыргызское *эбегей-* в современных языках отдельно от отрицаний *не-* и *–сиз* не употребляются, образуя типологическое сходство). *Он человек обычайный, хороший.* - Ал *демейдегидей* жакшы адам / Ал *кадимкидей* жакшы киши / Ал түшүнүктүү, жакшы адам; Конь этот *обычайный,* вежливый. - Бул ат *жоош*, элпек / Бул ат *көнүк,* чата эмес. Из этого перечня примеров к концепту “Традиция” можно отнести только первые два.

К приведенным двум прилагательным примыкает другое адъективное слово. Прилагательное *обычливый* тоже просторечное и соотносится с глаголом *обычничать*. Оно, по мнению лексикографа, выражает значение “со своим обычаем; вежливый, обходительный; своеобычный, упрямый, своенравный, идущий своим обычаем поперек других”. Этому прилагательному, не употребляющемуся в литературном языке, соответствуют кыргызские определительные слова: *шаан-шөкөттүү, маанилүү, сылык, мунайым; кыйык, кыжык, кежир.* Например: *Он человек обычливый, все равно поступит по-своему.* - Ал *кежир* адам, баары бир өз билгенин кылат. Ср. также прилагательное *обыклый* “привычный, имеющий навык”: *обыклый* к делу - *ишке көнгөн / үйрөнгөн.*

2. **Общеупотребительные и нормативные:** *обычный, обыкновенный.* В представлении ученого первое имеют значение «обыкновенный, заведенный», а второе - «почти всегдашний, бывающий большей частью, сплошь и рядом», противопоставляясь словам *исключительный, особенный, из ряда вон, а* также

«простой, обиходный, немудрый». Ср. приведенные в словаре примеры и их эквиваленты в кыргызском языке: *Обычный* **порядок.** - *Демейдеги* тартип / *Адаттагы / күндөлүк / дайымкы / ар качанкы* ирет. *Обычное* дело. – Күндөлүк / адаттагы / дайымкы / кадыресе иш. *Обычная* отговорка. - Адаттагы шылтоо. Ср. устаревшее выражение: Он к этому делу *обычен / обык / приучен / изловчился* [46, т. 2, с. 638]. - Ал бул ишке *көнүк*. Это наш *обыкновенный* порядок. - Бул биздин *күндөлүк / адаттагы / дайымкы / ар качанкы / демейдеги* тартип. *Обыкновенная* пища. – Көнүк тамак; Он человек *обыкновенный*, рядовой, ума *обыкновенного*. - Ал *жөнөкөй* катардагы, акылы *жөнөкөй* адам / Ал *карапайым*, катардагы, акыл-эси *карапайым* адам.

Как видим, кыргызский язык допускает многовариантный перевод. Это, по-видимому, связано с тем, что передаваемые качества в силу своей продуктивности и частотности употребления открывают возможность для гибкого обозначения и синонимичного называния с помощью целого ряда лексем, о чем свидетельствуют и факты современного русского языка. В этом языке свойства предметов, людей и животных, именуемые словами *обычный* и *обыкновенный*, номинируются целым рядом синонимичных слов: *рядовой, заурядный, ординарный, простой* и др., которые тоже входят в состав номинантов дальней периферии в семантической системе концепта “Традиция”.

В. В.Даль приводит и субстантивные номинанты в гнезде глагола *обыкать*. В этом гнезде, конечно, центральное место занимает слово *обычай.* Его семантика раскрывается с помощью значений слов *нрав, повадки, привычка*. В понимании В.Даля и носителей русского языка XIX века *нрав* - это 1) общее выражение свойств человека, постоянных стремлений его воли, характер: *нрав тихий, кроткий, буйный, крутой* - *мүнөзү жоош, тартынчаак, оолукма, катаал; нрав человека* - *адамдын мүнөзү / күлк-мүнөзү;естественный / прирожденный / природный нрав* – табигый / тубаса мүнөз; *выработанный / сознательный / возрожденный нрав* - кабыл алынган / өздөштүрүлгөн / пайда болгон күлк-мүнөз; 2) общее выражение свойств целого народа, населения, племени, не столько зависящее от личности каждого, сколько от условно

принятого; житейские правила, привычки, обычаи: *нравы славян* - славяндардын жорук-жосундары, *нравы животных* - жаныбарлардын кыялдары, *он пришелся мне по нраву* - ал мага күлк-мүнөзү боюнча жакты; ср. провербиальные средства*: Нравом хорош, да норовом негоже.* - Мүнөзү жакшы, кыялы болсо жакпайт (два однокоренных синонима с полногласием и неполногласием в данном контексте приобретают противоположные значения); *На женский нрав не угодишь*. - Аялдын кыялына жакпайсың; *У девушки нрав красою закрыт*. - Кыз кыялын сулуулугу жабат / тосот и т.д.

Значение слова *повадка* (поваженье, повад, повада в говорах) исследователь русского языка представляет как “приучение соблазнами, приманивание; поворствование, способствование приобретению дурных наклонностей и привычек”: Жене *повадки* не давай. - Аялды терс *жорукка* көндүрбө. Ему дай *повадку*, так он и две возьмет. - Аны бир жаман *жорукка* көндүрсөң, экини алат. Слово *повадка* содержит сему “отрицательная привычка”. Ср. пример в РКС: Оставь эту *повадку*! - Бул *жорукту / жоругуңу* ташта! [154, с. 565]. Следовательно, его значение можно передавать словом *жорук* “повадка” или сочетанием *терс (жаман) адат* “плохая / отрицательная привычка”.

В семантическом гнезде глагола *обыкать* занимает определенное место и слово *обыкновение,* которое сравнивается В.Далем со словом *обычай* и имеет, по его мнению, значения “привычки, принятое, усвоенное дело, обиходное; принятый порядок, обряд, общий образ действий”, которые образуют семантику как слова *обыкновение,* так и слова *обычай.* Ср. пример: монастырские *обычаи* - чиркөө салттары / ырым-жырымдары / шаан-шөкөттөрү; Худому *обычаю* потачки не давай. - Терс *жорукка/ адатка* жол бербе.

В состав субстантивных номинантов концепта “обычай” можем отнести и другие имена существительные, употребляемые в разговорной речи, просторечии и говорах. От глагола *обыкать*, по-видимому, образованы субстантивы *обыканье, обык, обычка, обычье.* Слово *обык* передает значения

“привычка; навык, умение; обычай, обряд, обыкновение, мода; нрав, норов, характер”. Ср. У него *обык* такой, что весь пол заплюет. - Анын *адаты* ушундай: полду бүт түкүрүк кылат. За *обык* не стой. - *Адатты* кармана бербе / *Адатты* ташта. Против *обыка* не спорь. – *Адатка / салтка / үрп-адатка* каршы талашпа. Собой пригожа, да *обыком* негожа. - Өзү ылайык, *мүнөзү* болсо ылайыксыз. Хоть *обычкой*, а со спотычкой. - *Адат* болгону менен өөнү бар / *Көнүк* болгону менен кемчилдиги бар. Слово *обычье* выражает значение “обык, обыкновенье, обычай”.

Среди субстантивов есть и одушевленные наименования. Это - слова *обычник* и *обычница* со значением “обычный и ежедневный гость; всегдашний посетитель клуба, театра, гостиницы”. Их значение не демонстрируется примерами.

В гнезде приводятся наречия *обыкновенно* и *обычно*, соотносительные с соответствующими прилагательными и имеющие значение “большей частью, почти всегда”. Ср.: *Обыкновенно*, я гуляю после обеда. - Мен *адатта / дайыма / демейде* түштөнүүдөн кийин сейилдеймин.

Таким образом, словообразовательно-семантическое гнездо глагола *обыкать*, по В.Далю, имеет сложный состав. Оно включает в себя глаголы (*обыкнуть, изобыкнуть, приобыкнуть, разобыкнуть, обычничать* и др.), прилагательные (*обыклый, обычайный, обычливый, обыковый, обычный, обычливый, обыкновенный),* наречия *(обыкновенно, обычно)* и существительные (*обычай, обык, обычка, обыкновение, обычье, обычник, обычница*). Среди них особое место занимает слово *обычай*, служащее для нас одним из основных номинантов концепта “Традиция”. Для демонстрации употребления этого слова автором использовано 19 примеров, в том числе 14 пословиц. Кроме того, в двух случаях присутствует понятие “обычай” без материального репрезентатива. Ср. У бабы *обычай*, у девки свой. - Катындын өз **адаты** бар, кыздын өз **адаты** бар; У Сидора *обычай*, а у Карпа свой. - Сидордун өз **адаты** бар, Карптын өз **адаты** бар. В этих примерах возвратно-притяжательный прономинатив *свой* вобрал в свою семантику лексическое значение слова

обычай в предыдущей части сложного предложения, приобретая комплексный местоименно-субстантивный смысл. Кыргызское предложение “реконструирует” фразу, повторно использует эквивалент слова *обычай* (адат). Других примеров у В.Даля - 36. Они распределяются между всеми прочими существительными, а также глаголами, прилагательными и наречиями, что говорит о продуктивности, смысловой емкости, достаточной обработанности, общенародности и нормативности слова *обычай* в русском языке XIX века. На этом основании считаем, что **слово обычай занимало центральное место в ментально-языковом сознании В.Даля** при разработке статьи *обыкать* в толковом словаре.

Таким образом, мы имеем все основания считать, что В.Даль, всесторонне изучив состав, семантику и гнездообразование целого ряда лексических единиц русского языка, употребляющихся как в литературном языке, так и в просторечии, разговорном и диалектном стилях речи, сохранил для потомков модель языка XIX века, показал истоки и мотивы многих новообразований в системе номинантов концепта “Традиция” и оставил новым поколениям лексикографов образцы презентации и толкования слов в языке.

3.7. Результаты исследования и ассоциативного эксперимента

Нам необходимо было выявить понимание людьми этнической традиции, ее структуры и характерных составляющих. Для этого к опросу нами были привлечены представители молодежи в возрасте 19-20 лет, имеющей среднее общее образование и обучающейся на гуманитарных факультетах Ошского университета. Преобладающее большинство из них являются билингвами - носителями кыргызско-русского двуязычия. В эксперименте участвовало 173 молодых человека. Им было предложено ответить на пять вопросов:

1. Что такое традиция? – Традиция деген эмне?

2. Из каких элементов (видов) состоит традиция?- Традициянын кандай элементтери (түрлөрү) бар?

3. Как и почему изменяется традиция? - Традиция кантип өзгөрүлүп турат?

4. Какие традиции бывают национальными, а какие – межнациональными?- Кандай традициялар улуттук, кандайлары улут аралык болушат?

5. Как можно перевести слово “традиция” на кыргызский язык? – “Традиция” сөзүн кантип кыргызча берүүгө болот?

Нам представлялось достаточным, что, отвечая на предложенные пять вопросов, наши респонденты проявят свои знания и опыт в рамках понятия “традиция” и постараются полнее изложить свое видение его содержания и общего каркаса.

Из 173 ответов 107 было на кыргызском языке, 61 - на русском, 3 - на узбекском, 2 - на таджикском языке. Совершенно пустыми или почти пустыми были 11 листов, обстоятельные и развернутые ответы содержались на 58 листах, краткие, но достаточно полные ответы – на 46 листах, очень слабые и частичные ответы (на 1, 2, 3 вопроса) – на 68 анкетах.

Анализ ответов респондентов показал, что мы тоже допустили некоторую оплошность, предложив им частично дублирующие вопросы (1, 2). Потому что в 26 ответах имеют место дублирующие ответы: традиция – элдик үрп-адаттар (в 21 без дефиса, в 3 через запятую) при ответе на 1-й вопрос и “үрп-адаттар” при переводе слова на кыргызский язык по 5-му вопросу.

Тем не менее результаты эксперимента показывают значимость понятия “традиция” для менталитета этноса, интерес молодежи понять и осмыслить его содержание в условиях глобализации мышления, поведения и образа жизни людей. Необходимо отметить, что в ряде случаев замечается обращение испытуемых к данным интернета. В 13 ответах на 1-й вопрос они ссылаются на латинское происхождение термина (лат. *traditie* «передача, предание»), что говорит о том, что наши респонденты передавали не только свое “видение”, но и установленные учеными данные.

Изучение анкет показывает, что степень понимания респондентами объема понятия “традиция” разная, о чем говорит содержание таблицы № 1.

Таблица №1

ПРИЗНАКИ ПОНЯТИЯ «ТРАДИЦИЯ»	ОТВЕТЫ РЕСПОНДЕНТОВ
1. Латинское слово	13
2. Мурас (наследие)	46
3. Салттар (обычаи)	31
4. Адаттар (обычаи, привычки)	16
5. Үрп-адаттар (обычаи, поверья)	74
6. Булардын белгилери	
а) коомдук (социальное, общественное)	31
б) маданий (культурное)	28
в) улуттук (национальное)	17
г) класстык, касталык, расалык (классовое, кастовое, расовое)	4
д) материалдык (материальное)	1
е) рухий (духовное)	1
ж) муундан муунга өткөн (передаваемое от поколения к поколению)	61
з) туруктуу, үзгүлтүксүз колдонулган (применяемое непрерывно, систематически)	67
и) элден элге өткөн (переходящее от одного народа к другому)	13
к) узак убакытта жашаган (существующее длительное время) и др.	2

Некоторые признаки отмечаются только в отдельных анкетах (д, е), другие представлены многократно и легко актуализировались в сознании испытуемых (ж, з, 4 и др.). В ряде ответов (5 анкет) содержатся сразу 7-8 пунктов, что свидетельствует о начитанности и широте познаний респондентов.

Ответы на второй вопрос в ряде случаев повторяют ответы на первый вопрос, но в целом отличаются от них, поскольку в вопросе предполагается только перечисление элементов традиционной культуры этноса. Элементы и

виды традиции многочисленны и кругозор наших респондентов оказался неадекватным общей конструктивной модели традиции. Отметим некоторую ограниченность миропонимания отвечающих (табл. №2).

Таблица №2

СОСТАВЛЯЮЩИИ ТРАДИЦИИ	ОТВЕТЫ РЕСПОНДЕНТОВ
Виды и элементы традиций, обычаев, обрядов и ритуалов общества (коомдогу каада-салттардын, адаттардын, ырым-жырымдардык түрлөрү жана элементтери)	
1. Бытовые (тиричилик)	
а) семейные (үй-бүлөлүк)	1 (шыралга суроо)
б) связанные с земледелием (дыйканчылыкка байланыштуу);	137
в) связанные с садоводством (багбанчылыкка байланыштуу);	128
г) связанные с животноводством (мал чарбасына байланыштуу);	-
д) относящиеся к охоте (уучулукка, аңчылыкка) тиешелүү) и др.	75
2. Календарные, погодные и другие обряды и обычаи:	74
а) празднование Нового года (жаңы жылды майрамдоо);	56
б) празднование Навруза (Ноорузду белгилөө);	3
в) ритуалы, связанные с первой грозой (биринчи күн күрөөнү белгилөө) и т.д.	1
3. Религиозные праздники и церемонии:	1
а) праздник Рамазан (орозо айт);	
б) праздник жертвоприношения (курбан айт);	
в) пятикратная молитва (беш убак намаз);	-
г) произношение исламского символа веры (келме келтирүү);	
д) празднование Пасхи (Пасханы белгилөө);	-
е) празднование Рождества (Рождествону майрамдоо);	

ж) ритуал крещения ребенка (баланы чокунтуу жөрөлгөсү) и др.	-
4. Светские праздники (динден тыш майрамдар):	26
а) празднование Дня независимости (Эгемендүүлүк Күнүн майрамдоо);	43
б) проведение профессиональных праздников – Дня учителя, Дня врачей и т.д. (адистиктердин майрам күндөрүн белгилөө);	1 15
в) празднование Дня памяти истории и исторических личностей 7 ноября (тарых, тарыхый инсандарды эскерүү күнү);	87
г) празднование Дня защитников Отечества (Мекенди Коргоочулар күнүн белгилөө);	23 2
д) празднование Дня женщин (Аялдар күнүн белгилөө);	11
е) празднование Дня солидарности народов (Элдердин тилектештик күнүн белгилөө);	8 120
ж) празднование Дня победы (Жеңиш күнүн белгилөө);	
5. Обычаи, обряды, связанные с созданием семьи (үй-бүлө курууга байланышкан салттар, ырым-жырымдар):	-
а) обряд сватовства (кудалашуу салты);	
б) обычай кражи девушки (кыз ала качуу салты);	
в) обычай проводов невесты (кыз узатуу салты);	
г) обычай приготовления приданого (сеп даярдоо салты);	2
е) обычай выкупа невесты (калың берүү салты);	2
ж) устройство свадьбы (үйлөнүү тоюн уюштуруу);	
з) ритуал бракосочетания с участием официальных лиц (расмий кишилердин катышуусунда никеге өткөрүү салты) и т.д.	1
6. Обряды, связанные с рождением и ростом детей (балдардын төрөлүшү жана өсүшүнө тиешелүү салттар):	-
а) получение подарка за радостную весть о рождении ребенка (сүйүнчү алуу салты);	-
б) угощение по случаю рождения ребенка (жентек той);	1
в) празднование исполнения ребенку года (тушоо	-

кесүү) и др. 7. Обряды, связанные со смертью человека (сөөк узатуу салты): а) извещение родных, близких, односельчан и др. о кончине человека (дүйнө салыш тууралуу кабарлоо); б) организация поминок со своими сценариями (сөөктү узатуу ырым-жырымдарын уюштуруу); в) угощение посетителей похорон (кара аш берүү); г) соблюдение правил траура (аза күтүү салтын сактоо); д) устраивание годовщины смерти (жылдык өткөзүү) и т.д. 8. Обычаи, связанные с организацией и проведением зрелищных игр (тамаша оюн-зөөктөрдү уюштуруп өткөзүү салттары): а) игра в ордо (ордо атуу); б) устраивание козлодрания (көпкөрүү өткөрүү); в) устраивание скачек (ат чабыш).	2 3 6 6

Как видим, в сознании молодежи актуализировались прежде всего обычаи празднования Нового года (137), Навруза (128) и свадьбы (120). Вторую позицию занимают пункты – обряд сватовства (87), празднование Рамазана (75), Дня жертвоприношения (74) и пятикратная молитва мусульман (56). Последнее объясняется активизацией деятельности и ростом влияния религиозных работников среди подрастающего поколения.

В этой сфере необходимо принять меры, которые могли бы нейтрализовать или остановить эту активность. Третья позиция в перечне составляющих этнических обычаев и обрядов отдается пунктам празднования 8 Марта (43), 23 Февраля (26), кражи девушки (23). А остальные пункты в количественном отношении резко обособлены и заполнены совсем ограниченным числом опрошенных.

Иногда перечисляются и такие действия, как обряды изготовления и надевания амулета, талисмана; приемы отчитывания больного, заговаривания и

заклинания; способы лечения от испуга (толкание пальцем небо) и т.д. (анкета под № 8, 30, 71).

Третий вопрос требует интеллектуальных усилий со стороны респондентов – знания фактов изменений, преобразований и трансформаций в этнических традициях. Их всех 173 опрошенных на 3 вопрос ответили 52, а у остальных данный пункт оказался незаполненным. В ответах не указаны причины и социальные мотивы изменений, возникновения новых и исчезновения устаревших обычаев, верований и ритуалов. Поэтому наша таблица выглядит упрощенной и односторонней.

Таблица №3

ХАРАКТЕР И МОТИВЫ ПРИМЕНЕНИЙ ТРАДИЦИЙ	ОТВЕТЫ
1. Изменения есть (өзгөрүүлөр бар).	52
2. Причины изменений (өзгөрүүлөрдүн себептери) указаны в 32 ответах:	
а) рост экономики (экономиканын өсүшү);	16
б) развитие образования (билимдин өсүшү);	12
в) развитие культуры (маданияттын өнүгүшү);	3
г) развитие правосознания у народа (элдин укугун өздөштүрүү).	1

В трех ответах отмечается устаревший характер кражи девушек, в одном - несовместимость этого обычая с законом и нормами морали.

Следующий вопрос имеет целью определить, насколько разбирается молодежь в природе обычаев и традиций и прежде всего в разграничении их интернациональных и узко национальных разновидностей.

Отвечая на этот вопрос, некоторые участники опроса путают национальные и религиозные (интернациональные), религиозные и языческие, национальные и региональные обычаи. Например, в трех ответах Навруз считается общемусульманским праздником, в одиннадцати - кыргызским национальным (Нооруз), в семи - международным праздником, только в шести

ответах Навруз называется региональным, распространенным в Средней Азии праздником и не имеющим ничего общего с исламскими установлениями и осуждаемым мусульманскими догматами как языческое обыкновение. Поэтому иногда бывает трудно определить, какие обычаи респонденты считают межнациональными, какие - национальными.

Таблица №4

РАЗНОВИДНОСТИ ТРАДИЦИЙ	ОТВЕТЫ
1. Межнациональные обычаи:	
а) Новый год	141
б) Навруз	107
в) 8 Марта	93
г) Свадьба (в 6 анкетах подразумеваются межнациональные браки)	82
д) Поклонение Богу	11
е) Почитание родителей	7
ж) Почитание пожилых людей	3
з) Новоселье	1
2. Национальные обряды и обычаи:	136
а) кыз ала качуу (кража девушки)	98
б) сүннөткө отургузуу (ритуал обрезания)	43
в) өкүл эне, өкүл ата дайындоо (назначение посаженных отца и матери)	4
г) өкүл кыз, өкүл уул дайындоо (определение посаженных дочери и сына)	33
д) сармерден ырдоо (петь поочередно любовные и шуточные песни)	27
е) көк бөрү өткөзүү (устраивание козлодрания)	16
ж) сүйүнчүлөө (получение подарка за сообщение хорошей вести)	15
з) кыз куумай (догони девушку)	3
и) ат кою жөрөлгөсү (ритуал наречения ребенка)	6
к) тушоо кесүү, кыркуу (обычай перерезания ниточки, которой предварительно связываются ноги начинающего ходить ребенка)	2

л) калың бычуу (определение размера выкупа невестки)	1
м) келме келтирүү (произношение символа веры в Аллаха)	1
н) бата берүү (выражение благопожелания)	

Необходимо отметить, что в некоторых анкетах только констатируется наличие межнациональных и национальных обрядов и обычаев (17), не называются конкретно их виды. В ряде случаев данный пунк вопроса оставлен без ответа (9). В одной анкете указывается возможность государственного регулирования обычаем: отмечается запрет громкого пятикратного призыва к молитве в мечетях и ограничение форм и масштабов проведения свадебных торжеств в Узбекистане. Нужно заметить, что не все приведенные в анкетах обряды являются национальными (кыргызскими). Многие из них носят интернациональный характер. Например, обрезание и благопожелание входят в обычаи многих народов.

Последний вопрос не имеет ответа в 18 анкетах, в том числе в 3 анкетах на узбекском и 2 анкетах на таджикском языках. Все остальные содержат кыргызские и русские эквиваленты латинского термина традиция.

Таблица №5

КЫРГЫЗСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ТЕРМИНА ТРАДИЦИЯ	ОТВЕТЫ
1. Үрп-адат (үрп-адаттар, элдик үрп - адаттар)	26
2. Салт	2
3. Каада-салт	93
4. Салт-санаа	1
5. Каада-салт, салт-санаа	4
6. Каада-салт, ырым-жырым	3
7. Каада-салт, үрп-адат	6
8. Үрп-адат	2
9. Адат, салт, тартип, эреже	1
10. Обычай	17

11. Наследие	1

Не совсем было понятно, почему испытуемые в 13 анкетах в качестве кыргызских эквивалентов использовали слова *обычай* (12) и *наследие* (1). По-видимому, в их сознании произошла контаминация и смешение синонимических и переводных эквивалентов термина.

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые общие выводы:

1. Концепт “Традиция” занимает в сознании носителей кыргызско-русского двуязычия важное место и объединяет в рамках своего содержания значения микроконцептов “обычай / салт”, “обряд / үрп-адат”, “правило / эреже” и т.д.

2. Имея номинант с широкой семантической сферой, он используется для выражения и объяснения многих явлений социокультурной жизни общества, обладающих признаками наследования, преемственности, устойчивости и способности к регулированию деятельности людей в социуме.

3. При всем многообразии понимания людьми понятийного содержания данного концепта они осознают его социокультурную значимость и важную роль в развитии общества.

Выводы по III главе

Вышеизложенное позволяет заключить некоторые общие выводы.

1. Концепт “Традиция” имеет крупное семантико-когнитивное содержание, разновидности и типы в виде представлений, образов, символов, понятий, схем, скриптов, гештальтов и т.д. и материализуется в словах, словосочетаниях, предложениях, провербиальных средствах и текстах.

2. Концепт “Традиция” многослоен, полиаспектен, предполагает изучение с разных позиций и точек зрения. Когнитивное содержание этого концепта позволяет рассмотреть его как макроконцепт, выделяющий внутри себя

микроконцепты, объективируемые в словах *обычай, обыкновение, привычка, правило, обряд, ритуал* и т.д. Не все микроконцепты полностью входят в семантическую сферу макроконцепта, а проникает в нее частично, только одной, двумя сторонами (семами).

3. В лингвокультурологии, лингвоэтнокультуроведении, когнитивном языкознании и лингвоконцептологии разновидности, виды и типы концептов изучены основательно (Абдулатов А.А., Абыканова Г.А., Айылчиева Д.Т., Амиралиев С.М., Бабушкин А.П., Бижева З.К., Болдырев Н.Н., Бутешева А.Р., Воркачев С.Г., Демьянков В.З., Дербишева З.К., Калмурзаева А.А., Камбаралиева У.Д., Кильдибекова Т.А., Кравченко А.В., Красавский Н.А., Маслова В.А., Минский М., Пименова М.В., Попова З.Д., Стернин И.А., Сыдыков А.Н., Тагаев М.Дж., Толокова Э.Т., Учайкина Е.Н., Фесенко Т.А., Фрумкина Р.М. и др.). Описание только отдельных фреймов или сценариев таких микроконцептов традиции, как “Свадьба” или “Прием гостей”, могло бы занять объем солидного сочинения. Поэтому мы ограничились изложением только принципов и базовых положений теории, связанных с когнитивно-семантическим содержанием концепта “Традиция”.

4. Концепт устроен не только парадигматически, состоит из совокупности когнитивно-семантически связанных ментальных единиц, обладающих как общими, так и специфическими чертами. Он оформляется и синтагматически – в структуре одного предложения, имея иерархически связанные значения и номинанты. В одной концептуально насыщенной фразе можно выделять центральную, второстепенную и третьестепенную семы с соответствующими репрезентативами. Типичные эпитеты относятся к ближней периферии концепта в составе фразы.

5. В паремийных формулах языка четко дифференцируются константные и переменные смыслы. Константа в паремии проявляется в виде обобщенного, устойчивого и постоянного значения, а ее переменные – в вариантах, трансформах и синонимах исходной конструктивно-смысловой структуры.

6. Описание фактического материала по направлению «от русского языка к кыргызскому» существенно дополняет, уточняет и расширяет сведения о когнитивно-семантической структуре концепта «Традиция» и его репрезентантах. В таком описании раскрываются такие стороны изучаемого концепта, которые оставались незамеченными при подходе «от кыргызского языка - к русскому». В работе раскрыто ментально-языковое содержание кыргызских табуированных императивов.

7. В главе дополнительно обосновано положение о том, почему мы выбрали концепт «Традиция» для специального изучения. Показана интегрирующая роль этого концепта в объединении и концентрированной характеристике целого ряда микроконцептов и их экспонентов в языке.

8. По данным лексикографических (как монолингвальных, так и диалингвальных) источников выявлена и описана семантическая структура концепта «Традиция» и состав значений его основных номинантов.

9. В работе установлены кыргызские эквиваленты всех наименований микроконцептов традиции и продемонстрированы случаи точного, приблизительного и варьируемого переводов их русских номинантов.

10. В главе показано, что семы ряда номинантов микроконцептов не полностью, а частично проникают в семантическую сферу макроконцепта «Традиция». Между микроконцептами и макроконцептом, между гипонимами и гиперонимом отсутствует однозначное и точное соответствие, что объясняется многоликостью, сложной устроенностью и полиаспектностью исследуемого концепта.

11. Нами установлены когнитивно-семантические признаки как макроконцепта «Традиция», так и соответствующих микроконцептов-компонентов; корреляция этих признаков продемонстрирована в виде схемы; определено соотношение микроконцептов с макроконцептом на конкретных лингвистических фактах.

12. Все номинанты концепта «Традиция» имеют типичные определения, которые раскрывают сущность и содержание концепта через его экспоненты.

Эпитеты составляют ближайшее окружение концепта, передавая его наиболее известные, важные, необходимые и общие свойства.

13. Классификация эпитетов осуществлена в соответствии с ментально-семантическим своеобразием изучаемого концепта.

14. Индивидуально-авторское понимание семантики слов т*радиция* и *обыкать* в трудах В.В.Даля не противоречит современному представлению о традиции и существенно дополняет содержание концепта «Традиция» семантикой разговорных и просторечных его номинантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепт «Традиция» является многоплановым, сложно устроенным ментальным образованием. Он имеет целый ряд слоев, каждый из которых заслуживает быть предметом научного осмысления.

В России разные аспекты и слои данного концепта были объектом изучения философов, социологов, политологов, этнографов-историков, юристов, экономистов, фольклористов и представителей других отраслей знания.

Особого внимания заслуживают труды лингвокультурологов и языковедов-когнитивистов, которые исследуют концептуально-ментальные основы языковых средств, именующих типы, виды и разновидности концепта “Традиция”.

В ряде исследований рассматривается фреймово-сценарное строение отдельных разновидностей изучаемого концепта («Вера», «Гостеприимство», «Свадьба», «Погребение» и т.д.).

В кыргызоведении мы различаем два подхода к изучению национальных традиций народа. Один подход свойствен исследователям с европейским (российским) менталитетом, другой - исследователям кыргызского происхождения. Труды второй группы отличаются широтой охвата национальных обычаев, защитным пафосом, публицистическим стилем изложения и стремлением к внедрению в современную жизнь общества устаревших стереотипов и обрядов (противодействием глобализации поведения и мышления людей).

В целом ряде исследований обосновано положение о необходимости воспитания подрастающего поколения в духе заветов предков, единения нации, патриотизма и заботы о потомстве.

Номинанты интернационального и межкультурного концепта «Традиция» специально не изучены. Однако имеются отдельные лингвоэтнокультуроведческие исследования, в которых авторы в той или иной степени касаются проблематики объективации концепта «Традиция» и указывают на специфику менталитета кыргызов и их стереотипных представлений об окружающем мире.

Концепт - ключевая категория антропоцентрического языкознания. Он имеет сложное строение и не поддается непосредственному наблюдению, поскольку функционирует в сознании как его единица.

Концепт “Традиция” является крупным семантико-когнитивным блоком концептосферы языка. Он имеет разновидности и типы в виде представлений, образов, символов, понятий, схем, скриптов, гештальтов и т.д. и

материализуется в словах, словосочетаниях, предложениях, провербиальных средствах и текстах, а также в невербальных знаках.

Концепт “Традиция” выступает как многослойное, полиаспектное и многокомпонентное ментально-языковое образование, предполагающее изучение с разных позиций и точек зрения. Когнитивное содержание этого концепта позволяет рассмотреть его как макроконцепт, выделяющий внутри себя миниконцепты, объективируемые в словах *обычай, обыкновение, привычка, правило, обряд, ритуал* и т.д. Не все микроконцепты полностью входят в семантическую сферу макроконцепта, а проникают в нее частично, только одной, двумя сторонами (семами).

В лингвокультурологии, лингвоэтнокультуроведении, когнитивном языкознании и лингвоконцептологии разновидности, виды и типы концептов изучены основательно (Абдулатов А.А., Абыканова Г.А., Айылчиева Д.Т., Амиралиев С.М., Бабушкин А.П., Бижева З.К., Болдырев Н.Н., Бутешева А.Р., Воркачев С.Г., Демьянков В.З., Дербишева З.К., Калмурзаева А.А., Камбаралиева У.Д., Кильдибекова Т.А., Кравченко А.В., Красавский Н.А., Маслова В.А., Минский М., Пименова М.В., Попова З.Д., Стернин И.А., Сыдыков А.Н., Тагаев М.Дж., Толокова Э.Т., Учайкина Е.Н., Фесенко Т.А., Фрумкина Р.М. и др.). Описание только отдельных фреймов или сценариев таких микроконцептов традиции, как “Свадьба” или “Прием гостей”, могло бы занять объем солидного сочинения. Поэтому мы ограничились изложением только принципов и базовых положений теории, связанных с когнитивно-семантическим содержанием концепта “Традиция”.

Концепт устроен не только парадигматически, состоит из совокупности когнитивно-семантически связанных ментальных единиц, обладающих как общими, так и специфическими чертами. Он оформляется и синтагматически – в структуре одного предложения, имея иерархически связанные значения и номинанты. В одной концептуально насыщенной фразе можно выделять центральную, второстепенную и третьестепенную семы с соответствующими

репрезентативами. Типичные эпитеты относятся к ближней периферии концепта в составе фразы.

В паремийных формулах языка четко дифференцируются константные и переменные смыслы. Константа в паремии проявляется в виде обобщенного, устойчивого и постоянного значения, а ее переменные – в вариантах, трансформах и синонимах исходной конструктивно-смысловой структуры.

Описание фактического материала по направлению «от русского языка - к кыргызскому» существенно дополняет, уточняет и расширяет сведения о когнитивно-семантической структуре концепта «Традиция» и его репрезентантах. В таком описании раскрываются такие стороны изучаемого концепта, которые оставались незамеченными при подходе «от кыргызского языка - к русскому».

В главе дополнительно обосновано положение о том, почему мы выбрали концепт «Традиция» для специального изучения. Показана интегрирующая роль этого концепта в объединении концентрированной характеристике целого ряда микроконцептов и их экспонентов в языке.

По данным лексикографических (как монолингвальных, так и диалингвальных) источников выявлена и описана семантическая структура концепта «Традиция» и состав значений его основных номинантов.

В работе установлены кыргызские эквиваленты всех наименований микроконцептов традиции и продемонстрированы случаи точного, приблизительного и варьируемого переводов их русских номинантов.

В главе показано, что семы ряда номинантов микроконцептов не полностью, а частично проникают в семантическую сферу макроконцепта «Традиция». Между микроконцептами и макроконцептом, между гипонимами и гиперонимом отсутствует однозначное и точное соответствие, что объясняется многоликостью, сложной устроенностью и полиаспектностью исследуемого концепта.

Нами установлены когнитивно-семантические признаки как изучаемого макроконцепта, так и соответствующих микроконцептов; корреляция этих

признаков продемонстрирована в виде схемы; определено соотношение микроконцептов с макроконцептом на конкретных лингвистических фактах.

Все номинанты концепта «Традиция» имеют типичные определения, которые раскрывают сущность и содержание концепта через его экспоненты. Эпитеты составляют ближайшее окружение концепта, передавая его наиболее известные, важные, необходимые и общие свойства.

Классификация эпитетов осуществлена в соответствии с ментально-семантическим своеобразием изучаемого концепта.

Индивидуально-авторское понимание семантики слов т*радиция* и *обыкать* в трудах В. В.Даля не противоречит современному представлению о традиции и существенно дополняет содержание концепта «Традиция» семантикой разговорных и просторечных его номинантов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдалиева, Г. Кытайлык кыргыздардын салт-санаасы [Текст] / Г. Абдалиева // Ата-бабалар табериги. –Бишкек, 2011. –154-192б.

2. Абдувалиева, Э. А. Концепт как категория гносеологии и языкознания [Текст] / Э.А.Абдувалиева, Д.Б. Мадаминова, А. К. Зулпукаров // Современные тенденции развития науки и новых технологий. – Белгород, 2017. – № 3-5. – С. 12-15.

3. Абдулатов, А.А. Паремияларды когнитивдик-педагогикалык максатта сыпаттоонун айрым проблемалары [Текст] / А. А. Абдулатов. – Ош: [б.и.], 2006. – 149 б.

4. Абрамзон, С.И. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи [Текст] / С. И. Абрамзон. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 480 с.

5. Абыканова, Г. А. Концепт Вода-Суу в русском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис... канд.филол. наук: 10.02.20 / Г. А. Абыканова. – Бишкек, 2012. – 25 с.

6. Айылчиева, Д.Т. Константы и переменные в провербиальном пространстве языка [Текст] / Д. Т. Айылчиева // Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка. – Бишкек, 2016. – С.447-564.

7. Акматалиев, А. Балага байланыштуу каада-салт, жөрөлгөлөр [Текст] /А. Акматалиев // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – 29-49 б.

8. Акматалиев, А. Конокту урматтоо [Текст] /А. Акматалиев // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – 114-137 б.

9. Акматалиев, А. Кыргыздардын тууган-уругу, жерге-жээги [Текст] /А. Акматалиев // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – 7-24 б.

10. Акматалиев, А. Кыргыздын көөнөрбөс дөөлөттөрү [Текст] / А. Акматалиев. – Бишкек: Шам, 2000. – 348 б.

11. Алибаев, З.А. Восточные эпические традиции в современной башкирской прозе [Текст] / З.А. Алибаев // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2014. – С. 349-351.

12. Алимова, Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем (равнинный Дагестан) [Текст] / Б.М. Алимова. – Махачкала: Дагестан.кн. изд-во, 1989. – 112 с.

13. Амиралиев, С.М. Тилдин менталдык семантикасындагы кинологиялык концепттер [Текст]: филол. илим канд. ... дис. автореф: 10.02.19 / С. М. Амиралиев. – Бишкек, 2015. – 23 б.

14. Антонякова, Д. Фразеологические единицы русского языка, связанные с обычаями и обрядами [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол. наук: 10.02.19 / Д. Антонякова. – Ростов н/Д., 1995. – 20 с.

15. Аристов, Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии [Текст] / Н.А. Аристов. – Бишкек: Илим, 2001. – 582 с.

16. Арутюнов, С.А. Обычай, ритуал, традиция [Текст] / С.А. Арутюнов // Сов. этнография. – 1981. – №2. – С. 97-99.

17. Асанбеков, М.К. Традиции и обычаи в динамике образа жизни сельского населения Киргизии [Текст]: автореф. дис. ...канд.соц. наук: 22.00.04 / М. К.Асанбеков. – М., 1993. – 23 с.

18. Асанова, Ж. Балдарды тарбиялоочу үрп-адат, салттар [Текст] / Ж. Асанова // Ата-бабалар табериги.–Бишкек, 2011. – 49-63 б.

19. Аттокурова, А. Талып Молдо: кыргыздын каада-салттары [Текст] / А. Аттокурова // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – 137-145 б.

20. Бабаев, К.Ф. Идеи добрососедства и гостеприимства в народных изречениях дагестанских азербайджанцев [Текст] / К. Ф. Бабаев // Изв. Дагестан. гос. пед. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. –Махачкала, 2009. – № 4. – С. 32-34.

21. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: [б.и.], 1997. – 330 с.

22. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А. К. Байбурин. – СПб: Наука, 1993. – 240 с.

23. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] / А.Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11-21.

24. Барсегян, А.И. О классификации форм культурной традиции [Текст] / А. И. Барсегян // Сов. этнография. – 1981. – № 2. – С.102-103.

25. Белкин, А.А. Обычаи и обыкновения в государственном праве [Текст] / А.А. Белкин // Правоведение. – СПб., 1998. – № 1. – С. 34-39.

26. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура [Текст]: этнолингвист. исслед. / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
27. Бернштам, А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана [Текст] / А.Н. Бернштам. – Бишкек: Айбек, 1997. – Кн. I.– 560 с.
28. Бесолова, Е.Б. Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения [Текст] / Е. Б. Бесолова. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 406 с.
29. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика [Текст]: курс лекций по англ. филологии / Н. Н. Болдырев.–изд. 2-е. – Тамбов: Тамбов. ун-та, 2001. –123 [110] с.
30. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопр. когнитивной лингвистики. –Тамбов, 2004. – № 1. – С. 18-36.
31. Болотакунова, Г.Ж. Номинативно-функциональное поле психического состояния удивление в языке [Текст]: автореф. дис... канд.филол. наук / Г. Ж. Болотакунова. –Бишкек, 2016. – 24 с.
32. Болхоева, А. Б. Репрезентация концепта гостеприимство в русском и английском языках [Текст] / А.Б. Болхоева // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. –Вып. 2. –С. 55-62.
33. Большая советская энциклопедия [Текст]: в 30 т. / гл.ред. А.М.Прохоров. – М.: Сов. энцикл., 1974. – Т. 18: Никко - отолиты. – 694 с.; Т.22: Ремень - Сафи. – 1975. – 628 с.
34. Бондырева, С. К.Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества [Текст]: учеб. пособие для вузов / С.К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М.: Изд-во Моск. психолого-социал. ин-та; Воронеж:Изд-во НПО МОДЭК, 2004. – 280 с.
35. Бутакова, Н.А. Обычаи и обыкновения в коммерческой деятельности [Текст] / Н.А. Бутакова // Научные тр. Северо-Западного ин-та упр. –СПб., 2011. – Т. 2, № 1. – С. 140-149.

36. Бутешова, А. Р. Концепт Жизнь в русской и кыргызской картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол. наук / А. Р. Бутешова. – Бишкек, 2012. – 22 с.

37. Валеев, Д.Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса [Текст] / Д. Ж. Валеев // Правоведение. – Л., 1974. – № 6. – С. 71-78.

38. Винтина, С.Г. Семейно-праздничная обрядность русского населения мордовского края на рубеже XIX-XX вв. [Текст] / С. Г. Винтина // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. – 2010. – Т. 13, № 1. – С. 202-217.

39. Гамзатова, А. Ш. О принудительных гостеваниях в Дагестане Х1Х-начала XX вв. [Текст] / А. Ш. Гамзатова // Изв. Дагестан. гос. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. – Махачкала, 2012. – № 2. – С. 17-20.

40. Гарипова, Г. Р. Концепт Гостеприимство в русском и английском языках (на материале фразеологизмов) [Текст]: автореф.дис. ... канд.филол.наук / Г.Р. Гарипова. – Уфа, 2010. – 23 с.

41. Гиндин, Л. А. Обряд погребения Атиллы и тризна Ольги по Игорю [Текст] / Л. А. Гиндин // Сов. славяноведение. – 1990. – № 1. – С. 65-67.

42. Глебкин, В.В. Ритуал в советской культуре [Текст] / В. В. Глебкин. – М.: Янус – К, 1998. – 168 с.

43. Грязнов, Д.Г. Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке [Текст]: автореф.дис. ... канд.юрид.наук / Д.Г. Грязнов. – М., 2001. – 21 с.

44. Дабаева, Г.А. Традиция как форма нравственной регуляции общества [Текст] / Г.А. Дабаева // Вестн. Дагестан. гос. ун-та. –Махачкала, 2010. – № 5. – С. 81-84.

45. Даль, В.И. Пословицы русского народа[Текст]: сб. / В. И. Даль. – М.: Худож. лит., 1957. – 990 с.

46. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4-х т. / В. И. Даль. – М.:Рус. яз.,1978. – Т. 1: А-З. – 699 с.; Т. 2: И-О. – 1979. – 779 с.; Т. 4: Р-V. – 1982. – 683 с.

47. Дарбанов, Б.Е. Проблемы теории речевосприятия (на материале лингвоэтнокультурного пространства Кыргызстана) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол.наук / Б. Е. Дарбанов. – Бишкек, 2013. – 44 с.
48. Демичев, И. В. Обычай, ритуал и проблема устойчивости социальной системы [Текст] / И.В. Демичев // Вестн. Башкир. ун-та. – 2009. – Т. 14, № 3. – С. 963-965.
49. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке [Текст] / В. З. Демьянков // Вопр. филологии. – М., 2001. – № 1(7). – С. 35-47.
50. Дербишева, З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры [Текст] / З.К. Дербишева. – Бишкек: [б. и.], 2012. – 176 с.
51. Дербишева, З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка [Текст] / З. К. Дербишева. – Бишкек:[б.и.], 2012. – 404 с.
52. Дербишева, З.К. Язык и этнос [Текст] / З.К. Дербишева. – М.: Флинта, 2017. – 256 с.
53. Джусупова, А.А. Функционально-смысловая эквивалентность вариантов и трансформ пословично-поговорочных изречений [Текст] / А.А. Джусупова // Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка. – Бишкек, 2016. – С. 565-685.
54. Дзюбан, В.В. Традиции, культура и промыслы казачества России: методологические и научно-практические аспекты исследования [Текст] / В.В. Дзюбан // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2011. –№ 3. – С. 99-104.
55. Добрин, К.Ю. Феномен социальной нормы [Текст] / К.Ю. Добрин // Вестн. Саратов. гос. ун-та. – 2011. – Т. 3, № 1. – С. 248-254.
56. Добровольская, В.Е. Запреты и предписания, связанные с исполнением похоронно-поминальных причитаний, в традиционной культуре Центральной России (материалы Владимирской и Ярославской областей) [Текст] / В.Е. Добровольская // Славянская традиционная культура и современный мир. – М., 2009. – Вып. 12. –С. 319-333.

57. Добровольская, В.Е. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол.наук / В.Е. Добровольская. – Новосибирск, 2005. – 21 с.
58. Дронова, Н.П. Фреймовый подход к моделированию обычая [Текст] / Н.П. Дронова // Когнитивные исслед. яз. –Тамбов, 2013. – № 14. – С. 315-321.
59. Дрофа, Л.И. Ключевые понятия когнитивной лингвистики [Текст] / Л.И. Дрофа. – Ош: [б.и.], 2009. – 97 с.
60. Евзлин, М. Космогония и ритуал [Текст] / М. Евзлин. –М.: Радикс, 1993. – 344 с.
61. Егорова, О.В. Крещение детей у чувашей: обычаи, обряды, традиции [Текст] / О. В. Егорова // Вестн. Чуваш. ун-та. –Чебоксары, 2009. – № 4. – С. 39-44.
62. Ефанова, Л.Г. Категория нормы как объект лингвистического исследования [Текст] / Л. Г. Ефанова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2010. – № 6. – С. 21-24.
63. Жакшылык-Нур А. Кыргызчылык [Текст] / А. Жакшылык-Нур. – Бишкек: Бийиктик, 2009. – 589 с.
64. Жамшитова, Г. Ж. О типах картин мира [Текст] / Г.Ж. Жамшитова, Э.А. Абдувалиева // Современные тенденции развития науки и технологии. – Белгород, 2017. – № 1-6. – С. 41-45.
65. Жеңишбек кызы М. Алтайдагы кыз узатуу [Текст] / М. Женишбек кызы // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – С. 145-147.
66. Залевская, А.А. Концепт как достояние индивида [Текст] / А. А. Залевская // Слово. Текст: изб. тр. – М., 2005. – С.234-244.
67. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 36-44.
68. Зализняк, А.А. Гости как мероприятие в русском языке и картине мира [Текст] / А.А. Зализняк // Россика. Русистика. Россиеведение/ отв. ред. Е.И. Пивовар. – М., 2010. –Кн. 1: Язык История Культура. – С. 100-114.

69. Зубкова, Л.Б. Эволюция представлений о языковой категоризации мира [Текст] / Л.Б. Зубкова // Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000. – Ч. 2. – С. 176-180.
70. Зулпукаров, К.З.Бата салты үйрөнүүгө арзыйт [Текст] / К.З. Зулпукаров, А. А. Абдулатов // Эл агартуу. – 2002. – № 3/4. – С. 48-56.
71. Зулпукаров, К. З. Отражение этнического менталитета в теологических концептах [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.А. Калмурзаева, С.С. Сейитбекова // Сб. науч. тр. [фак. рус. филол. Ош. гос. ун-та]. – Ош, 2010. – Вып. 2. – С. 7-12.
72. Зулпукаров, К.З.Когнитивдик-тилдик параллелизм жана «Аккан суу» концептинин Токтогул менен Барпынын чыгармаларында берилиши [Текст] / К.З. Зулпукаров, У. Т. Камардинова // Эл агартуу. – 2012. – № 3/4. – С. 28-40.
73. Зулпукаров, К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание [Текст] / К.З. Зулпукарова. – Ош: Ош. гос. ун-т, 2016. – 768 с.
74. Зулпукаров, К.З. Смысловая структура киргизского словосочетания и предложения с точки зрения китайского языка [Текст] / К.З. Зулпукаров // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской семьи языков. – Бишкек, 2017. – С. 793-805.
75. Ибрагимов, С. Лингвокультурология-тилдик маданият таануу: тарыхы жана теориялык негиздери [Текст] / С. Ибрагимов. – Бишкек:[б-сыз.], 2004. – 118 б.
76. Ивашенко, О. В. Концепт вера в современном русском языке [Текст] / О.В. Ивашенко // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. – Воронеж, 2000. – С. 186-187.
77. Кадырбекова, П.К. Контрастивный анализ эвфемизмов, обозначающих понятие смерть [Текст] / П.К. Кадырбекова // Наследие Александра Гумбольдта в исследовании разных регионов. – Бишкек, 2006. – С. 110-116.
78. Кадырбекова, П.К. Лингвокультурологические и лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации [Текст] / П. К. Кадырбекова. – Бишкек: [б.и.], 2012. – 419 с.

79. Кадырбекова, П.К. Формы обращения в межкультурном сравнении [Текст] / П. К. Кадырбекова // Вестн. Кырг. нац. ун-та. Сер. 1. – Бишкек, 2006. –Вып.3. – С. 105-115.

80. Кадырбекова, П.К.Культурная специфика табу [Текст] / П.К. Кадырбекова, Б.Сулайманова // Наследие Александра Гумбольдта в исследовании разных регионов. – Бишкек, 2006. – С.77-84.

81. Кадыркулов, А. Кыргыздын тыюу ырымдары [Текст] / А. Кадыркулов // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – С. 384-398.

82. Кадыркулов, А. Насаат [Текст] / А. Кадыркулов // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – С. 669-720.

83. Казнина, Е. Б. Концепт вера в диалогическом христианском дискурсе [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол.наук / Е. Б. Казнина. – М., 2004. – 21 с.

84. Калмурзаева, А.А. Инвариантное в провербиальном пространстве языка [Текст] / А.А. Калмурзаева // Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка. – Бишкек, 2016. – С. 337-446.

85. Калмурзаева, А.А. Теологические концепты в провербиально-языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол.наук / А. А. Калмурзаева. – Бишкек, 2012. – 22 с.

86. Калмыкова, Е. В. Обряд колядования как текст-структура, семантика, лексика, классификация колядок и овсеней: на тамбовском материале [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол.наук / Е. В. Калмыкова. –Тамбов, 2003. – 20 с.

87. Камардинова, У. Т. Суу концептинин когнитивдик-тилдик мазмуну [Текст]: филол.илим.канд. ... дис. автореф. / У. Т. Камардинова. – Бишкек, 2016. – 23 б.

88. Камбаралиева, У.Д. О моделях времени в лингвистике [Текст] / У.Д. Камбаралиева // Один мир - много культур. – Бишкек, 2013. – С. 131-134

89. Камбаралиева, У.Д. О способах и средствах репрезентации времени в русском и кыргызском языках [Текст] / У. Д. Камбаралиева // Изденис. – Алматы, 2013. – № 2. – С. 26-31.

90. Камбаралиева, У.Д. Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира (на материале русского и кыргызского языков) [Текст]: автореф.дис. ... д-ра филол.наук / У. Д. Камбаралиева. – Бишкек, 2014. – 47 с.
91. Капица, Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы [Текст]: справ./ Ф.С. Капица.– 3 изд. – М.: Флинта;Наука, 2001. – 215 с.
92. Караева, З.К. Алломорфные признаки гиперболических средств на английском и кыргызском языках [Текст] / З. С. Караева // Вопр. филол. наук. – М., 2006. – № 1(18). – С. 42-45.
93. Караева, З.К. Перевод и семиотика: Многоязычное бытие эпоса Манас и теоретико-методологические проблемы транслатологии [Текст] / З.К. Караева. – Бишкек: Айат, 2006. – 332 с.
94. Караева, З.К. Семиотические основы кыргызской культуры [Текст] / З. К. Караева // Вестн. Междунар. ун-та Кыргызстана. – Бишкек, 2007. – № (14). – С. 115-119.
95. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. - Волгоград: Перемена, 2002. – 312 с.
96. Кармыштегин, М.О. Кыргыздардын майрам маданияты [Текст] / М.О. Кармыштегин // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской семьи языков. – Бишкек, 2017. – С. 417-463.
97. Кенжебаев, Д.О. Котормонун илимий теориялык негиздери [Текст] / Д.О. Кенжебаева. –Бишкек: [б.и.], 2014. – 403 б.
98. Кильдибекова, Т.А. Основные направления когнитивного описания языка [Текст] / Т.А. Кильдибекова // Теория поля в современном языкознании. – Уфа, 1999. – Ч.5. – С. 4-15.
99. Киреева, Ю.Н. Традиции, обычаи и обряды ставропольских крестьян в начале XX века: истоки, состояние и значение [Текст]: автореф. дис. ... канд.ист.наук / Ю. Н. Киреева. – Пятигорск, 2007. –26 с.
100. Киреевский, И.В. Духовные основы русской жизни [Текст] / И. В. Киреевский. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2007. – 445 с.

101. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол.наук / М. Л. Ковшова. – М., 2009. – 34 с.

102. Козлов, В.Н. Обычай делового оборота и деловое обыкновение: проблемы соотношения [Текст] / В.Н. Козлов // Вопр. теории и практики. – 2012. – № 12. –С. 96-98.

103. Койчуманов, Ж. Макал-лакаптар, нуска сөздөр, накыл кептер, залкар ойлор [Текст] / Ж. Койчуманова, Ы. Кадыров. – Бишкек: Бийиктик плюс, 2012. – 540 б.

104. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В. В. Колесов. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2006. – 624 с.

105. Колкова, Н.А. Русские обрядовые концепты во фразеологическом представлении [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол.наук / Н. А. Колкова. – Оренбург, 2011. – 19 с.

106. Корнишина, Г.А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, форма бытования [Текст] / Г. А. Корнишина. – Саранск: МГПИ им. М.Е.Евсевьева, 2000. – 150 с.

107. Костин, А.В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И. Даля (на материале концепта вода) [Текст]: автореф.дис.... канд.филол.наук / А. В. Костин. – Иваново, 2002. – 226 с.

108. Костромичева, М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины [Текст] / М. В. Костромичева. – Орел: Орлов. гос. ун-та, 1998. – 218 с.

109. Кравченко, А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе [Текст] / А.В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С.Кубряковой. – М., 2009. – С. 51-66.

110. Красных, В.В. Словарь и грамматика: Основы психолингвокультурологии [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.

111. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика-психология-когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопр. языкознания. – 1994. – №4. – С. 26-34.

112. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6-17.

113. Кудайбердиев М. Памирдик кыргыздардын каада-салты [Текст] / М. Кудайбердиев // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – С. 338-346.

114. Кыргыз тилинин сөздүгү [Текст] / А. Акматалиевдин жалпы редакциясы астында. – Бишкек: Avrasya press, 2011. – Т. 1. – 880 б.;Т. 2. – 891 б.

115. Кыргыз элинин чечендик өнөрү [Текст] / О.Э. Капалбаев. – Б., 2015. – 352 с.

116. Лазариди М.И. Концепты психических состояний «страх», «беспокойство», «злость» [Текст] / М.И. Лазариди //Русский язык в Кыргызстане. – Вып. V. – Бишкек, 2009. – С.67-73.

117. Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность: теория, методология, опыт криминологического анализа [Текст] / С.Я. Лебедев. – Москва: Межрегион.центр коммерч. безопасности, 1995. – 116 с.

118. Ледовская О.В. Роль традиций в современной культуре [Текст]: Автореф. дис... канд.филос.наук / О.В. Ледовская. – Ставрополь, 2006. – 151 с.

119. Леонтьева, Т. Г. Обычай в русском языке: Слово и понятие [Текст] / Т.Г. Леонтьева. – М.: Флинта:Наука, 2014. – 200 с.

120. Лисина Е.А. Феномен ритуала в жизни общества (социально-философский анализ) [Текст]: Автореф. дис... канд.филос. наук / Е.А. Лисина. – Оренбург, 2008. – 21 с.

121. Лисицын, Н.В. Обычаи российского права [Текст]: автореф.дис. ... канд.юрид.наук / Н.В. Лисицын. – М., 2010. – 21 с.

122. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Изв. Рос. акад.наук. Сер. лит. и яз. – 1993. – № 1. – С. 3-9.

123. Лобанова, Т.В. Основные подходы к изучению проблемы традиции [Текст] / Т.В. Лобанова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И.Лобачевского. Сер.Социал. науки. – 2008. – №1 (9). – С. 70-76.

124. Лугуев, С.А. Об обычаях и обрядах народов Дагестана, связанных с традиционными занятиями населения [Текст] / С.А. Лугуев // Вестн. ин-та истории, археологии и этнографии. – 2009. – № 19. – С. 131-145.

125. Мадаминова, Д.Б.О понятийном и оценочном содержании концепта обычай / салт в русском и кыргызском языках [Текст] / Д.Б. Мадаминова, Э.А. Абдувалиева // Современные тенденции развития науки и технологии. – Белгород, 2017. – № 3. – С. 94-97.

126. Манликова, М.Х. Этнокультуроведческая лексикография: научные основы, сопоставления и развития [Текст] / М.Х. Манликова. – Бишкек: [б.и.], 2006. – 516 с.

127. Маркарян, Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции [Текст] / Э. С. Маркарян // Сов. этнография. – 1981. –№ 2. – С. 78-96.

128. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику[Текст]: учеб.пособие / В.А. Маслова. – 3-е изд., исправ. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 269 с.

129. Минниях метова, Т.Г. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор [Текст] / Т.Г. Минниях метова. – Тарту: Tartu University Press, 2003. – 258 с.

130. Мокшина, Ю.Н. Брак и семья в обычном праве мордвы [Текст] / Ю.Н. Мокшина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. – 256с.

131. Молдокулова, Д. Кыргыздардын жашоосунда колдонулган мал-жандыкка колдонулган тыюулар [Текст] / Д. Молдокулова // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – С. 354-358.

132. Мурадымова, Е.Н. Термины родства в лингвокультурологическом аспекте [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол.наук / Е.Н. Мурадымова. – Бишкек, 2011.– 22с.

133. Мырзахметов, А.К. Кыргыз жана алтай тыюулары [Текст] / А.К. Мырзахметов // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской семьи языков.– Бишкек, 2017. – С.516-524.

134. Невмержицкая, Е.В. Этнопедагогический потенциал религиозных праздников и обрядов [Текст] / Е.В. Невмержицкая // Этносоциум и межнациональная культура. – 2010. – Т.30, №6. – С.149-155.

135. Нечипуренко, В.Н. Ритуал (опыт социально-философского анализа) [Текст] / В.Н.Нечипуренко. – Ростов н/Д.: Ростов.гос. ун-та, 2002. – 279 с.

136. Нурдинов, А. Оогандык кыргыздардын салт-санаасы [Текст] / А. Нурдинов // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – С.346-354.

137. Оморов, А.Баба салты, тарых изи жана жөрөлгө [Текст] / А. Оморов. – Бишкек, 2003. – 260 Б.

138. Ормокеева Р.К. Концепт «Страх/коркуу» в ментально-языковом сознании носителей русского и кыргызского языков [Текст]: Автореф. дис... канд.филол.наук / Р.К. Ормокеева. – Бишкек, 2016. – 25 с.

139. Осмонова, С.К. Параллели в традиционных свадебных обрядах народов Алтая и кыргызов [Текст] / С.К. Осмонова // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской семьи языков. – Бишкек, 2007. – С. 539-547.

140. Панкеев, И.А. Обычаи и традиции русского народа [Текст] / И. А. Панкеев. – М.: Олмапресс, 1999. – 542 с.

141. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.

142. Плахов, В.Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования [Текст] / В. Д. Плахов. – М.: Мысль, 1982. – 220 с.

143. Попова, З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики [Текст] / З. Д. Попова // Вестн. Воронеж.гос. ун-та. Сер. 1: Гуманит. науки. – 1996. – № 2. – С. 64-68.

144. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 320 с.

145. Попова, З.Д.Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.

146. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта [Текст] / Ю.Е. Прохоров – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.

147. Пьянкова, К.В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол. наук / К. В. Пьянкова. – Екатеринбург, 2008. – 19 с.

148. Рамазанова, З.Б. Обряды и обычаи производственного цикла у народов Дагестана (Х1Х-ХХ вв.) [Текст] / З. Б. Рамазанова // Вестн. ин-та истории, археологии и этнографии. – 2012. – № 4. – С. 71-79.

149. Рахилина, Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты [Текст] / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып.36. – С. 27-323.

150. Рейли, М.В. Истоки жизни: русские обряды и традиции [Текст] / М. В. Рейли. – СПб.: Невский проспект, 2002. – 253 с.

151. Рогачев, В.И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор: историко-этнографические, региональные, языковые аспекты [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол.наук / В.И. Рогачев. – Казань, 2004. – 39 с.

152. Рудакова, А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.

153. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия [Текст]: репринт. воспроиз. изд. 1880г. / сост. М. Забылин. – М.: Кн. принтшоп, 1990. – 625 с.

154. Русско-кыргызский словарь [Текст]: 51 000 слов / под ред. К. К. Юдахина. – Бишкек: Кут Бер, 2012. – 992 с.

155. Рысбаев, С. Улуулардан таберик: кыргыздын этнографиялык түшүнүктөрүнөн [Текст] / С. Рысбаев, К. Ибрагимова, Б. Асранкулова. – Бишкек, 2016. – 256 б.

156. Рычкова, Т.А. Словосочетания, называющие повседневные ритуальные действия [Текст] / Т.А. Рычкова // Дискуссия. – 2011. – № 8. – С. 155-156.

157. Рычкова, Т.А. Текстовое употребление словосочетаний, обозначающих русские традиции и обычаи [Текст] / Т. А. Рычкова // Дискуссия. – 2011. – № 8. – С. 157-159.

158. Рязанова-Даури, В.С. Нравы и обычаи в повседневной культуре хантов и манси [Текст]: автореф. дис. ... канд. культурологии / В.С. Рязанова-Даури. – СПб., 2011. – 21 с .

159. Сабиралиева, З. М. Характеристика концепта Юмор в русской лингвокультуре [Текст] / З. М. Сабиралиева // Сб. науч. трудов [фак-та рус.филол. Ош.гос. ун-та]. – Ош, 2010. – Вып.2. – С. 48-51.

160. Сабитова, З.К. Лингвокультурология [Текст]: учеб. / З.К. Сабитова. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 528 с.

161. Садиков, Р.Р. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у закамских удмуртов (конец Х1Х-начало ХХ в.) [Текст] / Р.Р. Садикова // Изв. Уфим. науч. центра РАН. – 2011. – №2. – С.69-75.

162. Сакиева, Н. Ар бир адам өзүн кантип жеңет? [Текст] / Н. Сакиева // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011. – С.498-512.

163. Сакиева, Н. Баланы кайсы убагында тарбиялоо керек? [Текст] / Н. Сакиева // Ата-бабалар табериги.- Бишкек, 2011. – С.82-113.

164. Сакиева, Н. Үй-бүлөдө аял менен эркектин милдети жана орду кайсы убакта бузулат? [Текст] / Н. Сакиева // Ата-бубалар табериги. – Бишкек, 2011. – С. 24-28.

165. Саралаев, М.К. Особенности развития традиционных игр и состязаний енисейских кыргызов в эпоху великодержавия [Текст] / М.К. Саралаев // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи. – Бишкек, 2017. – С.568-573.

166. Седакова, О.А. Обрядовая терминология и структура обрядового текста (погребальный обряд восточных и южных славян) [Текст]: автореф. дис. ...канд.филол.наук / О.А. Седакова. – М., 1983.– 19с.

167. Сергеева, А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / А.В. Сергеева. – М.: Флинта: Наука, 2004.– 323с.

168. Словарь русского языка: в 4 томах[Текст]: в 4 т. /гл.ред. А. П.Евгеньева.– изд. 3-е, стереотип. – М.: Рус. яз., 1985.– Т. 1. – 696с.

169. Словарь современного русского литературного языка [Текст] / под ред. В.И. Чернышева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 2: В. – 1393 с.; Т. 4: Ж-З. – 1955. – 1366 с.; Т. 7: Н. – 1958. – 1470 с.; Т. 8: О. – 1959. – 1840 с.; Т. 13: С-сняться. – 1962. – 1516 с.; Т. 14: Со-сям. – 1963. – 1392 с.; Т. 15: Т-Тятя. – 1963. – 1288 с.; Т. 16: У-Ф. – 1964. –1610 с.

170. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст]: автореф. дис.… д-ра филол. наук / Г.Г. Слышкин. – Воронеж, 2004. – 35 с.

171. Советский энциклопедический словарь [Текст]/гл.ред. А.М.Прохоров. – изд.3-е. – М.: Сов.энцикл., 1985.– 1599с.

172. Соколов, А.И. Традиции и обычаи как регулятивный и социокультурный феномен общества [Текст]: автореф. дис. ...канд.филол.наук / А.И. Соколов // Чувашский гос.ун-т.им.И.Н.Ульянова. – Чебоксары, 2008.– 21 с.

173. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Акад. проект, 2004. – 991 с.

174. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Яз. Славян.культур, 2007. – 248 с.

175. Стернин, И. А. Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызстане [Текст] / И.А. Стернин, М.Дж. Тагаев, У.Дж. Камбаралиева // Кыргызский и русский языки: Горизонты взаимодействия. – Бишкек, 2015. – С.30-42.

176. Стернин, И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / И. А. Стернин // Вопр.когнитив. лингвистики. – 2004. – №1. – С. 65-69.

177. Суфиев, У.М. Традиции и инновации в свадебных обычаях и обрядах таджиков долины р. Сох [Текст]: автореф. дис.... канд.ист.наук / У. М. Суфиев. – Л., 1991. – 16 с.

178. Суханов, И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений [Текст] / И. В. Суханов. – М.: Изд-во полит. лит., 1976. – 216 с.

179. Сыдыков, А. Н. Концепт Мезгил [Текст] / А.Н. Сыдыков // Кыргыз тили ж-а адабияты. – 2009. – № 16. – С. 116-121.

180. Сыдыков, А.Н. Летоисчисление у кыргызов: истоки и современность [Текст] / А.Н. Сыдыков // Вестн. Бишкек. гос. ун-та. – 2003. - № 1. – С. 79-82.

181. Сыдыков, А.Н. Этнолингвистика: опыт ретроспективы [Текст]: моногр. / А.Н. Сыдыков. – Бишкек: [б.и.], 2011. – 236 с.

182. Табалдиев, К.Ш. Преемственность культуры на примере головных уборов древних и средневековых кочевников на территории Кыргызстана [Текст] / К.Ш. Табалдиев, Т.К. Абдиев // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской семьи языков. – Бишкек, 2017. – С. 592-600.

183. Тагаев, М.Дж. Лингвокогнитивная модель описания неродного языка в учебных целях [Текст] / М. Дж. Тагаев // Вестн. Ош. гос. ун-та. Сер. гуманит. наук. – 2004. – № 4. – С. 165-168.

184. Тагаев, М.Дж. Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования[Текст] / М.Дж. Тагаев. – Бишкек: КРСУ, 2004. – 282 с.

185. Тагаев, М.Дж. Языковая личность в иноязычном культурно-дискурсивном пространстве [Текст] / М.Дж. Тагаев // Проблемы модернизации образования в условиях вхождения России в Болонский процесс: материалы конф. – Кемерово, 2005. – Ч. 2. – С. 335-339.

186. Талапова, Т. А. Концепт вера / неверие в русской языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ...канд.филол. наук / Т. А. Талапова. – Абакан, 2009. – 22 с.

187. Тарасов, Е.Ф. Языковое сознание-перспективы исследования [Текст] / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование. – М., 2000. – С. 2-3.

188. Темиркулова, Ы. А. Концепт кровь / кан в русском и кыргызском языках [Текст] / ЫА. Темиркулова // Кыргызский и русский языки: горизонты взаимодействия. – Бишкек, 2015. – С. 130-136.

189. Тимошевская, Т.А. Национально-культурные особенности функционирования концепта Вера: на материале русского и английского

языков [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол.наук / Т.А. Тимошевская. – Краснодар, 2012. – 21 с.

190. Толстая, С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры [Текст] / С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней духовной славянской культуры: источники и методы. – М., 1989. – С. 215-229.

191. Төлөкова, Э.Т. Некоторые особенности фреймовых и сценарных слотов кыргызского языка (на примере обычаев и обрядов кыргызского народа) [Текст] / Э.Т. Төлөкова // Язык. Культура. Этнос. – Бишкек; Санкт-Петербург, 2017. – Вып. 12. – С. 145-154.

192. Триль, Ю.Н. Социокультурные функции обряда (на материалах народов Северного Кавказа) [Текст]: автореф. дис. ... канд. социологии / Ю. Н. Триль. – Майкоп, 2009. – 19 с.

193. Тургунбаева, С. Ж., Каримова Т.У. Пропозиционально-когнитемное строение пословичного предложения [Текст] / С.Ж. Тургунбаева, Т.У. Каримова // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород, 2017. – № 3-5. – С. 110-113.

194. Убийко, В. И. Концепт вера в концептосфере русского языка [Текст] / В.И. Убийко // Актуальные проблемы современного языкознания: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедры общего и сравнительно-ист.языкознания Башкир. гос. ун-та. – Уфа, 1998. –С. 189-192.

195. Фатыхова, Ф.Ф. Традиционные обряды и обычаи башкир, связанные с рождением и смертью [Текст]: автореф. дис. ... канд.ист.наук / Ф. Ф. Фатыхова. – Воронеж, 2011. – 19 с.

196. Финько, О.С. Лексика свадебного обряда Кубани [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол. наук / О. С.Финько. – Славянск-на-Кубани, 2011. – 22 с.

197. Фисенко, О. С. Концепт “гроза”в русском языковом сознании [Текст]: автореф. дис. ... канд.филол.наук / О. С. Фисенко. – Воронеж, 2005. – 21 с.

198. Цаллагова, З.Б. Теория и практика функционирования афористических средств и форм традиционного воспитания у народов Северного Кавказа [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук / З.Б. Цаллагова. – М., 1998. – 445 с.

199. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко. – М.: Москов. ун-т, 1997. – 320 с.

200. Шакирова, Г. Күйөөгө берилген кызды көчүрүп баратканда энесинин айткан насааты [Текст] / Г. Шакирова // Ата-бабалар табериги. – Бишкек, 2011.– С. 242-244.

201. Шацкая, М.Ф. Обычай-обыкновение-международное право [Текст] / М. Ф. Шацкая // Рус. речь. – 2006.–№ 4. – С. 86-89.

202. Швецова, В.М. Экспериментальное исследование содержания концепта “вера” (на примере словарных дефиниций) [Текст] / В. М. Швецова // Вопр.современной науки и практики. – 2006. – № 4 (5). – С. 117-120.

203. Шейман, Л.А. К проблеме межэтнокультурной интерференции [Текст] / Л.А. Шейман // Психолингвистика и межкультурное взаимодействие. – М., 1991. – С.330-331.

204. Шейман, Л.А. Этнокультуроведение: Педагогическое сопряжение языков и культур [Текст]: в 2-х ч./ Л. А. Шейман. – Бишкек, 2013. – Ч. 1. –305 с.; Ч. 2. – 306 с.

205. Щанкина, Л.Н. Семейные обряды мордвы Западной Сибири [Текст] / Л. Н. Щанкина // Вестн. НИИ гуманит. наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2010. – Т. 13, № 1. – С. 112-125.

206. Энциклопедия русских обычаев[Текст]: энцикл. / сост. Н.А. Юдина. – М.: Вече, 2001. – 512 с.

207. Эргешева, С.Б. Паремияларда антонимдик концепттер аркылуу тилдик дүйнө сүрөтүнүн жана менталдык пропозициянын берилиши [Текст]: автореф. дис…. канд. филол. наук / С. Б. Эргешева. – Бишкек, 2010. – 19 с.

208. Югай, Е.Ф. Ключевые образы плача [Текст]: автореф. дис.... канд.филол.наук / Е. Ф. Югай. – М., 2011. – 20 с.

209. Юдахин, К.К. Киргизско-русский словарь [Текст]: в 2-х кн.: около 40 000 слов / К.К. Юдахин. – Фрунзе: КСЭ, 1985. – Кн. 1: А – К. – 504 с.; Кн. 2: Л – Я. – 480 с.

210. Яговдик, Е.В. Трансформации ритуала в культурно-эволюционном процессе (философско-культурологический анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е.В. Яговдик. – Белгород, 2005. – 19 с.

211. Языкознание [Текст] // Большой энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 721.

212. Яковлева, М.Н. Обычаи алтайского этноса как регулятор современных социальных процессов в Республике Алтай [Текст]: автореф. дис. ... канд. социол. наук / М.Н. Яковлева. – Тюмень, 2007. – 20 с.